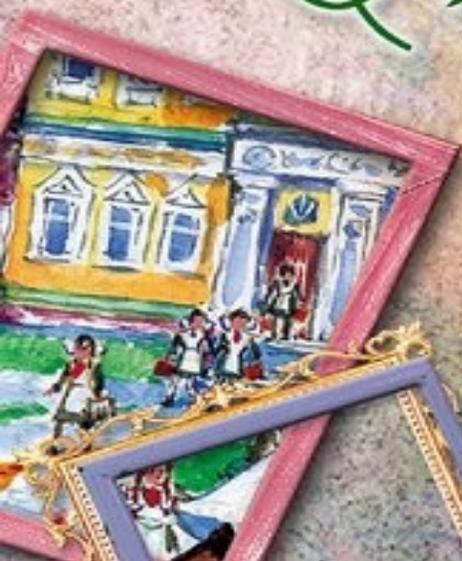

Елена
Ильина

Обыкновенные
девчонки

Это моя школа
Четвертая высота

Annotation

В книгу вошли две повести Е. Ильиной – одна о мирном времени, другая о войне. Разные герои, разные судьбы, но как похожи их характеры – они искренние, честные, они умеют преданно любить и верят в настоящую дружбу.

- [Елена Ильина](#)
 - [Это моя школа](#)
 - [К моим читателям](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Опять в школу](#)
 - [Первый урок](#)
 - [Бывшие подруги](#)
 - [Дома](#)
 - [Живая и неживая природа](#)
 - [Дюймовочка](#)
 - [За стеклянной стеной](#)
 - [Первый сбор](#)
 - [Старшие и младшие](#)
 - [Танин праздник](#)
 - [Рассказ о героях](#)
 - [Молодые граждане](#)
 - [Без Людмилы Федоровны](#)
 - [Лучшее название](#)
 - [Анна Сергеевна](#)
 - [Справедливо или несправедливо?](#)
 - [Клятва](#)
 - [Всё по-другому](#)
 - [Трудная задача](#)
 - [На большой перемене](#)
 - [Честное пионерское](#)
 - [Разговор с отцом](#)
 - [Конец ознакомительного фрагмента.](#)
-

Елена Ильина

Обыкновенные девчонки (сборник)

Это моя школа

К моим читателям

Есть старая пословица: «Скоро сказка сказывается, но не скоро дело делается».

Но нередко бывает и так, что скоро дело делается, да не скоро сказка сказывается.

Пока писалась и печаталась эта книга, в школьной жизни кое-что изменилось. Школа, о которой здесь рассказывается, стоит на том же самом месте, что и раньше. Только теперь там учатся не одни девочки, а также и мальчики. Школьники проходят те же самые предметы. А вот экзаменов стало меньше.

Но по-прежнему ребята учатся, устраивают пионерские сборы, мастерят, издают свою газету, веселятся на школьных каникулах. По-прежнему каждый день приносит с собой в класс и счастье крепнущей дружбы, и преодоление новых трудностей, и горечь неудач, и радость достигнутых успехов.

О том, как жили и росли изо дня в день в продолжение одного школьного года Катя Снегирева и ее друзья, и рассказывается на страницах этой повести.

Елена Ильина

Часть первая

Опять в школу

Солнце грело, точно летом. Только деревья стали пестрыми – к их зелени примешались желтые и красные листья.

Как в летний день, человек в фартуке, шаг за шагом передвигаясь по дорожке бульвара, подтягивал за собой тугой черный шланг. Из шланга с шумом вырывалась вода, играя в лучах разноцветными брызгами, и над струей стояло что-то вроде маленькой радуги.

По залитому солнцем бульвару шли две школьницы.

– Ну вот, мы уже и в четвертом! – говорила Катя Снегирева, шагая рядом с подругой. – А я ведь только сейчас по-настоящему этому поверила. Летом, когда меня спрашивали, в каком я классе, я и сама не знала, что сказать – не то в третьем, не то в четвертом. А вот теперь мы с тобой, Анька, и в самом деле идем в четвертый класс, в четвертый «А». Здорово!

– Еще бы! – сказала Аня Лебедева, стараясь идти в ногу с Катей и размахивая обеими сумками – своей и Катиной. – Первая буква из всех букв! А раз первая, значит, и наш класс – первый из всех четвертых. Верно, Катя?

Катя несла обеими руками большой пестрый букет. От осенних цветов и листьев пахло сырой свежестью земли.

– Буква тут ни при чем, – сказала Катя, вдыхая на ходу этот легкий, едва уловимый запах. – По-твоему, выходит, что четвертый «Д» должен быть на последнем месте? Нет, тут не в букве дело. Главное – какой класс! С четвертого уже экзамены пойдут! Знаешь, я экзамена по русскому письменному не боюсь, я только арифметики боюсь...

– А я – наоборот! – сказала Аня. – Я согласна на пять уроков арифметики подряд, только бы не было русского письменного... Почему это так? Мы с тобой подруги, с первого класса на одной парте сидим, а у нас все по-разному.

– Не знаю, – ответила Катя. – Давай, Аня, я тебе буду каждый день диктовку диктовать, а ты мне каждый день задачу задавай. Хочешь? И давай дружить до десятого класса! То есть, что я – «до десятого»!.. И потом тоже.

– Всю жизнь?

– Всю жизнь.

– Ну, это другое дело. А то если только до десятого, тогда какая же это дружба!

Позади слышались голоса, смех, чьи-то торопливые шаги. Девочки оглянулись. Вслед за ними шли девушки, почти совсем взрослые, и тоже несли большие букеты цветов. В этой веселой, пестрой толпе Катя увидела свою старшую сестру Таню. Таня была еще в своем школьном платье, но уже без передника.

– Таня, а ты не опоздаешь? – спросила Катя, когда девушки подошли ближе. – Тебе же надо в институт.

Слово «институт» казалось ей таким новым, интересным, красивым. Подумать только – Таня уже в институте! А давно ли она с Катей ходила в одну и ту же школу и бабушка обеим давала перед уходом по одинаковому пакетику с завтраком!

– В институт мне к десяти, – ответила Таня и озабоченно взглянула на свои ручные часики. – А вот вы, девочки, пожалуй, и в самом деле опоздаете – скоро восемь.

И Таня прошла вперед – под руку со своей подругой Лидой.

– Куда это они? – спросила Аня.

– В школу. В нашу школу.

– Вот странно! – удивилась Аня. – Разве окончившие тоже должны быть сегодня в школе?

– Нет, конечно, не должны, – сказала Катя. – Но я бы на их месте непременно пошла. Вчера Таня говорит нашей бабушке: «Десять лет каждый день ходила в школу – и вдруг завтра не идти. Даже грустно». Вот они и сговорились в первый день занятий побывать у себя в школе, то есть у нас в школе, – понимаешь? Давай, Аня, когда мы кончим десятый класс, мы тоже пойдем первого сентября в школу.

– С часиками? – спросила Аня. – Как у Тани?

– Ну конечно! Ведь у взрослых всегда бывают часы. Ой, Аня, – спохватилась Катя, – мы с тобой говорим про часы, а сами про часы и забыли! Давай бегом!

И девочки пустились бежать по бульвару, обгоняя друг друга.

Мостовая между бульваром и панелью была вся разворочена. Трамвайные рельсы были сняты, и машина, немножко похожая на трактор, укатывала своими тяжелыми широкими валиками черный, еще совсем мягкий, дымящийся асфальт.

Сверху слышался четкий перестук молотков – это рабочие устлали крыши домов новыми железными листами. Деловитый звонкий стукоток будто напоминал девочкам, что сегодня их первый рабочий день.

Школьный двор был похож издали на цветник – столько цветов принесли с собой школьницы. Цветник шевелился и гудел. Широкие, чисто протертые окна поблескивали стеклами, свежесмытые стены казались голубоватыми.

Пробираясь сквозь толпу девочек в коричневых платьях и парадных, только что выглаженных передниках, Катя подняла выше свой букет, чтобы не помять цветов и листьев.

– Где же наши?

– Да что-то не видно... Четвертый «Б», четвертый «В»... Ах, да вот же они! – закричала Аня. – Вон и Людмила Федоровна! Смотри, Катя!..

– Где?

– Да вон, в конце двора.

Катя взглянула туда, куда показывала Аня, и сразу узнала светлые пышные косы, венком лежащие вокруг головы. Это она, Людмила Федоровна! Около нее толпятся девочки. Ее почти не видно, но Катя не столько увидела, сколько угадала знакомую улыбку блестящих серых глаз. Во всей школе нет учительницы красивее и веселее Людмилы Федоровны.

– Людмила Федоровна! Здравствуйте, Людмила Федоровна! – еще издали закричали Катя и Аня.

Учительница обернулась к ним:

– Катюша, Аня! Здравствуйте, девочки!

Школьницы, стоявшие вокруг, расступились. Людмила Федоровна обняла сразу обеих – Катю и Аню. Потом слегка отстранила их от себя и, чуть прищурив светлые, с черным ободком глаза, внимательно оглядела девочек по очереди.

– Выросли, загорели, – сказала она. – Косы у Анечки еще длиннее стали. А у тебя, Катюша, совсем выгорели на солнце. Зато сама ты стала коричневая, как желудь. Спасибо, Катенька, за письма. Молодец – ни одной ошибки!

Людмила Федоровна, слегка склонив голову набок, смотрела на своих девочек. Давно ли она встречала их – маленьких первоклассниц – на этом самом дворе? Давно ли, кажется, вот эта кудрявая девочка, Валя Ёлкина, была такая крошечная, что ее почти не видно было из-за парты? И давно ли эта загорелая светловолосая Катя Снегирева сказала на самом первом уроке: «Тетя, я хочу домой»?

А теперь все они – большие школьницы, пионерки. Кончают начальную школу. В будущем году в этот день пойдут уже в пятый класс...

Кате на минуту показалось, что Людмила Федоровна чем-то озабочена. Но нет, она такая же, как всегда, – улыбающаяся, бодрая, приветливая.

– А вот и наша новенькая, – говорит Людмила Федоровна своим низким, немного хрипловатым голосом и притягивает к себе круглолицую румяную девочку. – Познакомьтесь. Оленина.

– Наташа, – подсказала девочка.

– Наташа Оленина, – повторила Людмила Федоровна. – Сегодня она у нас новенькая, а завтра уже будет, как и вы все, старенькая.

Все засмеялись – не потому, что учительница сказала что-нибудь очень смешное, а просто потому, что хотелось смеяться. Новенькая смутилась и стала еще румянее. Она искоса поглядывала на свою новую учительницу.

– Ну что же ты, Наташа? Иди знакомься со своими будущими подругами, – сказала Людмила Федоровна, оборачиваясь к другим девочкам.

Но Наташа продолжала стоять на месте. Ни она, ни девочки не решались заговорить друг с другом.

Кате стало обидно за эту краснощекую молчаливую девочку, и она подошла к ней первая.

Тем временем по двору длинной цепочкой двинулись самые маленькие.

– Малыши идут, – сказала Катя. – Посмотри, Наташа, до чего они важные!

Впереди, оборачиваясь на ходу, шли учительницы с красными бантами на груди, и каждая вела за собой свой новый класс – 1-й «А», «Б», «В», «Г».

– Не бойся, дочка, не бойся! – говорила вслед уходящей первокласснице ее мама. – Девочки такие славные, учительница такая хорошая...

Первоклассница оглядывалась на мать, волоча чуть ли не по земле свой новый портфель.

– Вот смешные! – сказала Катя, провожая глазами первоклассниц. – У меня маленький братишка тоже сегодня пошел в школу первый раз. Ночью весь дом разбудил – боялся проспать. На часах без четверти шесть, а он думал – половина девятого.

– А кто у тебя еще есть? – спросила шепотом Наташа.

– Сестра старшая, мама, бабушка и папа. А у тебя кто?

– Нас с мамой только двое, – сказала Наташа. – Папу на войне убили. Перед самой победой, за один день. Я тогда еще маленькая была.

Катя смотрела на новенькую, не зная, что сказать. Она смутилась, словно была виновата в том, что у нее есть и папа, и мама, и бабушка, и сестра, и брат, а у Наташи никого нет, кроме мамы.

«Еще хорошо, что я о тетях и дядях не сказала», – подумала Катя. И,

помолчав, спросила:

– А ты к нам из какой школы перешла?

Наташа покраснела.

– Я не перешла, – сказала она. – Я в этой же школе училась... Вот мой бывший класс. Теперь он – пятый «Б». Только это я не сама осталась – меня мама оставила. У меня была операция, аппендицит. Потом – корь. Вот мама и решила оставить меня на другой год.

– Ну, не беда! – уверенно сказала Катя. – Раз болела, значит, не второгодница. Каждый заболеть может. Новенькая – и все!

Наташа посмотрела на Катю благодарными глазами и тихо сказала:

– Ты-то понимаешь, а другие не понимают. Нельзя же каждому объяснять, что болела. А они еще спрашивают: «Почему же ты такая румяная?» А если я от природы такая?

– Ничего, – сказала Катя, – я за тебя всем объясню – и почему осталась и почему румяная.

Она хотела еще что-то сказать, но в эту минуту Людмила Федоровна велела классу построиться в пары, и все пришло в движение. Наташа Оленина отошла в сторонку. Катя кивнула ей:

– Пойдем со мной. – И, оглянувшись, позвала: – Аня! Где ты?

Аня не отозвалась, будто не слышала. Она стояла позади, рядом с белобрысенькой Тоней Зайцевой, с которой никогда не дружила, и все еще держала в руках обе сумки – свою и Катину.

– Аня! – еще раз окликнула ее Катя.

Аня не отвечала.

«Обиделась, – поняла Катя. – Ах, какая!..»

Она хотела было объяснить Ане, что вовсе и не думает всегда ходить с новенькой и что она только для того стала с ней рядом, чтобы не оставить ее в первый день одну среди чужого, незнакомого класса. Но колонна тронулась, и разговоры прекратились. Девочки молча пошли вверх по широкой лестнице.

Все кругом было какое-то новое, праздничное. Стены в этом году выкрасили в бледно-желтый цвет, похожий на сливочное мороженое. В прошлом году они были светло-зеленые, и это очень нравилось Кате. Но теперь ей больше нравились «сливочные» стены.

На первой же площадке школьниц встречала Вера Александровна, директор, – высокая седая женщина, гладко причесанная, в очках. А рядом с ней стояла Катина сестра, Таня, со своей подружкой.

Проходя мимо директора, девочки от смущения на секунду задерживались и, сказав: «Здравствуйте, Вера Алексанна!» – быстро

проходили дальше.

Вера Александровна наклоняла в ответ свою седую голову:

– Здравствуйте, здравствуйте, девочки! – И добавляла, слегка улыбаясь: – Только не спешите так, не бегите. Спокойнее, спокойнее...

И девочки шли дальше, поднимаясь по ступенькам все выше и выше.

Катя посмотрела через перила верхней площадки на нижнюю. Таня и Лида стояли рядом с директором. И первый раз в жизни старшая сестра показалась Кате совсем взрослой.

Первый урок

Людмила Федоровна распахнула дверь. Вот он – знакомый класс, с тремя широкими окнами, с тремя рядами парт, поблескивающих свежим лаком. Только теперь это уже не третий, а четвертый «А». Пустой и тихий, только что отремонтированный, класс как будто ждал этой минуты. Все в нем сразу ожило и зашевелилось.

Захлопали крышки парт, зашуршали страницы новых книжек и тетрадок... Кто-то с шумом уронил пенал, кто-то крикнул тоненько и смешливо: «Ой, Лизка!» – и голос сразу оборвался. Как-никак, а девочки были в классе. Лето кончилось. Сейчас начнется первый урок первого школьного дня.

Стоя у своего стола, заваленного букетами свежих цветов и красных осенних листьев, Людмила Федоровна, чуть улыбаясь, терпеливо смотрела, как ее ученицы выбирают себе места и рассаживаются по партам.

– Нет, Леночка, ты лучше садись поближе ко мне, – сказала она худенькой девочке в очках. – Вот тут, в среднем ряду, на первой парте. Будете вместе с Зоей Алиевой помогать мне, когда понадобится.

– Конечно, будем, – отозвалась Зоя, смугло-румяная серьезная девочка с черной челкой на лбу и блестящими, как мокрая черная смородина, узкими глазами. – Конечно, будем.

Она уселась рядом с Леной Ипполитовой и принялась деловито раскладывать в парте книжки и тетрадки.

Уже почти все сидели на местах, и только Катя Снегирева еще не садилась. Она стояла у своей парты и тихонько говорила Ане Лебедевой, поглядывая на стоящую у окна новенькую:

– Потом ее куда-нибудь посадят, а пока можно поместиться и втроем, если ты еще капельку подвинешься.

– Втроем! – усмехнувшись, ответила Аня. – С твоей толстухой и

вдвоем не поместишься.

– Она такая же моя, как и твоя! – оборвала подругу Катя. – И совсем она не толстуха, а самая обыкновенная девочка.

Пока они шепотом спорили и препирались, Людмила Федоровна взяла Наташу за руку и стала искать глазами для нее парту.

– Ну вот, – сказала она, указывая новенькой место как раз впереди Кати. – В первом ряду слева. Будешь сидеть со Стеллой Кузьминской.

Наташа положила сумку на парту, поглядывая сбоку на свою соседку.

Эта красивая девочка чем-то смущала ее. У нее были светло-серые спокойные и как будто насмешливые глаза и волнистые волосы, связанные на затылке широкой лентой. Платье, передник, прическа, школьная сумка и выражение лица – все было у нее какое-то особенное, не совсем такое, как у других девочек.

Наташа робко села рядом с ней. Стелла немного подвинулась, молча раскрыла толстую, обернутую в белую бумагу «Родную речь» для четвертого класса и углубилась в чтение. Впрочем, изредка Наташа ловила на себе се беглый холодноватый взгляд, и от этого ей становилось как-то неловко – она начинала обеими ладонями приглаживать волосы, переключив тетрадки, искать носовой платок...

Катя Снегирева как будто почувствовала, что новенькой не по себе. Когда Наташа обернулась назад, Катя шепнула ей:

– Вот мы и рядом. Почти рядом...

В ту же секунду Аня дернула Катю за рукав:

– Людмила Федоровна на тебя смотрит. Успеешь наглядеться на свою новую подругу и после урока.

Людмила Федоровна молча стояла у своего столика и ждала, пока класс успокоится. Когда все притихли, в наступившей тишине раздался ее негромкий голос:

– Девочки! Сегодня мы снова начинаем учиться. Поздравляю вас! Это большой день и для вас и для меня. Мы с вами перешли в четвертый класс. А ведь это последний класс начальной школы. Так что вы у меня, можно сказать, выпускные. В этом году мы будем проходить естествознание, географию, историю, а не только русский язык и арифметику. Вот сколько предметов! Это, конечно, немножко потруднее, но зато очень интересно. Вы узнаете много-много нового...

Людмила Федоровна помолчала.

– Ну, а сейчас давайте поговорим с вами о том, кто как провел лето. Кто из вас хочет рассказать что-нибудь интересное? Веселое.

Девочки переглядывались, жались и кивали друг на друга:

– Расскажи ты.

– Да я же не умею.

За лето они как будто отвыкли от своего класса, от учительницы и теперь немножко стеснялись.

– Пусть Катя Снегирева расскажет! – раздался чей-то голос из середины класса. – Она умеет рассказывать.

– Катя Снегирева! – слышались голоса. – Снегирек, рассказывай!

– Рассказывай, рассказывай! – невольно крикнула и Наташа и тут же смущенно покосилась на свою соседку.

Но та сидела, опустив голову на руку, и внимательно читала «Родную речь». Должно быть, ее не слишком интересовало, кто и что будет рассказывать.

Катя прошла между двумя рядами парт, стала у доски, лицом к классу, и, накручивая на палец пушистый кончик косы, начала:

– Не знаю, что рассказать... Может быть, про то, как мы в лагере в поход ходили?

– Рассказывай, что хочешь, – сказала Людмила Федоровна.

Катя подумала немножко и начала скороговоркой:

– Ну так вот... Наш лагерь находился в лесу. А недалеко были другие лагеря – речников и академиков. То есть не совсем речников и не совсем академиков, а их ребят...

– Не спеши, Катюша, – прервала ее Людмила Федоровна, перекладывая цветы со стола на окно. – И оставь в покое свои косы.

Людмила Федоровна села и приготовилась слушать, облокотясь на руку. Катя откинула за спину косы и продолжала:

– Мы иногда встречались и с академиками и с речниками – на спортивных соревнованиях, например. На празднике песни... А один раз мы все пошли в поход. Ну не все, конечно, а по отряду из каждого лагеря. Сговорились встретиться на Золотой поляне...

– Там золотая поляна есть? – удивился кто-то.

Катя кивнула головой:

– Ну да, называется так – «Золотая поляна». Вот, значит, встали мы рано утром. Построились. Все – в пионерской форме, за спиной – рюкзаки. Набралось двадцать человек, и девочки и мальчики. Почти все – большие ребята. Мы с моей подругой Верой – самые младшие. Нас сначала и брать не хотели. Но там у нас было такое соревнование – по группам, и мы в своей группе заняли первое место – по бегу и по прыжкам. Поэтому нас все-таки взяли...

– Молодцы девочки! – сказала Людмила Федоровна улыбаясь.

Катя покраснела и засмеялась:

– Да нет, Людмила Федоровна, ничего такого особенного... Очень легкие были соревнования.

Она по привычке опять было взялась за кончик косы, но вспомнила, что это не полагается, тряхнула головой и стала рассказывать дальше:

– Так вот, значит, собрались мы и пошли. Утро было ясное, на небе – ни тучки. Шли не очень быстро, обыкновенным ровным шагом. Сначала лесом, потом – полем, потом перебрались вброд через речку и опять вошли в лес. И тут кто-то говорит: «А что, если мы не туда идем?» Другие отвечают: «Ну вот еще! Почему не туда?» – «А так немудрено и сбиться!» И всем почему-то стало казаться, что мы наверняка сбились. Только начальник наш, речник один, из самых старших пионеров, идет себе и в ус не дует...

Кто-то на задней парте шутливо повторил:

– «В ус не дует». Разве у вас там были усатые пионеры?

Людмила Федоровна предостерегающе подняла свою небольшую, очень белую руку. А Зоя Алиева обернулась, грозно посмотрела назад из-под крутой челки и сказала сердито:

– Тише вы! Слушать мешаете.

– И вдруг мы видим, – продолжала Катя, – красное полотнище протянуто между деревьями, а на полотнище надпись: «Привет участникам похода!»

Ну, мы очень обрадовались: значит, правильно идем! – и зашагали еще веселей.

Слышим – кто-то кричит: «Идут... идут! Первые идут!»

Это был начальник лагеря – не нашего, а соседнего, речного. Все начальники лагерей заранее выехали вперед, чтобы нас встретить. Заиграл оркестр – в нашу честь, – и мы остановились. Смотрим: перед нами эта самая Золотая поляна. Она и правда была совсем золотая – от желтых полевых цветов. Цветы эти называются «львиный зев».

Ну, наш начальник похода, Володя Петров, сдал рапорт о прибытии, и все стали нас поздравлять.

Оказывается, мы пришли на двадцать пять минут раньше, чем нас ожидали. Это потому, что мы перебрались вброд через речку, а не пошли в обход. И еще потому, что шли спокойно, а не бежали и вовремя останавливались отдыхать – привалы делали. Потом нам показали, где разжечь костер, где поставить палатки. Мы сбросили рюкзаки и принялись за дело. Наши мальчики пошли собирать хворост для костра и ставить палатки, а мы – готовить обед.

И тут опять заиграла музыка. Это стали приходить отряды из других лагерей. Недалеко от нас разместился отряд, где были одни только девочки. От нас до них было так, как вот от дверей нашего класса до конца коридора.

Разожгли мы костер, сварили обед, поели и на речке посуду вымыли. Вдруг слышим – в соседнем лагере кто-то ревет.

Посмотрели мы и видим – сидят на корточках возле кучи хвороста какие-то две девочки и чиркают, чиркают спичками, а ничего у них не загорается. Тут наш пионер, Коля большой (у нас там был еще другой Коля, маленький), усмехнулся и говорит: «Ну, захныкали девчонки!»

А мне и моей подруге Вере, конечно, стало немножко жалко девочек. Подумать только – мы уже давно пообедали, а они, видно, до сих пор голодные сидят, огонь развести не могут...

«Чем над ними смеяться, – говорит Вера, – лучше бы помогли им костер разжечь».

И наша старшая вожатая тоже говорит:

«Да, да, мальчики, пойдите помогите им».

Оба Коли согласились и побежали к девочкам. И мы с Верой тоже.

«Ну, давайте разжигать, – сказал Коля большой. – Да только с условием: мы вам костер разожжем, а вы нам зато щей наварите».

Мы с Верой так и ахнули. Неужели они голодные? Ведь только что пообедали – и как еще! За троих ели!.. Да и стыдно торговаться: мы вам – костер, вы нам – щи...

И девочки, видим, смутились. Шепчутся о чем-то, переглядываются.

Я говорю мальчишкам тихонько:

«Как вам не стыдно! Может, у них и запасов-то не хватит, чтобы еще вас накормить?»

А Колька большой:

«Что такое? Не хватит? Ну, пусть шишек прибавят».

«Каких шишек?»

«Ясно – каких. Сосновых или там еловых...»

Мы говорим:

«Это в щи-то? Шишек?»

А он:

«Ну да, в щи. Очень даже вкусно получится. Мы один раз в походе только шишками и питались. Наберите-ка, девчата, штук пятьдесят, а мы пока костер разведем».

Принялись наши ребята за дело: такой костер разожгли – смотреть весело. Лучше нашего. Это уж так всегда: мальчишки любят себя перед

чужими показать.

А девочки пока что целую кучу шишек набрали. Принесли и спрашивают:

«Что же теперь делать?»

Мальчики наши переглядываются и плечами пожимают:

«Как – что? Ставьте котелок с водой на огонь».

«А в воду – шишки?»

«Нет, зачем? Есть у вас мясные консервы?»

«Есть. Две банки».

«Ну вот и кладите. Теперь крупы, соли, перцу».

«А шишки когда?»

«А хоть сейчас! Только не в котелок, а под котелок. Лучше гореть будет!.. Ну, кушайте свои щи на здоровье, а нам купаться пора».

Девочки и спасибо сказать не успели, а уж оба Кольки – бултых в воду...

Катя перевела дух и оглядела класс.

– Вот так щи! – сказала Валя Ёлкина. – И неужели эти девочки совсем не поняли, что мальчишки их разыгрывают? Я сразу догадалась.

– И я! И я!.. – заговорили в классе.

– А я – нет, – простодушно сказала Наташа. – Я думала, что, может быть, в этих шишках какие-нибудь витамины...

– А ты сказку про щи из топора знаешь? – крикнула с места рыженькая Ира Ладыгина. – Думаешь, верно, что и в топоре какие-нибудь витамины есть?

Наташа густо покраснела.

– Тише, девочки, – сказала Людмила Федоровна. – Ну что, Катюша, все? Очень хорошо рассказала. Садись... Кто еще хочет?

– Пусть Настя Егорова расскажет, – сказала Катя усаживаясь. – Она в колхозе была.

– В колхозе? Очень интересно. А ну-ка, Настенька, иди, рассказывай.

Круглолицая светлобровая девочка, с целой россыпью мелких веснушек под глазами, спокойно и неторопливо вышла к доске.

– Что ж рассказывать-то? – спросила она, задумчиво обводя глазами класс. – Ничего такого особенно интересного не было. Ну, жили мы с сестрой в колхозе. У тетки. Ну, на огородах работали, во время уборки помогали...

– Настя, а кто мальчишку вытащил – вот что в речке тонул? – подсказали ей с места.

– Что, что такое? – спросила Людмила Федоровна.

– Ну, там было одно дело, – как бы оправдываясь, сказала Настя. – Трое мальчишек в реке купались. Двое постарше, а один – маленький. Те доплыли до другого берега, а маленький отстал. Нырнул, выплыл и опять нырнул. Я и поняла, что он тонет. Там в реке у нас есть такие места, где вода холодная-прехолодная. Это оттого, что в этих местах ключи бьют. Вот у него от холода ножки-то и свело. Ну, я как была в платье, так и побежала в воду. А потом поплыла – плавать я хорошо умею. Доплыла до того места и ухватила его за рубашонку. Он еще и захлебнуться как следует не успел...

Настя помолчала.

– То есть что я? – поправилась она. – Не совсем еще захлебнулся. Ну, мы его и вытащили. Вот и все.

– Молодец! – сказала Людмила Федоровна. – Молодец Настя, не растерялась.

И все девочки представили себе, как эта неторопливая, спокойная Настя, с круглой гребенкой в русых, аккуратно подстриженных волосах, бросается одетая в воду и ловит за рубашонку маленького большеголового мальчишку.

Бывшие подруги

За этот урок веселая девочка, которую все в классе называли «Снегирьком», еще больше понравилась Наташе Олениной. Ей нравилось, что Катя такая простая и не стеснительная, что она быстро говорит и громко смеется, что волосы у нее светлые-светлые и вьются на лбу колечками, а лоб совсем темный от загара. Нравилось даже то, что у Кати – крупные, широкие зубы и между передними, очень белыми – маленькая щелочка.

Наташа все время сидела, слегка повернув голову к Кате, и на лице у нее, словно в зеркале, отражалось все, что пробегало по Катиному лицу. Стоило Кате нахмуриться, улыбнуться или прикусить губу, как Наташа, сама того не замечая, делала то же самое: хмурилась, улыбалась, закусывала губу...

К концу урока она даже научилась немножко щуриться по-катиному и накручивать на палец кончик косы.

Когда прозвенел звонок, Катя вскочила с места и выбежала в коридор. Наташа бросилась за ней вдогонку, словно ее потянули за невидимую ниточку. Но в коридор уж высыпало столько девочек из разных классов, что Наташа потеряла Катю из виду.

А тем временем Людмила Федоровна успела что-то сказать про Наташу двум другим своим ученицам – Насте Егоровой и Вале Ёлкиной, и вот уже им обеим захотелось подружиться с новенькой. Они подбежали к Наташе, заговорили с ней наперебой, и, когда Наташа спросила, где Катя Снегирева, обе девочки вызвались немедленно найти ее и привести.

Но отыскать Катю в эту перемену так и не удалось. Спрятавшись за старой партой в конце коридора, Катя и Аня вели серьезный разговор.

– Хороша дружба на всю жизнь! – говорила Аня, не глядя на Катю. – Не то что до десятого, а и до четвертого не дотянула. Стоило этой новой явиться к нам в класс, как меня будто и на свете не стало.

– Ты это о ком? – спросила Катя строго. – О Наташе?

– А то о ком же? Об этой... второгоднице...

– Как тебе не стыдно! – сказала Катя. – Ты разве не знаешь, что она осталась на второй год потому, что болела? Это и со мной может случиться и с тобой... Приятно бы тебе было, если б тебя ни за что ни про что стали называть второгодницей?

Аня пожала плечами и ничего не ответила. Катя решила, что ее молчание означает согласие. Она доверчиво дотронулась до Аниной руки и сказала значительно:

– И потом, понимаешь, жалко: у нее никого нет, одна мама.

Но Аня отдернула руку и как-то криво усмехнулась.

– А у меня две мамы, что ли? – буркнула она.

Катя так и вспыхнула:

– Да ну тебя, Аня! С такой, как ты, не только всю жизнь – ни одного дня дружить нельзя!

– Ах, вот как! – проворчала Аня и отвернулась. – Ну и не дружи!

В глазах у нее стояли слезы.

Катя хотела рассердиться на нее, но не смогла.

– погоди, – сказала она, – ты зря обижаешься... Я тебе сейчас все объясню...

Но как раз в эту минуту с другого конца коридора донесся звонок.

Катя и Аня вошли в класс последними, поодиночке. Стоя в дверях, Людмила Федоровна пристально посмотрела на обеих девочек.

– Что это с вами? – спросила она. – Неужели поссорились?

– У меня просто голова болит, – сказала Аня чуть слышно.

Девочки расселись по местам, и урок начался. Людмила Федоровна стала спрашивать, у всех ли есть учебники.

– У меня две «Неживые природы», – сказала Валя Ёлкина, сидевшая на первой парте.

– Два учебника «Неживая природа», – поправила се учительница.
– Ну да, две книжки. И папа купил, и бабушка. Можно, я одну дам Насте Егоровой?

– Конечно, – ответила Людмила Федоровна.

Еще одна рука потянулась вверх:

– А у меня два английских языка – старый и новый.

– Два учебника английского языка, – опять поправила Людмила Федоровна.

Пока учительница проверяла учебники, две девочки занимались совсем другим делом. Это были Аня и Катя. Они вели между собой переписку, так как на перемене не успели сказать друг другу все до конца.

«Ты воображаешь, – писала Аня на клочке бумаги, прикрывая его рукой, – что я очень добиваюсь твоей дружбы. А я сама не хочу водиться с тобой, если ты будешь водиться с твоей второ...»

Последнее, не дописанное до конца слово было зачеркнуто, а вместо него сверху нацарапано: «Наташкой!!!»

Оттого, что строчки шли вкривь и вкось и чуть ли не в каждом слове была одна, а то и две ошибки («воображашь», «добеваюсь», «водица» – вместо «водиться»), письмо показалось Кате еще обиднее и неприятнее.

«Ничего я не воображаю, – приписала Катя под Анины каракулями.
– Это все глу...»

Она не успела дописать последнее слово.

– Снегирева! – строго сказала Людмила Федоровна. – О чем я сейчас говорила?

Катя опустила голову:

– Простите, Людмила Федоровна, я не слышала. Мы думали про другое.

– Кто это «мы»? Ну, а ты, Аня, слышала, о чем я говорила?

– И я тоже думала про другое...

Людмила Федоровна подошла к Ане и Кате.

– Так вот, чтобы вы не думали на уроке про другое, – сказала она, – я вас расскажу. Лебедева, возьми свои книжки и пересядь к Стелле Кузьминской. А ты, Наташа Оленина, перейди на место Лебедевой.

Наташа так и просияла от радости. Собрав книжки, она пересела назад, на Анино место.

Аня, оглянувшись, посмотрела на нее и Катю с таким отчаянием, словно теперь Наташа разлучила ее с Катей навеки – добилась-таки своего! Когда в классе стало тихо, Людмила Федоровна сказала:

– Девочки! Я хотела бы, чтобы вы меня слушали внимательно.

Говорить громко мне трудно. Врачи запретили. У нас в классе должна быть полная тишина.

Девочки с тревожным любопытством посмотрели на Людмилу Федоровну. И как это они раньше не заметили, что ее глуховатый голос звучит сегодня особенно глухо и хрипло?

Все сразу притихли.

– А теперь, – сказала учительница, легонько покашливая, – давайте работать. Лена Ипполитова, открой книгу и прочитай нам стихотворение «Утро на берегу озера».

Худенькая девочка в очках встала и начала читать по книге еле-еле слышно:

– «Утро на берегу озера». Стихотворение Никитина...

– Постой, Ипполитова, – прервала ее Людмила Федоровна улыбнувшись. – Почему ты говоришь шепотом?

И она обратилась ко всему классу:

– Девочки! Вы не поняли меня. Это мне нельзя говорить громко, а не вам. Шуметь не нужно, а читать и отвечать урок вы должны полным голосом, чтобы всем было слышно. Понятно?

Девочки только головами кивнули.

Лена стала читать стихотворение немножко громче, но все-таки вполголоса:

Ясно утро. Тихо веет
Теплый ветерок;
Луг, как бархат, зеленеет,
В зареве восток.

В классе было так тихо, и утро за окном стояло такое ясное, что Кате показалось, будто и в самом деле повеяло теплым ветерком. Она посмотрела на бледно-голубое небо в окне, и ей вспомнилось недавнее лето, пронизанный солнцем лес, малиновка, словно спрашивающая: «вить-вить?» – и крутая гора, заросшая высокой пахучей травой. Бывало, взберутся ребята на гору, один рассказывает сказки, а другие греются на солнце и провожают глазами высокие летние облака. Вспомнилось Кате и тихое озеро, как будто вприсонках поглаживающее песок...

Тишине и солнцу радо,
По равнине вод

Лебедей ручное стадо
Медленно плывет... —

читала Лена, и всем казалось, что они и в самом деле видят лебедей, медленно плывущих по озеру.

Девочки одна за другой читали стихи. Потом Людмила Федоровна задала к следующему разу переписать это стихотворение. И нетерпеливый звонок снова ворвался в класс. Он трезвонил вовсю, не думая о том, что шуметь в этом классе нельзя.

– Не забудьте принести завтра все, что вы собрали за лето для школьного музея, – сказала громко Людмила Федоровна, и девочки испуганно переглянулись.

– Ой, что вы это, Людмила Федоровна! – сказала с упреком Настенька Егорова. – Ведь вам врачи запретили...

Людмила Федоровна засмеялась, кивнула девочкам головой и прикрыла ладонью рот.

В этот день уроков больше не было.

Катя медленно собирала книжки, изредка незаметно поглядывая на Аню. Словно почувствовав ее взгляд, Аня обернулась, бросила на Катину парту скомканную бумажку и убежала. Катя развернула записку и прочла:

«Принеси завтра мой «Белеет парус одинокий». Твоя бывшая подруга А. Лебедева».

Слово «принеси» было написано через три «и». Вместо «белеет» – «белет». И даже в фамилии «Лебедева» была пропущена одна буква – «Лебдева».

«Что это с ней? Совсем разучилась писать за лето, – подумала Катя. – Или, может быть, это у нее от волнения? Наверно, от волнения. Есть из-за чего волноваться!»

Катя, хмурясь, положила записку в карман и вместе с Наташей вышла из класса.

– Где ты живешь? – спросила Наташа, когда они спустились вниз по лестнице.

Катя не сразу ответила. На душе у нее было беспокойно. Она сердилась на Аню и еще больше на себя – за то, что сердится.

«Вот глупая Анька! – думала Катя. – И зачем она со мной поссорилась? Так славно было бы сегодня пойти вместе домой! А еще хотели по русскому письменному вместе заниматься».

Ласковый сентябрьский ветер пахнул Кате в лицо, потрепал и

взъерошил волосы, и ей стало как будто немного веселей.

– Знаешь что? – сказала она. – Давай обгонять всех прохожих и считать, сколько народу мы обгоним. Ладно?

– Ладно! – с удовольствием согласилась Наташа. – Но старушки пусть не считаются. Они очень медленно ходят.

– Хорошо. Пусть не считаются.

Они обогнали семерых взрослых (не считая двух старушек) и четырех школьников. Одного мальчишку и одного лейтенанта им так и не удалось обогнать.

– Ну, вот мы и пришли, – сказала наконец Катя. – Видишь – вон там, на третьем этаже, четыре окна? Где ящики с цветами. Это – наши окна. Только цветов осталось мало. Я сегодня почти все отнесла в школу.

Катины окна смотрели на бульвар, желтый от осенней листвы, и поблескивали на солнце. Дом тоже был светло-желтый, с ящиками на карнизах. Из ящиков еще выглядывали кое-где реденькие лиловые и красные цветочки. Девочки постояли у подъезда.

– Ну, до свиданья, – сказала Наташа нерешительно.

– Погоди!

Катя на минуту задумалась. Если бы они возвращались из школы с Аней, Аня непременно зашла бы к ней, и они бы, наверно, целый час проболтали о том, что и как было сегодня в школе и что будет завтра и послезавтра... Ах, Анька!.. И чего она обиделась?

Катя невольно прищурилась и покачала головой.

– Ты что это? – спросила Наташа.

– Нет, я так, ничего, – чуть смутясь, ответила Катя. – Давай зайдем к нам. Теперь ведь еще совсем рано...

– Ой, что ты! – сказала Наташа испуганно, словно боясь, как бы Кате не удалось ее уговорить.

– Ну, на одну минутку! – настаивала Катя. – Твоя мама, наверно, и не знает, что у нас было только два урока, – она не будет беспокоиться.

– Да она на работе.

– Ну, тем лучше, – сказала Катя. – А у нас дома сейчас одна только бабушка. Идем, не бойся!

Наташа подумала немножко и согласилась.

Дома

Дверь открыла бабушка. Она была полная, низенькая, с тонкой сеткой

морщин под глазами, а глаза у нее были черные, веселые и живые. Родилась она и провела юность на Кавказе.

– Бабусенька, это моя новая подруга! – сказала Катя.

Бабушка чуть улыбнулась и пригладила смуглой морщинистой рукой растрепавшиеся Катины волосы.

– Ну и хорошо, – сказала она. – Знаете, что старая поговорка говорит? «Нет друга – ищи, а найдешь – береги». А где же Аня? Уж не обиделась ли она на тебя?

– Откуда ты знаешь, бабушка? – удивилась Катя.

– Поживи на свете столько, сколько я, – ответила бабушка, – будешь кое-что понимать. Ты уж смотри не бросай старого друга.

– А я и не бросаю, – сказала Катя. И чтобы перевести разговор на другое, спросила: – А Миши еще нет?

– Сейчас пойду за ним, – сказала бабушка. – А ты пока угости подружку. В буфете – хлеб, масло, яблоки. Да переодеться не забудь. Формочку повесь в шкаф.

Бабушка вышла в переднюю, а Катя убежала в другую комнату – переодеться. Наташа осталась одна. От нечего делать она принялась оглядывать все вокруг. Комната очень понравилась ей, хоть и показалась не совсем обыкновенной. На стене, возле письменного стола, висела, как в школе, большая карта СССР. Полки вдоль стен были уставлены книгами с длинными, мудреными названиями на корешках. На письменном столе под стеклом были разложены фотографии. Наташа разглядела на них каких-то загорелых людей в больших белых шляпах. Они стояли возле палаток, или сидели у костра, или ехали куда-то на верблюдах. Очень интересные фотографии! Но еще больше понравились Наташе рисунки, развешанные над диваном. Это были картины не картины, а всякие узоры и яркие цветы.

– Кто это у вас так хорошо рисует? – спросила Наташа, когда Катя прибежала обратно.

– Это моя мама. – Катя была в летнем, очень коротком, выгоревшем от солнца платье. В обеих руках она держала по яблоку. – На, возьми.

И Катя протянула Наташе яблоко, холодное и румяное.

– А зачем у вас эта доска? – спросила Наташа, показывая на гладко обструганную доску, лежавшую на небольшом столе у окна.

– Сейчас объясню, – ответила Катя, надкусывая хрустящее яблоко. – Видишь ли, моя мама художница. Только не просто художница, как Васнецов или там Айвазовский, а по текстилю. К этой чертежной доске мама прикалывает бумагу в мелкую-мелкую клеточку и рисует всякие узоры. Эскизы – называется. Понимаешь? А на фабрике по этим эскизам

печатают рисунки, вот что на материях, – понимаешь?

Она поглядела на Наташу, и ей, должно быть, показалось, что та не особенно хорошо поняла.

– Да вот постой, я тебе сейчас покажу образцы.

Катя выдвинула один из ящиков письменного стола и вынула из него целый ворох всяких лоскутков.

– Вот это маркизет, – сказала Катя, кладя на стол и разглаживая лоскут легкой ткани с темными крупными цветами, разбросанными по белому полю. – Это так и называется: «Цветной орнамент». Идет на летние платья.

Наташа удивилась и обрадовалась:

– У моей мамы как раз такое же платье! Ну прямо в точности! Значит, твоя мама нарисовала этот узор? Вот странно! А я думала, что все материи так и делаются на фабрике – сразу с узорами, что иначе и не бывает.

Катя засмеялась:

– Так многие у нас в классе думали. Все, кроме Настеньки Егоровой.

– Это какая же Егорова?

– Неужели не помнишь? Ну, та девочка, что летом малыша спасла. У нее мама – ткачиха на той же самой фабрике, для которой работает и моя мама.

Катя перебирала лоскутки, один другого наряднее.

– Вот этот яркий с полосками, – говорила она, – идет на халаты для Узбекистана. А вот этот – на обивку мебели.

Наташа погладила ладонью шелковистую ткань, идущую на халаты, а потом взяла в руки лоскуток ковра. На темно-синей плотной ковровой ткани пестрели желтые осенние листья.

– Как много лоскутков! – сказала Наташа. – Из таких что хочешь можно смастерить – и абажур, и коврик, и сумочку... А уж кукольных платьев сколько выйдет!.. Мама, наверно, дает тебе лоскутки?

– Да, некоторые, – ответила Катя. – Когда она приедет, я попрошу и для тебя. Она уехала в дом отдыха. В Крым. А мой папа знаешь где? Еще дальше, чем мама, – в пустыне, в Приаралье. Я его давно-давно не видела – целое лето!

Сказав это, Катя вспомнила, что Наташа своего отца никогда больше не увидит. Она испуганно посмотрела на подругу и спросила, чтобы переменить разговор:

– А ты еще играешь в куклы?

– Как тебе сказать... – ответила Наташа. – Играть не играю, а шить на них люблю.

– И много у тебя кукол?

– Нет, – сказала Наташа. – Я уже всех раздарила. Осталась одна-единственная. Целлулоидная, очень маленькая. Ее так и зовут – Дюймовочка.

Катя понимающе кивнула головой:

– Это как в сказке Андерсена.

– Ну да! Ее по этой сказке и прозвали. Только это не я придумала, а один доктор.

И Наташа стала рассказывать, как она лежала в больнице, как ей делали операцию и как мама однажды прислала ей в передаче эту самую куколку в больничном халатике и в косынке.

– Ее в больнице все-все знали! – рассказывала она с удовольствием. – И няни, и сестры, и даже старый доктор, Василий Тимофеевич. Он ей и прозвище такое дал – «Дюймовочка». Придет к нам в палату, остановится возле моей кровати и спрашивает: «Ну, как твоя Дюймовочка? Поправляется?» Я говорю: «Спасибо. Она уже совсем здоровая – гулять хочет». – «А ты как?» – «И я хочу». – «Ну вот и молодцы! Держи-ка! Я вам обеим по конфетке принес». И пойдет себе дальше. А я поставлю Дюймовочку на подушку и заставляю ее кланяться... – Наташа засмеялась. – Право, иной раз даже как-то жалко бывает, что мы уже большие и нам нельзя теперь играть в куклы.

– Нет, отчего же? – сказала Катя. – Большие тоже могут иногда в куклы играть, когда у них есть время. А можно нам с Аней завтра прийти к тебе – посмотреть Дюймовочку?

– Ну конечно, можно! – обрадовалась Наташа. – Вы когда придете?

Но Катя спохватилась:

– Ах, да! Ведь мы с Аней поссорились. Я и забыла!

– А из-за чего вы поссорились? – спросила Наташа и, не дождавшись ответа, прибавила: – Знаешь, я сегодня после первого урока хотела к ней подойти, а она отвернулась и убежала – как будто сердится на меня. Как ты думаешь, почему это?

– Так просто. Воображает, – ответила Катя.

Ей не хотелось объяснять, из-за чего у них с Аней произошла ссора. Но, к счастью, в эту самую минуту из передней донесся звонок. Она обрадовалась и бегом побежала отворять.

В дверь стучали, звонок заливался на всю квартиру.

– Да сейчас, сейчас, открываю, открываю! – кричала Катя. А в дверь, в нижнюю филенку, кто-то изо всех сил барабанил кулаками, а может быть, и пятками.

Наташа не выдержала и выглянула в переднюю. Она увидела на пороге

круглоголового мальчика, в курточке с белым отложным воротником и в длинных отутюженных брюках. За ним вошла бабушка. Наташа заметила, что глаза у мальчика такие же черные, как у бабушки.

– Тише, Мишенька, успокойся! – приговаривала она.

Но Миша, видно, не мог успокоиться.

– Мне в школе книжку подарили! – закричал он, высоко подняв свой новенький портфель. – Называется «Гайдар»! Это потому подарили, что я уже немножко грамотный. Немножко тоже считается! А один мальчик – Шаповалов, такая у него фамилия, – сказал, что он грамотный, ему тоже дали книжку, а он только одну букву знает: «о».

Катя засмеялась:

– Эх ты, первачок-новичок!

– А ты у нас больно взрослая! – оборвала ее бабушка.

Но Миша не обиделся на Катю.

– Когда урок кончился, – продолжал он, – Наталья Петровна нам сказала: «Идите на перемену». Мы пошли с Шаповаловым, а наперемена – длинная-предлинная, прямо как улица!

– Это еще что за «наперемена»? – спросила Катя и переглянулась с Наташей.

Тут только Миша заметил чужую девочку и сразу замолчал.

– Ну, я пойду, – тихо сказала Наташа.

– Пообедай с нами, – предложила бабушка.

Наташа не отвечала. Ей не очень-то хотелось уходить, но с первого раза оставаться обедать было как-то неловко. Она нерешительно переминалась у порога с ноги на ногу.

– Вот ты какая стеснительная! – удивилась бабушка. – Не то, что наша Катюша. Оставайся, оставайся! Сейчас я вам всем супу налью...

– Нет, спасибо!

Наташа взяла со столика свою школьную сумку и уже более твердым голосом повторила:

– Нет, спасибо, я пойду! Мама скоро вернется.

Она оделась и стала медленно спускаться по лестнице, а Катя стояла на площадке и махала ей рукой.

Прежде чем закрыть за собой тяжелую дверь парадной, Наташа закинула голову и, приложив ко рту ладонь трубочкой, крикнула:

– Катя!.. Приходи завтра пораньше!

– При-ду-у! – донеслось сверху.

И две двери – одна на площадке третьего этажа, другая внизу – разом захлопнулись.

Наташа бегом побежала домой, а Катя вздохнула и пошла обедать. Она невольно подумала, что Аня вот точно так же всегда кричала ей снизу: «Приходи пораньше!» Что-то она сейчас делает, Аня? С кем пошла домой? Неужели одна?

Чтобы не думать об этом, Катя поскорей доела сладкий пирог и взялась за уроки. Села за большой стол в комнатке, которая называлась у Снегиревых «Катемишиной», раскрыла чистую тетрадь и принялась осторожно выводить, словно вышивать, букву за буквой, строку за строкой.

...Лебедей ручное стадо
Медленно плывет... —

вывела Катя и сама залюбовалась написанными строчками. Тонкие, слегка наклоненные вправо буквы сами походили чем-то на стройных, медленно плывущих лебедей.

– Ой, Миша, только, пожалуйста, не толкай стол! – на всякий случай говорила Катя. – А то у меня волосяные толсто выходят. Совсем как нажимы!

Чем старательней она писала, тем спокойнее становилось у нее на душе. Завтра она в самом деле придет пораньше, чтобы поговорить с Аней, и все опять будет хорошо...

Взобравшись коленками на стул, Миша по другую сторону стола читал книжку, которую ему подарила перед отъездом мама. Другая книжка, подаренная сегодня в школе, лежала рядом.

Миша медленно водил пухлым пальцем по строчкам и, пыхтя, читал шепотом:

– «Жил ста-рик... со сво-ею ста-ру-хой...»

– Ты мне мешаешь со своей старухой, – сказала Катя. – Читай про себя.

Миша удивленно посмотрел на Катю:

– Про меня? Разве есть такая книжка?

– Не про тебя, а про себя! – объяснила Катя. – Я же всегда читаю про себя.

– Про тебя? – опять спросил Миша.

Катя сердито засмеялась:

– Вот бестолковый! Читать про себя – это значит читать без голоса, только глазами. Понял?

Миша покачал головой:

– Я так не умею.

И он опять принялся с великим трудом одолевать пушкинскую сказку о рыбаке и рыбке.

На этажерке мерно постукивали часы-будильник. Из кухни доносился сладкий теплый запах только что испеченного пирога – пахло ванилью и сдобным тестом.

«А как же быть с гербарием? – вдруг неизвестно почему подумала Катя. – Ведь Анин гербарий у меня. Сбежать к ней, что ли, отнести? Пускай завтра сама отдаст Людмиле Федоровне...»

Но когда Катя кончила уроки, пришла Таня, и уходить уже не захотелось.

Вытирая лицо полотенцем после умыванья, Таня весело рассказывала: – Устала невероятно! Народу в метро – тьма-тьмущая! Еле добралась!

И все это Таня говорила так бодро и радостно, глаза у нее так блестели, что со стороны могло показаться, будто это очень приятно, когда народу «тьма-тьмущая», когда так трудно куда-то добираться и от этого устаешь «невероятно».

«Счастливая! – подумала Катя. – Всюду ездит одна, куда хочет. Вот потому-то ей, наверно, так весело об этом говорить».

А Таня между тем уселась за стол и, уплетая за обе щеки суп, жаркое и яблочный пирог, принялась рассказывать про своего профессора, который «совершенно замечательно» прочел вступительную лекцию.

– Прочел? – удивилась Катя. – А я думала, ваши профессора и так все знают, без книжки. Наша Людмила Федоровна никогда нам по книжке не объясняет.

Таня, прищурясь, посмотрела на младшую сестру.

– Читать лекцию, к вашему сведению, – сказала она, отчеканивая каждое слово, – вовсе не значит читать по книжке.

– Ну уж ладно, – вмешалась бабушка. – Только не спорьте. Шутка ли, какой день у нас сегодня! Танюша в институт поступила, Мишенька – в первый класс.

– А Катя перешла в четвертый «А», – вмешался Миша. – У них там читают только про себя!

Живая и неживая природа

Наступило второе школьное утро. Вместо праздничного белого передника Катя надела черный, вместо белых лент вплела в косы

коричневые, но от этого радость нового дня нисколько не стала меньше.

Ровно в восемь часов Катя вышла из дому. В одной руке она несла новенькую сумку с новенькими книжками, а в другой, бережно прижимая к себе, держала пухлый альбом в глянцевитом голубом переплете.

Небо, казалось, тоже сняло с себя вчерашний праздничный наряд – синеву и белые легкие облака – и надело большой темный передник. Тучи то и дело закрывали солнце. Но солнечные лучи от времени до времени прорывались сквозь тучи и заливали все вокруг осенним мягким светом.

– Что ты принесла?.. Что у тебя за альбом? – послышалось со всех сторон, как только Катя переступила порог класса.

– Потом увидите! Не смотрите! – ответила Катя и направилась прямо к Аниной парте.

Стелла Кузьминская раскладывала по всей парте свои книжки и тетради.

– Это Анино место, – строго сказала ей Катя. – Ты тут не одна сидишь.

– Когда Аня придет, я переложу, – спокойно ответила Стелла.

– Нет, сейчас переложу! – рассердилась Катя. – Это не твоя половина!

Стелла тихо проговорила: «Собственница!» – и передвинула книжки на свою половину.

– Ты сама собственница! – сказала Катя. – Я же не о себе беспокоюсь.

И Катя осторожно положила альбом в Анину парту.

В этот день все собрались особенно рано. Во-первых, кому охота опаздывать, да еще с самого начала года? А во-вторых, каждому интересно поглядеть, кто что принес для школьного музея.

Одной Ани все еще не было, и Катя с тревогой поглядывала на дверь. Она едва слышала очень интересные разговоры о том, как лучше сушить цветы (под прессом или под теплым утюгом) и чем лучше кормить рыбок с вуалевыми хвостами.

Рядом Наташа что-то весело рассказывала, часто трогая ее за рукав, но Катя в ответ только кивала головой. Что ж это, в самом деле, случилось с Аней?..

И вот раздался звонок. Девочки притихли, беспокойно посматривая то на Людмилу Федоровну, то на свои коробки, тетрадки и альбомы.

Каждой хотелось, чтобы учительница поскорей взяла в руки именно ее работу и поскорей сказала, хорошо это или плохо.

Людмила Федоровна, должно быть, догадалась, о чем думают девочки.

– Не торопитесь, не торопитесь, – сказала она улыбаясь. – Все посмотрим по порядку.

Коробки и коробочки, альбомы и распухшие от вклеек тетрадки были

разложены по крышкам парт и подоконникам. А кое-кто положил свои коллекции даже на учительский стол.

Людмила Федоровна взяла в руки коробку, стоявшую как раз посередине ее стола, и прочла надпись, четко выведенную на белой бумажной наклейке:

– «Стелла Кузьминская. Образцы топлива». Ну что ж, очень толково. Посмотрите, девочки, какую занятную коллекцию собрала Стелла.

Коробка Стеллы пошла по рядам, и девочки с таким интересом рассматривали ее и читали названия на этикетках, словно первый раз в жизни видели и уголь, и торф, и хворост. Но все это называлось теперь «коллекцией топлива». Под связочкой тоненьких хворостинок была аккуратная подпись: «Дрова», а под кусочками угля – «Древесный уголь». И все эти «образцы» торжественно покоились в ячейках, устланных ватой.

Коробка Стеллы наконец вернулась к ней, и она взяла ее спокойно, как человек, давно привыкший к успеху.

– Ну а у тебя что? – спросила Людмила Федоровна, подойдя к Лене Ипполитовой, которая уже несколько минут сидела с вытянутой вверх рукой.

– У меня гербарий, – ответила Лена и, поправляя очки, вскочила с места. – Лекарственные травы. Мы собирали их в лагере и потом сдали в аптеку. А некоторые я засушила. То есть не некоторые, а все... То есть не все, а по листику от каждой травки... То есть не от каждой...

– Ну да, понятно, – спокойно сказала Людмила Федоровна. – Ты засушила по одному растению каждого вида. Покажи-ка!

Людмила Федоровна взяла в руки толстую общую тетрадь и стала перелистывать ее. На каждой странице были наклеены сухие зеленые листья на тонких стеблях, с белыми, розовыми, желтыми, фиолетовыми цветочками. Листья были самой разнообразной формы: одни были похожи на растопыренные пальцы, другие – зубчатые, третьи – узкие и острые, как ножи.

Лена так и впилась глазами в учительницу.

– Молодчина, Лена! – похвалила ее Людмила Федоровна. – Прекрасный подбор, и высушено очень хорошо.

– Тоже нашла что собирать! – донесся вдруг насмешливый голос с задней парты.

Все обернулись назад.

Людмила Федоровна, прищурясь, окинула взглядом класс:

– Кто это сказал? Ты, Клава Киселева?

Высокая девочка в переднике с пелеринкой и с большими бантами в

коротких косичках (банты качались под самыми ушами) небрежно откинула крышку парты и встала с места.

– Что значит твоё странное замечание?

Клава молчала, опустив голову. Теперь её банты покачивались над партой, отражаясь в лакированной крышке, словно в темном пруду.

– Неинтересно, – пробормотала она.

– Что – неинтересно?

– Собирать траву какую-то...

– Вот как? Ну а ты что собрала? Покажи-ка, покажи! Может быть, у тебя что-нибудь поинтереснее?

Клава Киселева молчала.

– У неё ничего нет, – послышался шепот.

Людмила Федоровна подошла поближе.

– Ты летом куда-нибудь уезжала? – спросила она.

– Уезжала, – ответила Клава. – Недалеко. На дачу.

– Так разве ты там ничего не нашла?

– А что там интересного – на даче-то!

– Конечно, – сказала Людмила Федоровна, – если ничем не интересоваться, то ничего интересного и не найдешь.

И учительница подошла к Катиной парте:

– Ну, Катюша, что у тебя?

– У меня тоже гербарий, только не совсем такой, как у Лены, – сказала Катя, встав с места. – Это мы вместе с Аней собирали. Стелла, достань, пожалуйста, альбом из Аниной парты.

Людмила Федоровна взяла в руки тяжелый альбом и, положив на край учительского стола, откинула крышку переплета.

– Так, – сказала она, слегка склонив голову набок и внимательно рассматривая первую страницу. – Это ты рисовала?

– Я, – сказала Катя и немножко покраснела.

– Очень хорошо. Большие успехи сделала.

На первой странице альбома была нарисована акварелью ветка цветущей яблони, а сверху буквами, как будто бы сделанными из листиков и хвойных иголок, выведено: «Наш лес».

– Очень хорошо! – повторила Людмила Федоровна. – Посмотрим, что будет дальше.

Две следующие страницы были разделены тщательно вклеенным листом папиросной бумаги. Слева был нарисован старый, ветвистый клен. Справа наклеены широкий лапчатый лист, тонко срезанный кусочек коры, распластанная ножом веточка и полупрозрачная, нежно-зеленая

двукрылатка, в которой прячутся семена клена.

На следующих страницах нашли себе место дуб, осина, береза, сосна, елка...

– Кто же из вас это придумал? – спросила Людмила Федоровна, разглядывая страницу за страницей.

– Уж наверно Катя, – сказала Настенька Егорова, приподнимаясь на парте и стараясь издали заглянуть в альбом. – Она у нас такая выдумщица!

– Нет, нет! – Катя решительно замотала головой. – Это мы вместе!

– Да ведь Аня и рисовать-то не умеет!

– Ну и что ж такого? Рисовала я. А придумывали, собирали, сушили и наклеивали мы вместе. Аня даже больше, чем я. Это все было еще до того, как я в лагерь поехала. Я тогда у Ани на даче гостила.

– Отличная работа! – сказала Людмила Федоровна. – Альбом – прямо на выставку!

– А можно нам посмотреть? – закричали девочки. – Людмила Федоровна, дайте и нам посмотреть!

– Нет, подождите... Сначала скажи мне, Катюша: как этот альбом очутился в парте у Ани?

Катя удивилась:

– Да очень просто. Это я положила.

– Когда?

– Только что. Вот перед самым началом урока.

– А сегодня утром ты заходила к Ане?

– Нет. Не успела.

– А вчера вечером?

– И вчера не успела.

Катя смущенно опустила голову. Ей казалось, что Людмила Федоровна с упреком смотрит на нее и думает: «Хороша подруга! Собирали, сушили, наклеивали вместе, а подает работу одна, как будто Аня тут ни при чем!»

– Я ведь не знала, что она не придет, – словно оправдываясь, сказала Катя. – Когда я приехала из лагеря, мне захотелось опять посмотреть на наш гербарий, кое-что подрисовать. Вот я и взяла его у Ани на несколько дней. Думала – мы вместе подадим.

– Значит, ты не ходила к Ане? – тревожно переспросила Людмила Федоровна. – Ни вчера, Ни сегодня? Ну и хорошо, если не ходила.

– Почему?

– Аня серьезно заболела, – сказала Людмила Федоровна. – Мне вчера ее мама звонила. Ходить к Ане нельзя ни в коем случае!

Катя так и села на парту: «Нельзя к ней ходить. Заболела!»

На душе у нее стало беспокойно и невесело.

А ведь только что она была так рада, что Людмиле Федоровне понравился их альбом. Теперь эта радость как-то съежилась и потускнела. Аня-то ведь не узнает, что их похвалили...

Альбом переходил из рук в руки. Девочки ахали: «Ах, как хорошо! Ах, как красиво нарисовано! Людмила Федоровна, правда, березка у нее как живая?»

Людмила Федоровна улыбалась и кивала головой:

– Да-да, я же сказала: отличный альбом! Будет просто украшением нашего музея!

И вдруг с задней парты послышалось негромкое:

– Еще бы ей плохо рисовать!

Людмила Федоровна обернулась на голос:

– Ты хочешь что-то сказать, Клава?

Клава Киселева встала и, передернув плечами, начала тем же обиженным тоном, каким говорила про лекарственные травы Лены Ипполитовой:

– Ничего удивительного нет, что Снегирева умеет рисовать. Ей мама помогает. У нее мама художница.

Все зашевелились, зашептались. Одна Катя сидела неподвижно, словно и не слыхала, что сказала Клава.

– Ну, в чем дело, девочки? – спросила Людмила Федоровна. – Успокойтесь!.. Ты хочешь сказать что-то, Валя Ёлкина?.. И ты тоже, Настя Егорова? Ну подожди, пока Валя скажет.

Валя вскочила:

– Катина мама лечиться уехала, – начала она, – и Катя все до последней веточки рисовала сама. Мы с Настей это хорошо знаем.

Настя Егорова не вытерпела и тоже вскочила:

– Киселева и в прошлом году всем завидовала и в позапрошлом. Еще совсем маленькая была, а всем завидовала. Мы с ёлочкой, то есть с Валецкой, это давно заметили.

– Никому я не завидываю! – крикнула с места Клава.

Людмила Федоровна подняла руку:

– Тише! Во-первых, говорят не «завидываю», а «завидую». А во-вторых, если ты даже не завидуешь, то, во всяком случае, не умеешь радоваться чужой удачной работе. И знаешь почему? Потому, что ты сама не хочешь и не любишь работать.

Катя слушала, что говорит Людмила Федоровна, и думала о том, как старалась Аня сделать альбом получше, покрасивее. Даже плакала один

раз, когда клей проступил темным пятном на другой стороне листа. Про себя Катя в эту минуту совсем забыла. Ей и в голову не пришло обидеться на Клаву за то, что та сказала, будто мама помогала ей рисовать деревья. Она только удивилась: «Вот чудачка эта Клава! Мне-то какой же будет интерес, если мама за меня все нарисует?»

Тем временем Людмила Федоровна пересмотрела одну за другой все разложенные по партам и подоконникам работы.

– Ну а у тебя что, Ира Ладыгина? – спросила она наконец, заметив еще одну поднятую руку.

Тоненькая, шустрая девочка, с зеленоватыми озорными глазами и золотисто-красной, похожей на шапочку подберезовика, головкой, осторожно вытащила из парты коробку от папирос, приложила к уху и прислушалась.

– Что там у тебя? – спросила шепотом ее соседка, Тоня Зайцева, и от любопытства ее круглые глаза под белыми бровками стали еще круглее.

– Живая природа, – серьезно ответила Ира и открыла крышку.

В ту же минуту большой черный жук, со страшными челюстями и зубчатыми рогами на голове, упал на парту. Тоня Зайцева в ужасе отскочила. А Клава сказала:

– Подумаешь, жуки! У нас на даче их было сколько угодно.

Держа коробку в одной руке, Ира другой рукой смело перевернула жука на спину и вдруг взвизгнула на весь класс. Жук вцепился ей в палец. Ира выронила коробку, и жуки так деловито поползли в разные стороны, словно, сидя в коробке, давным-давно условились, кому в какой угол спрятаться. Девочки повскакали с мест, с грохотом откидывая крышки парт. Людмила Федоровна оторвала жука от Иринога пальца и громко крикнула:

– По местам!

Но тут же она схватилась за горло и совсем охрипшим голосом сказала:

– Девочки! Я не хотела говорить вам об этом в наши первые школьные дни. Но вижу теперь, что мне придется сказать вам все. Я очень нездорова. Если у нас не будет полной тишины и строгой дисциплины, мне нельзя будет вас учить – я должна буду уйти из школы. Надеюсь, что больше напоминать вам не придется.

По классу пронесся тревожный шепот, и все замерли.

Только некоторые девочки поглядывали по сторонам, следя за путешествием жуков по классу.

Из коридора донесся разноголосый шум. Перемена.

Смущенные, не решаясь взглянуть в глаза Людмиле Федоровне,

девочки понесли свои коробки и альбомы к ней на стол, а дежурная, Лена Ипполитова, вместе с учительницей принялась убирать коллекции в шкаф.

Людмила Федоровна подозвала к себе Иру.

– Нельзя коллекционировать живых жуков, – сказала она. – После уроков зайди в учительскую. Я дам тебе книжку, – в ней объясняется, как собирать коллекции насекомых.

Следующий урок был арифметика. В классе решали задачи. Но ни на этом уроке, ни на остальных Катя не переставала думать об Ане. «С такой, как ты, ни одного дня дружить нельзя». И как это она могла сказать Ане такие обидные слова? Ане, наверно, и вчера уже было плохо. Она ведь говорила, что у нее голова болит. И недаром она так плакала, так плакала...

Катя потихоньку вытирала глаза платком, а Наташа чуть слышно шептала ей:

– Катя, ну Катя, ты чего? Не надо, Катя!

Дюймовочка

На другой день в классе не учились. Людмила Федоровна задала побольше уроков – четыре столбца примеров, две задачи, велела выучить наизусть длинное стихотворение – и сказала, чтоб в школу не приходили: будет дезинфекция. А на третий день все уже было по-старому, только в классе сильно пахло каким-то лекарством. Людмила Федоровна, встречая девочек у дверей, сказала им, что у Ани скарлатина и ее ночью отвезли в больницу.

«Ночью отвезли! – с тревогой подумала Катя. – Кто отвез? Почему ночью?»

Ей представилась машина скорой помощи. Машина вихрем мчится по улице, тревожно завывая. Кругом огни, огни – красные, желтые, зеленые. Автомобили выстроились в ряд, ждут светофора, а «скорой помощи» всюду дают дорогу, потому что внутри машины, на носилках, лежит больная девочка. И Катя поняла: теперь ее с Аней разлучила не какая-то глупая ссора, а долгая – может быть, опасная – болезнь, от которой в классе так тревожно пахнет дезинфекцией...

В этот день Катя была невнимательна на уроках, и Людмила Федоровна несколько раз сделала ей замечание и даже назвала ее не Катей, а Снегиревой.

Из школы Катя вышла вместе с Наташей Олениной. Можно было подумать, что неожиданно наступил вечер – так сильно вдруг потемнело.

Тяжелые, низко нависшие тучи заволокли все небо. Девочки не успели даже перейти улицу, как брызнул дождь. Они забежали в ворота соседнего дома, и в ту же минуту с шумом разразился ливень. Сразу стало холодно. Ветер порывами загонял под ворота беловатые столбы водяных брызг, пробирался в рукава, за воротник, леденил щеки.

Наташа жалась к стенке, стараясь укрыться от дождя и ветра, а Катя стояла у самого выхода на улицу, не замечая, что шумный ручей, выбегающий со двора, подмачивает ее башмаки, а водяные брызги усыпают мелким бисером лицо, волосы и пальтишко.

– Катя, Катенька, ну не надо! – жалобно говорила Наташа, и голос ее даже дрожал от сочувствия. – Я ведь понимаю – это ты все из-за Ани расстраиваешься...

Катя, не отвечая, кивнула головой.

– Ну вот! А я ж тебе говорю, что в больнице совсем не страшно. Уж я-то знаю – больше месяца лежала. Мне даже весело было. Не веришь? Ну, честное пионерское!

– Да нет, я верю, – хмуро ответила Катя. – Но если бы только мы с ней раньше не поссорились!.. Ну вот, подумай сама: она уж больная была, а я ей сказала, что она плохая, что с ней дружить нельзя. Она и сейчас, наверно, думает, что я ее своей подружкой не считаю...

От огорчения и досады на себя Катя даже сморщилась, зажмурила глаза и изо всех сил ударила себя по ноге сумкой.

– Хоть бы еще одно словечко ей сказать... Дура я, дура! Даже письмо не догадалась передать, пока ее не увезли!

– А письмо можно послать и в больницу, – сказала Наташа успокоительно, уверенным тоном опытного человека. – И не только письмо – там, знаешь, два раза в неделю передачи принимают.

Катя с удивлением посмотрела на подружку:

– А разве письма в больницу носят?

– Конечно, – усмехнулась Наташа. – Надо будет только узнать, в каком корпусе и в какой палате она лежит, и написать на конверте.

Катя схватила Наташу за руку.

– Ох, Наташа! Да это же замечательно! – закричала она. – Мы потом пошлем ей большую передачу от всего класса. Я знаю: все захотят! А пока просто письмо – по почте, да? Только вот что бы такое ей еще послать, кроме письма? Такое, чтобы в конверте поместилось?

Девочки задумались.

– Может быть, моточек шелку, иголочку и несколько красивеньких-красивеньких лоскутков? – спросила Катя. – Это подходит, а?

– Нет, – сказала Наташа, покачав головой. – Шить ей не скоро позволят.

– Может быть, записную книжечку и карандашик? Бывают такие маленькие, тоненькие карандаши...

– Нет, и писать ей пока не позволят.

– Тогда я не знаю...

– А я знаю! – вдруг весело сказала Наташа. – Пошлем ей мою Дюймовочку! Если взять конверт побольше, она в нем поместится.

Катя пристально посмотрела на подругу:

– Твою Дюймовочку?

– Ну да, а что? Она у меня привыкла к больнице. Пусть теперь поживет в Аниной палате. Ведь в сказке Дюймовочка тоже все время путешествовала. И помнишь, как она вылечила ласточку?

Катя покачала головой.

– Я давно читала, – ответила она.

– И неужели совсем позабыла? Ну, помнишь, все ласточки улетели в теплые края, а одна ласточка не могла лететь и осталась. Дюймовочка за ней ухаживала, сплела для нее коврик из травы, кормила ее потихоньку... А потом ласточка выздоровела и тоже полетела к своим. Вот пусть и моя Дюймовочка ухаживает за Аней в больнице. Только не знаю, отпустят ли после скарлатины Дюймовочку домой. Ну да ладно, пусть она в больнице останется, если уж она у меня такая больничная кукла.

В небе показался голубой островок. Он становился все шире, шире, и вот уже дождь прошел, выглянуло солнце, и оставшиеся кое-где тучи осветились изнутри, словно у темных туч была светлая подкладка.

Перепрыгивая через лужи, девочки снова пустились в путь. Им сразу стало тепло и весело.

Держась крепко за руки, прошли они через шумную Арбатскую площадь в скверик у станции метро. Сквер был весь устлан живым ковром из розовых, синих и желтых цветов. Посреди небольшого бассейна стоял бронзовый голый мальчик, похожий на арапчонка. Казалось, что он изо всех сил старается удержать в руках бронзовую рыбу. Из зубастого рыбьего рта высоко и шумно бьет упругая водяная струя.

Девочки остановились у фонтана, глядя на светлые брызги, озаренные солнцем.

– А Дюймовочкин больничник у тебя цел? – спросила Катя.

– А то как же? Мы его тоже в больницу пошлем. Да и все Дюймовочкины платья. На что они мне без Дюймовочки? – сказала Наташа и о чем-то задумалась.

Катя осторожно тронула ее за руку:

– Послушай, Наташа, а над ней там не будут смеяться? «Вот, – скажут, – такая большая девочка, а ей куклу прислали...»

– Нет, нет, что ты! – Наташа решительно замотала головой. – Смеяться никто не будет. Во-первых, это не для игры, а так просто – на память, а во-вторых, знаешь, в больнице и большим иногда кажется, что они маленькие... А ты сегодня очень торопишься домой?

– Нет, не очень. Бабушка сказала, что обедать будем не раньше трех.

– Так давай зайдем ко мне. Я тут недалеко живу, по бульвару... Соберем Дюймовочкины вещи, склеим большой конверт... Ладно?

– Ладно, пойдем.

Они пошли по дорожке, влажной от недавнего дождя.

На каждом углу стояли лотошники. Перед ними в лотках и на земле громоздились фрукты – румяные яблоки, тёмно-лиловые сливы, полосатые арбузы; в решетках – прозрачные гроздья винограда.

А с кленов и лип на бульваре сыпались и сыпались мокрые, желтые, загнутые по краям листья.

– Хорошо! – грустно сказала Катя. – И надо же было ей заболеть, когда все так хорошо...

– Это всегда так бывает, – рассудительно ответила Наташа. – Все болеют не вовремя. А если хочешь заболеть – ни за что не заболеешь... Ну, мы пришли. Сюда – в ворота!

Наташа жила в первом этаже деревянного домика, прятавшегося в глубине двора. Дверь открыла большая, толстая девочка лет пятнадцати, в коричневом платье и в черном переднике. На плече у нее сидел огромный пушистый рыжий кот.

– Уже из школы? – спросила она, пересаживая кота на другое плечо. – Фуфа, сиди!

И, напевая что-то, она медленно пошла по коридору и скрылась в одной из комнат.

– Это – Мура, наша соседка, – сказала Наташа Кате, осторожно всовывая тоненький ключик в отверстие замка.

Дверь в комнату легко, будто сама собой, открылась.

– Мама тебе позволяет брать с собой ключ? – удивилась Катя.

– А что же в этом такого? – спросила Наташа.

– И ты не теряешь?

Наташа только плечами пожала:

– Вот еще! Ключи терять! Да что я – разиня какая-нибудь?

– А у нас бабушка даже Тане ключей не дает, – со вздохом сказала

Катя. – Говорит: «неприменно потеряете». А ведь Таня уже в институте!

Наташа слегка улыбнулась и покачала головой:

– Нет, это только так говорится: «потеряете, потеряете»! Вовсе она этого не думает, твоя бабушка. А просто вам с Таней незачем брать с собой ключи. Ведь у вас всегда кто-нибудь дома. Ты позвонишь – тебе сразу откроют. А у нас не так. Мама до шести часов на службе, а иной раз и позже задержится. Что ж бы я стала делать, если б у меня ключа не было?

Она говорила просто, спокойно, как большая. Катя невольно с уважением и любопытством посмотрела на свою новую подругу.

Дома Наташа была совсем не такая, как в школе. Стоило ей переступить порог этой небольшой, чисто выметенной и тщательно прибранной комнаты, как на лице у нее появилось какое-то другое выражение – деловитое, немного озабоченное и в то же время уверенное.

– Раздевайся! – сказала она Кате и, ни слова не говоря, раскинула на вешалке Катино пальто так, чтоб оно скорее просохло.

Потом она быстро сняла через голову свое коричневое форменное платье, переделась и, схватив Катю за руку, потащила ее в угол, где на табуретке, аккуратно накрытой вышитой салфеточкой, стояли игрушечный зеркальный шкаф и железная кроватка, постланная по всем правилам. Под ватным стеганым одеялом лежала розовая и блестящая куколка.

– Это и есть твоя Дюймовочка? – спросила Катя.

Наташа кивнула головой:

– Ага!

Она открыла дверцу игрушечного зеркального шкафа и достала оттуда настоящий белый халатик с карманами спереди и тесемками сзади.

– Этот халатик мы на нее наденем. А другие платья положим в коробочку.

– Да ведь коробочка не войдет в конверт!

Наташа на секунду задумалась.

– И сама Дюймовочка в конверте не поместится, – сказала она, повертев в руках куколку. – Мы с тобой лучше вот что сделаем: завернем все в бумагу, перевяжем веревочкой и отнесем к воротам больницы. Там берут и пакеты и письма.

Она заботливо оправила простынки и одеяльце на кукольной кровати и приперла поплотнее дверцу опустевшего зеркального шкафа.

– Ты еще играешь иногда в игрушки? – спросила Катя.

– Нет, уже не играю, – слегка вздохнув, сказала Наташа. – Некогда, знаешь... Да не выбрасывать же их! Все-таки как-то жалко... Ну вот, я и решила: пусть еще год постоят. А когда перейду в пятый класс, подарю

кому-нибудь... – Наташа как-то грустно усмехнулась. – Если бы я в этом году не осталась, а перешла, ничего этого у меня, наверно, уже не было бы... – Она тряхнула головой, как будто для того, чтобы отмахнуться от неприятной мысли, и озабоченно поглядела на часы. – Ой, Катенька, уже скоро три, а я еще и за дело не бралась. Мне надо картошку почистить и суп на плиту поставить.

– А уроки когда же?

– А вот картошка будет вариться, а я буду учиться. – Наташа засмеялась: – Как складно вышло – правда? Ну, пойдем со мной на кухню. Мне картошку чистить веселей будет.

– Ладно, пойдем. Только на минутку. Уже домой пора.

– Успеешь! Долго ли тебе дойти до дому? Минут десять – не больше.

– Даже меньше!

И девочки побежали по коридору на кухню.

У белой газовой плиты стояла худенькая седая женщина и переворачивала на сковороде котлеты. Катя подумала, что это чья-нибудь бабушка, но Наташа шепнула ей, что это не бабушка, а мать той самой Муры, которая открыла им дверь. Масло на сковороде плевалось и брызгалось, суп в кастрюле бурлил, выбрасывая клубы пара.

– Мура! – крикнула мать, выглянув в коридор. – Принеси тарелку, я тебе супу налью. Слышишь, Мура?

– Слышу, – отозвалась из комнаты Мура. – Не глухая.

Не дождавшись ее, мать сама побежала за тарелкой.

А Наташа в это время стояла у своего столика и ловко – неторопливо, но быстро – делала свое дело. Картофелины одна за другой послушно поворачивались у нее в руке, оставляя под ножом длинную тонкую ленточку шелухи, и звучно падали в кастрюльку, полную воды.

В коридоре опять раздались частые шлепающие шажки. Мурина мать суетливо вошла в кухню и стала наливать в тарелку суп.

– Мама, – донесся из комнаты сонный и недовольный голос Муры, – я не буду есть, я спешу! Три часа ты разогреваешь этот несчастный обед... Фуфка, не царапайся!

– Да ведь я уже несу! – крикнула мать с отчаянием в голосе и почти побежала в комнату, неся на вытянутых руках дымящуюся тарелку с супом.

Наташа и Катя переглянулись.

– Вот всегда она так! – сказала Наташа, когда девочки опять остались одни. – Барыня какая! Смотреть противно!

– Еще бы! – решительно подхватила Катя и вдруг сразу замолчала.

Ей стало жарко, покраснели уши, кровь прилила к щекам... Она

вспомнила, как третьего дня после обеда бабушка попросила ее помыть посуду. Она сказала: «сейчас», и стала дочитывать страничку в одной очень интересной книжке. Дочитала и незаметно перескочила на другую страницу, потом – на третью...

«Что же ты, Катенька?» – спросила бабушка.

«Сейчас. Вот до главы дочитаю».

«Да ведь вода остынет».

«Ах, бабушка, какая ты!.. Я же сказала: сейчас».

Бабушка ничего не ответила, встала и вышла из комнаты.

...А когда Катя дочитала главу и, заглянув в конец следующей, прибежала на кухню, посуда была уже вымыта.

Бабушка перетирала последние тарелки. Не глядя на внучку, она сказала:

«Ступай, ступай себе! Твое дело – обедать, а постряпают да приберут другие. Ты у нас барыня!..»

Неужели же она, Катя, похожа на эту противную Муру? Нет, ни за что!

Она быстро соскочила с высокой табуретки, на которую было присела.

– Вот что, Наташа: ты захвати Дюймовочку завтра в школу. На большой перемене мы и письмо вместе напишем и пакет приготовим. А сейчас я пойду. Уже поздно. Бабушка из-за меня второй раз обед греть будет...

Наскоро попрощавшись с Наташей и застегивая на ходу пуговицы пальтишка, Катя выбежала на улицу.

Круглые электрические часы на углу показывали ровно четыре! Большая стрелка подскочила и передвинулась, прямо на глазах, еще на одну минуту дальше. Катя со всех ног побежала домой.

«И что я за человек такой! – с досадой думала она на бегу. – Наташу пожалела – так Аню обидела. Про Аню думаю – так про бабушку забыла. Не умею я как-то про всех думать сразу!..»

Одним духом она взлетела по лестнице и нажала кнопку звонка. Дверь открыла бабушка.

– Пообедали уже? – с тревогой крикнула Катя.

– А что – проголодалась очень? – ласково спросила бабушка. – Ну, иди, иди, покормлю. А мы с Мишенькой хотели было Танюшу подождать. Она с минуты на минуту вернется.

Катя перевела дух.

– Ну, так и я буду ждать! – сказала она весело. – Хоть до завтрашнего дня! А после обеда я всю посуду перемою. И кастрюли вымою и сковородку вычищу. Хорошо, бабушка?

Бабушка из-под очков поглядела на нее и вдруг засмеялась.

– Да уж чего лучше! – сказала она. – А ты что это сегодня такая сознательная? Где ума-разума набралась?

Катя смущенно усмехнулась и вместо ответа спросила:

– А ты, бабушка, почему такая догадливая? Где ума-разума набралась?

Бабушка хитро прищурила свои черные живые глаза.

– А там же, где ты, внученька, – сказала она. – На людей посмотрю и себе заметку сделаю.

За стеклянной стеной

В вечерней полутьме больничной палаты было как-то особенно тихо...

Аня очнулась на незнакомой белой кровати. Все кругом было странно и удивительно. Она лежала одна – и не одна: в комнатке были стеклянные стены, и за стеной виднелась такая же комнатка. А за той стеклянной стеной открывался еще длинный ряд стеклянных стен.

«Почему здесь все стеклянное?» – подумала Аня.

Что-то приятно холодило ее тяжелую, горячую голову. Она с трудом приподняла руку и нащупала на лбу завернутый в полотенце небольшой резиновый пузырь. Он был наполнен хрустящими кусочками льда. Аня провела рукой по коротко остриженной голове.

«Нет кос, остригли!» – поняла она и сквозь слипшиеся ресницы посмотрела по сторонам.

За ближайшей стеклянной перегородкой сидела на кровати девочка. Шея и ухо у нее были забинтованы. Заметив, что Аня уже не спит, девочка пододвинулась поближе к стеклу и спросила:

– Как тебя зовут? А? Ты в каком классе учишься?

Но Аня молчала. Что-то душное, тяжелое словно навалилось ей на грудь, сковало руки и ноги, налило свинцом голову, затуманило глаза. Даже одно какое-нибудь словечко Ане было бы трудно выговорить. Хотелось лежать не двигаясь, хотелось, чтобы девочка ни о чем не спрашивала, а лучше сама рассказала бы обо всем – и почему здесь все стеклянное, и давно ли ее, Аню, привезли в больницу, и не видела ли девочка Анину маму.

Но не было сил спрашивать. Аня опять закрыла глаза, и ей представилось, будто она снова дома. Мама осторожно одевает ее, чтобы везти в больницу. Одевает как маленькую – натягивает на ноги длинные чулки, вместе с папой приподнимает ее, чтобы завернуть в одеяло. Аня

слышит их голоса, ласковые, встревоженные, но никак не может разобрать, что они говорят. А потом ее укладывают на носилки, и два санитар в белых халатах, в высоких сапогах поднимают носилки и бережно несут из комнаты. Чуть покачиваясь, Аня как будто плывет куда-то, а мама идет рядом и поправляет на ходу Анино одеяло. Вот и ступеньки лестницы, по которым еще так недавно она весело сбежала вниз, отправляясь в школу.

Школа! Первое сентября! Как хорошо, как весело началось это утро и как грустно кончилось! Подумать только – она поссорилась со своей самой лучшей подругой, с Катей! А ведь они дружат так давно, даже не с первого класса, а еще раньше – со старшей группы детского сада...

«И что я наделала! – думала Аня, перебирая горячими неловкими пальцами край простыни. – За один день все успела – и Кате наговорила не знаю что и новую девочку обидела. Из-за этой глупой ссоры Кате попало от Людмилы Федоровны. Рассадили нас... А все из-за чего?»

Аня напрягла память, вспоминая.

«Из-за чего же?»

Но вспомнить было трудно. Перед глазами вставало румяное лицо Наташи, робко поглядывающей на Катю и Аню, и сама Катя, сначала такая веселая, счастливая, а потом недовольная, хмурая. И во всем, как всегда, виновата она, Аня! Взяла и сама испортила всем праздник! И теперь, конечно, все на нее сердятся. «Это кто такая Аня? – спросила, наверно, Наташа. – Та противная девчонка, что так задается?» – «Да, – сказала, должно быть, Катя, – та самая. Только раньше она такой не была. Не знаю, что с ней сделалось».

И Катя, конечно, не захочет с ней больше дружить. Еще бы, кому охота водиться с такой злючкой? А ведь все могло быть так хорошо! Катя сама обещала помогать Ане по русскому письменному, они бы часто-часто бегали друг к другу – и уроки готовить и просто так, поиграть. А теперь ничего этого не будет. Она заболела, сильно заболела, может быть на целый месяц, на два, на три. За три месяца так отстанешь от класса, что уж и не догнать, как ни старайся. Чего доброго, еще на второй год оставят. На второй год! Второгодница...

Аня заметалась, застонала. И сейчас же девочка за стеклянной стеной стала громко звать няню:

– Нянечка, няня! Новенькой плохо!

«Новенькой», – подумала Аня. – А я не могла назвать Наташу «новенькой». «Второгодницей» ее обозвала. А ведь она болела, как и я...»

Дверь из коридора приоткрылась, и к Ане легкими быстрыми шажками подошла маленькая старушка няня.

Она была вся в белом, только тапочки у нее были черные. И Аня вдруг почувствовала, что она не может смотреть на черное – от этого голова начинает еще сильнее болеть. И Аня подняла глаза на белый нянин халат.

– Что, доченька, что? – спросила няня, склонившись над ней. – Головушка болит? Может, попить хочешь? – И няня поднесла к Аниным пересохшим губам ложечку с чаем. – Не надо, детка, плакать. Скоро поправишься, опять в школу пойдешь.

– Нянечка, – с трудом выговорила Аня, – можно мне письмо послать?

– Письмо? – удивилась няня. – Маме, наверно? Да мама завтра и сама к окошку подойдет. Она и нынче приходила, все на тебя смотрела.

– В школу... письмо, – чуть слышно произнесла Аня. – Подруге.

Няня осторожно поправила подушку под Аниной головой:

– В школу, деточка, писать нельзя. Эта болезнь прилипчивая. Заразиться могут подруги.

– И большие могут заразиться?

– Бывает, что и большие заражаются.

– Значит, и учительнице нельзя написать?

– Никому нельзя, – строго сказала няня. – А сюда – пожалуйста, сколько угодно.

«Сюда!.. – подумала с горечью Аня. – Станет ей Катя писать сюда после всего, что было!»

Ах, что же ей теперь делать? Что делать? Если бы она хоть пять минут могла поговорить с Катей, она бы все, все объяснила... Сказала бы, что у нее и тогда уже сильно болела голова и это, наверно, от болезни она была такая плохая. И Катя, конечно, все бы сразу поняла и перестала сердиться. Только бы пять минут!.. Так нет! Нельзя повидать Катю и на одну минуточку.

В письме так хорошо не напишешь, как на словах скажешь. Но все-таки хоть бы позволили записку написать! Да ведь не позволят. И просить-то даже нельзя: болезнь, говорят, прилипчивая... Что же делать? Маме сказать? Через стекло? Ничего она через стекло не разберет. Только будет кивать да говорить: «Хорошо, деточка! Лежи спокойно, деточка!» А разобрать – не разберет.

И, значит, все три месяца Катя так и будет думать про нее, что она скверная, злая, противная – самая плохая в классе. Будет так думать и разлюбит ее совсем. И все девочки разлюбят. И Людмила Федоровна, наверно...

Она всхлипнула, и слезы ручейками потекли у нее по щекам – в рот, в уши, за воротник больничной рубашки.

Во рту сделалось солоно и горько. Горячая наволочка под щекой смокла.

– Кто у нас тут плачет? – вдруг услышала Аня чей-то ласково-сердитый голос и увидела над собой тоненькую девушку в белой пышной косынке.

– Это – наша новенькая, – ответила за стеной девочка. – Тетя Муся, я к ней нянечку позвала.

Тетя Муся – это была медицинская сестра – осторожно вытерла полотенцем Анины глаза и щеки, перевернула подушку и сменила потеплевший и потяжелевший пузырь. Ане опять стало как-то прохладнее и легче.

Потом тетя Муся присела на табуреточку возле Аниной постели и стала говорить, что никто из детей не плачет, даже самые маленькие, и что скоро Аню переведут из бокса – так называются эти стеклянные комнатки – в общую палату. А там весело – ребята и в разные игры играют и книжки читают. И даже ходить им позволяют, как будто это и не больница вовсе, а детский санаторий.

Аня хотела было рассказать этой ласковой тете Мусе, что она не скучает и не боится, а плачет совсем из-за другого. Но у нее не было сил говорить, да и все равно тетя Муся не поняла бы, наверно, всего, что случилось. Она закрыла глаза. Пузырь со льдом так славно охлаждал лоб. Кругом было тихо, и Аня уснула под мерный, убаюкивающий голос тети Муси.

А утром, когда она проснулась, все эти стеклянные комнатки заливало веселое солнце. Из-за стеклянной стены смотрела на нее девочка – та самая, с обвязанной головой, – которой так хотелось вчера вечером поговорить с Аней.

– Тебе лучше? – спросила девочка. – Хочешь, я тебе книжку прочитаю? Интересная!

Но Ане все еще трудно было не только разговаривать, но даже слушать. Ей хотелось лежать на спине и смотреть, как за окном кружатся на лету желтые сухие листья.

Засыпая и снова просыпаясь, она смутно, сквозь сон, чувствовала холодное стекло термометра у себя под мышкой. Чувствовала, как няня умывает ее, дает пить, и вдруг, совсем неожиданно, увидела перед собой высокого незнакомого человека в белом халате, белой полотняной шапочке и поняла, что это доктор. Рядом с ним стояла тетя Муся, и Аня сегодня как будто впервые увидела ее, хотя тетя Муся уже мерила ей рано утром температуру. Тетя Муся была беленькая, голубоглазая и такая молодая, что

ее можно бы звать просто – Муся. Поодаль, у дверей, стояла та самая старушка няня, которая вчера раньше всех подошла к Аниной постели. В руках у нее была какая-то плетеная корзинка с пакетами.

– Ну-ка, стрижка-брижка, – весело сказал доктор, присаживаясь возле Ани, – как дела? Говорят, ты весь бокс слезами затопила. По маме скучаешь?

– Да нет... я не оттого, – шепотом сказала Аня.

– Отчего же?

Аня молчала.

– О школе она все беспокоится, – сказала негромко старушка няня. – Давеча даже письмо туда писать собиралась.

– Ишь ты какая! О школе скучаешь? Так вы, нянечка, отдайте ей поскорей посылку... Пусть поглядит. А я сюда еще зайду.

И доктор вышел из бокса, широко шагая своими длинными, журавлиными ногами. За ним почти побежала тетя Муся.

Старушка няня достала из корзинки аккуратно покрытую вощанкой пузатую баночку и поставила на столик возле постели:

– Это тебе от мамы. Яблочки. Печеные. А это – из школы.

И она положила на Анино одеяло небольшой пакетик.

Аня схватила его обеими руками. Ослабевшие от болезни пальцы не слушались. И няне пришлось самой развязать веревочку и развернуть бумагу.

Под бумагой оказалась небольшая картонная коробка и тщательно заклеенный конверт с надписью: «Ане Лебедевой в 4-е отделение». Буквы были продолговатые, стройные, слегка наклонные. Так красиво могла написать только Катя.

Аня тихонько засмеялась от радости. Осторожно, стараясь не повредить красивые, знакомые буквы, она распечатала конверт и развернула листок, вырванный из тетради в две линейки.

Развернула и стала читать.

«Дорогая, милая Анечка, – писала Катя, – мы все очень огорчились, когда узнали, что ты заболела, – и я, и Наташа, и Людмила Федоровна, и все девочки. Мы решили по очереди записывать для тебя уроки и, когда ты поправишься, поможем тебе догнать класс. Ни о чем не беспокойся – ты непременно догонишь. Только, пожалуйста, ни о чем не беспокойся! А куколку посылает тебе Наташа. Ее зовут Дюймовочка. Она уже один раз была в больнице, поэтому у нее есть халатик и косынка...»

Тут Аня не выдержала и открыла коробочку. В коробочке лежала крошечная целлулоидная куколка, одетая в белый халатик. Ее белокурая

круглая головка была повязана марлевой косыночкой, такой же белой и легкой, как у тети Муси.

«Наташа посылает!.. Не обиделась на меня. И Катя не сердится, – с облегчением подумала Аня. – Какие же они все хорошие! И куколка до чего миленькая! В халатике!»

Она не успела вдосталь налюбоваться своей куколкой, как в дверях опять показался высокий доктор.

– Ну что? – спросил он Аню, слегка прищурив один глаз и как-то лукаво поглядывая на нее. – Получила известия?

– Получила! – громко ответила Аня.

Ей стало сразу легко и весело. Она вынула куколку из коробки и протянула ему:

– Вот! Поглядите!

– О-о! – удивился доктор. – Медсестра в полной форме. И очень похожа на нашу тетю Мусю, только поменьше немножко.

– Правда, правда! – в восторге закричала Аня. – Очень похожа! Если бы ее уже не звали Дюймовочка, я бы назвала ее «маленькая тетя Муся».

– Ну так мы будем называть нашу тетю Мусю «большая Дюймовочка», – предложил доктор. – А ну-ка, большая Дюймовочка, подложите ей под спинку подушку да усадите ее повыше... Вот так!

Тетя Муся подала ему большой матовый стакан, из которого торчали какие-то блестящие штучки – щипчики, ложечки, крючки. Не глядя, он взял из стакана инструмент, похожий на маленькую лопаточку, и присел на табуретку возле Аниной постели.

– Раскрой-ка рот пошире и скажи «а». Умеешь говорить «а»?

– Умею! – усмехнувшись, ответила Аня и так хорошо показала горло, что доктор даже удивился и похвалил ее.

– Молодец! – сказал он. – Так мы с тобой всю азбуку повторим. А когда доберемся до конца, ты у нас совсем поправишься и домой пойдешь. Ладно?

– Ладно, – сказала Аня.

Первый сбор

Шла третья неделя нового школьного года. Уже позади остались сборы звеньев. На сборе своего звена Катя сделала коротенький отчет о работе за прошлый год, и девочки снова избрали ее звеньевой.

И вот наступил день сбора всего отряда – первого сбора в новом

школьном году.

Кончился четвертый – последний – урок, и в классе широко распахнули окна. Свежий ветер ворвался со двора в класс, прошелестел страницами чьей-то забытой на парте тетради, приоткрыл дверь и, как будто испугавшись, торопливо захлопнул ее опять.

Девочки высыпали в коридор. Только две ученицы – Тоня Зайцева и Клава Киселева, – взяв сумки, ушли домой.

– Почему они уходят? – спросила Наташа у Кати.

– Они еще не пионерки, – сказала Катя. – Разве ты не заметила, что они без галстуков?

– Заметить-то заметила, да как-то не обратила внимания, – ответила Наташа. – А почему их до сих пор не приняли?

– Потому что они в прошлом году учились хуже всех, чуть на второй год не остались. – Катя сказала это и сразу же спохватилась. – Только не по болезни, – прибавила она. – Ну, идем, уже пора.

Девочки вернулись в класс. Сегодня – по случаю выборов в совет отряда – класс был украшен празднично. По стенам были развешаны отрядные стенгазеты, выпущенные в прошлом году, и лучшие из прошлогодних плакатов и рисунков, сделанных к 7 Ноября, к 1 Мая и Новому году. На учительском столе и подоконниках опять, как в первый день школьного года, лежали летние работы девочек – гербарии, альбомы, коробки с коллекциями, отрядные дневники.

Это был как бы отчет пионеров третьего класса пионерам четвертого.

Все три звена выстроились в три шеренги – между рядами парт. Впереди каждой шеренги стояли звеньевые – Катя Снегирева, Настя Егорова и Валя Ёлкина.

И вот дверь отворилась. В класс быстро вошла отрядная вожатая Оля. Катя хорошо знала ее. Оля была старшая сестра Настеньки Егоровой и училась в восьмом классе.

Когда раньше – всего каких-нибудь две недели назад – Катя видела ее в школе, на улице или у Егоровых дома, эта большая, широкоплечая девочка с толстой косой вовсе не казалась ей какой-нибудь там особенной. Восьмиклассница как восьмиклассница! Но теперь она была отрядная вожатая, и Катя глядела на нее с интересом и уважением.

Вожатая Оля быстрым взглядом осмотрела все три звена, зачем-то переложив с места на место пухлый альбом и остановилась у стола, глядя на дверь.

Девочки тоже невольно посмотрели в ту сторону. Но в дверях никого не было.

Черненко Зоя Алиева, член совета отряда и староста класса, вышла вперед. Сегодня она была особенно серьезна – ей предстояло принять рапорты звеньевых и сделать отчет о работе отряда вместо председателя совета Муси Ларичевой, которая со своими папой и мамой переехала на Урал.

Отдавая салют, Катя торжественно и четко начала:

– Товарищ член совета отряда! Звено номер один прибыло на сбор, посвященный перевыборам совета отряда... – по привычке Катя чуть не прибавила: «в полном составе», но вовремя спохватилась, – в количестве десяти человек. Одна пионерка отсутствует по болезни.

«Это бедная моя Аня отсутствует! – подумала Катя. – Все, все без нее, даже такой важный сбор!»

Чуть прищурив узкие блестящие глаза, Зоя внимательно, даже строго, выслушала рапорты звеньевых, а потом, круто повернувшись к Оле, отрапортовала сама о прибытии отряда на сбор.

И тут дверь отворилась. В класс вошли Людмила Федоровна и старшая пионервожатая, Надежда Ивановна.

Рядом с Людмилой Федоровной Надежда Ивановна казалась маленькой и худенькой. С первого взгляда ее можно было принять за десятиклассницу. Но стоило посмотреть, как уверенно и твердо она ходит, какими спокойными, пронизательными глазами вглядывается во все, что ее окружает, стоило прислушаться к ее звучному, сильному, неторопливому голосу, чтобы стало ясно, что она давно уже не школьница.

И в самом деле, Надежда Ивановна была уже студенткой, да еще последнего курса.

Слегка кивнув Оле гладко причесанной темно-русой головой, Надежда Ивановна прошла вместе с Людмилой Федоровной к учительскому столу и уселась рядом с ней, внимательно поглядывая на девочек большими карими, очень ясными и очень серьезными глазами.

А тем временем все рапорты были уже приняты, и Оля, разрешив открыть сбор, предоставила Зое Алиевой слово для отчета.

Пионерки сели за парты, а Людмила Федоровна и Надежда Ивановна придвинулись поближе к столу и приготовились слушать.

Заглядывая в тетрадку и обращаясь к вожатой Оле, Зоя деловито начала:

– Все девочки нашего отряда перешли в четвертый класс...

– Постой, Зочка, – перебила ее Надежда Ивановна. – Ты ведь не урок отвечаешь, а отчитываешься перед отрядом. Говори же отряду, а не одной Оле, чтобы всем слышно было.

Зоя обернулась лицом к отряду и продолжала:

– Сборы отряда у нас были такие: сначала был, конечно, сбор, посвященный выборам совета отряда. Потом у нас был, конечно, сбор, посвященный народным сказкам...

Обе вожатые и Людмила Федоровна внимательно выслушали Зоин отчет со всеми его «потом» и «конечно».

А когда она кончила, Надежда Ивановна встала. Опершись руками о стол, она оглядела весь отряд и спросила:

– Все ли ты сказала, Зочка? Разве тебе нечего рассказать о работе звеньев?

Катя невольно чуть-чуть вздрогнула и приподняла голову. Она знала, что бояться ей нечего: на перевыборах звеньевых ее звено все хвалили. Но все-таки слушать, как обсуждают твою работу, всегда отчего-то страшновато и неловко.

Наташа заметила ее движение.

– Ну что ты? – шепнула она успокоительно. – Твое звено будут хвалить. Не беспокойся!

А Зоя, кивнув головой в ответ на слова Надежды Ивановны, уже продолжала так же деловито и серьезно, как начала:

– Самое лучшее звено у нас, конечно, первое, и звеньевая Катя Снегирева избрана второй раз.

Все посмотрели на Катю. От радости и смущения Катя наклонила голову, и сидящие позади увидели, как у нее покраснела шея под светлыми завитками волос.

– Девочки первого звена, – докладывала Зоя, – помогали подклеивать книги для школьной библиотеки, потом сделали вон те два плаката – к 7 ноября и к 1 мая, – самые наши лучшие...

Она на минуту задумалась, припоминая:

– А еще они вырастили цветы на окне... Но только во втором звене, у Настеньки Егоровой, еще лучше цветы вырастили.

Все невольно обернулись и посмотрели на окна. На одном из подоконников цветы в горшках зеленели особенно густо и пышно. Это и были цветы второго звена – цветы Настеньки Егоровой.

А Зоя уже начала рассказывать о третьем звене и об его пожатой Вале Ёлкиной:

– У Вали Ёлкиной цветы, правда, не такие красивые, по зато она за птицами ухаживала в живом уголке и за кроликами очень хорошо ухаживала. Ее тоже выбрали второй раз. И Настю Егорову второй раз выбрали...

Зоя не скупилась на похвалы звеньевым, а Надежда Ивановна, слушая ее, почему-то становилась все серьезнее и как будто озабоченнее. Она что-то тихо сказала Оле, и Оля спросила:

– Кто из вас, девочки, хочет еще что-нибудь сказать о работе звеньев или отряда?

Сразу поднялось несколько рук:

– Можно мне?.. Можно мне?..

Оля присела на краешек парты рядом с Валею Ёлкиной, а девочки, вставая, принялись по очереди добавлять то, о чем забыла сказать Зоя: она не рассказала, какое интересное письмо отряд получил от пионеров Чехословакии; Зоя совсем забыла, что в День Советской армии в отряд приезжал папа Ани Лебедевой и рассказывал, как он защищал Сталинград; Зоя не упомянула о том, что к Восьмому марта все девочки вышили своим мамам по салфеточке.

Когда все замолчали, Надежда Ивановна поднялась и сказала:

– Все это очень хорошо, девочки. Но вот мне бы еще хотелось знать: обсуждали ли вы в своих звеньях какие-нибудь интересные книги?

Звеньевые переглянулись друг с другом.

– Нет, – сказала Настя. – В моем звене не обсуждали.

– А ведь это очень интересно – обсуждать, – сказала Надежда Ивановна. – Тут и поспорить можно, и разные случаи из своей жизни вспомнить, и о будущем помечтать...

– Да, наверно, это хорошо... – сказал кто-то задумчиво и негромко.

– А твое звено, Катя? – спросила Надежда Ивановна. – Часто вы собирались?

Катя покраснела.

– Нет, не очень часто... Можно даже сказать, довольно редко. Очень трудно бывает всех собрать. Только назначишь сбор, а девочки и разбегутся...

Надежда Ивановна очень серьезно и даже строго посмотрела на Катю.

– А как ты думаешь, Катя Снегирева, отчего они разбегаются? – спросила она.

– Не знаю, – тихо ответила Катя.

– А в других звеньях тоже разбегаются?

– Разбегаются, – мужественно сказала Настенька Егорова.

А Валя Ёлкина только вздохнула.

– Так. – Надежда Ивановна посмотрела на всех трех звеньевых по очереди. – Давайте-ка попробуем разобраться, в чем тут дело. Скажи мне, Катя, охотно твое звено работало в библиотеке?

Катя на минутку задумалась.

– Сначала охотно, – сказала она. – Первый раз все пришли и работали почти два часа. Бумагу резали, клей варили... на электрической плитке. Марья Степановна нам объясняла, как надо подклеивать книжки по-настоящему, чтобы было точно из переплетной.

Надежда Ивановна кивнула головой:

– Что ж, это интересно. Ну, а во второй раз как было?

– Тоже ничего... Только уже не все пришли и раньше разошлись.

– А под конец?

– Под конец почти никого не осталось... я да Аня Лебедева.

– И долго вы еще работали?

– Нет, не особенно. Марья Степановна скоро сказала нам, что больше не надо.

Губы у Надежды Ивановны чуть-чуть поморщились, как будто она хотела улыбнуться.

– Пожалела вас, должно быть?

Катя смущенно пожала плечами. А Надежда Ивановна повернулась к Настеньке Егоровой:

– Ну а теперь ты, Настя, скажи мне по совести: как девочки у тебя в звене ухаживают за цветами?

– Обыкновенно, – сказала Настя и с некоторым удивлением посмотрела на Надежду Ивановну. – Когда надо было принести чернозем, горшки, отростки достать – все достали и все принесли. А Людмила Федоровна учила нас, как рассаживать...

– Понятно. Ну а как вы цветы поливаете? По очереди, наверно?

Настя кивнула головой:

– Да, по очереди. Только девочки часто забывают. Я больше сама поливаю. – Она виновато поглядела на старшую пожатую. – А вот Катины цветы и ёлочкины, то есть Вали Ёлкиной, я иной раз не успею полить, и они от этого хуже растут...

Надежда Ивановна засмеялась. У нее были очень хорошие зубы – белые, ровные, тесно поставленные, и когда она смеялась, все лицо у нее точно освещалось. Засмеялась и Людмила Федоровна своим милым хрипловатым смехом, и Оля засмеялась, но при этом она почему-то хмурилась и смущенно поглядывала на сестру.

– Ну, что ж это у нас выходит, девочки? – все еще улыбаясь, спросила Надежда Ивановна. – Выходит, что звеньевые у нас очень хорошие – цветы поливают, книжки подклеивают. А вот звенья у них неважные – не хотят работать. Разбегаются, да и все тут... Может так быть?

– Не может! – в один голос сказали Катя, Настя и Валя.

– Не может, а случилось. И знаете, почему? Потому что вы совсем не заботились о том, чтобы на сборах всем было интересно. Вот, например, если бы во время подклейки кто-нибудь из вас читал вслух хорошую книжку, работать было бы куда приятнее. А если бы поливку цветов вы поручили тем девочкам, которые это любят, они бы этого не забывали. Ведь вот Валя Ёлкина не забывает кормить птиц...

– Никогда! – закричали девочки.

– Сама не позавтракает, а уж птиц накормит, – сказала Настя.

– Ну, вот видите. Надо, значит, понаблюдать, кто что любит и чем интересуется.

Надежда Ивановна быстрым, еле уловимым взглядом посмотрела на Олю, но Оля поймала ее взгляд и понимающе кивнула головой.

– Так выходит, что мы совсем плохо работали – просто никуда! – с огорчением сказала Настенька. – А мы и не знали.

Надежда Ивановна усмехнулась:

– Ну вот уж и «совсем плохо»! Не плохо, но можно работать лучше. Подумайте хорошенько и беритесь за дело – весело, с выдумкой. Весь год у вас впереди.

Она говорила так спокойно и уверенно, что девочки опять ободрились и повеселели. А вместе с ними повеселела и Людмила Федоровна. Видно было, что она вместе с каждой из своих звеньевых пересмотрела во время этой беседы весь прошлый год.

В классе на одну минуту стало тихо.

– Ну, девочки, – сказала громко Оля, выходя вперед, – давайте перейдем к перевыборам. Напомню вам: в совете должно быть пять человек – председатель, редактор, два члена совета и вожатая отряда. Вожатую, конечно, выбирать не надо. Она... то есть я, – Оля смущенно улыбнулась, – вхожу в совет и так, без выборов. Значит, нужно выбрать четырех человек. Подумайте хорошенько, кого бы вы хотели выбрать.

Девочки не стали долго думать. Все сразу задвигались, зашептались.

– Давайте Зою Алиеву!

– Катю Снегиреву...

– Настю Егорову...

Девочки шептались, дергая друг друга за рукава, за лямки передников.

– Тише, девочки, не шумите! – остановила их Оля. – Звеньевых не выдвигайте. Они в совет не входят.

– Почему?

– Потому что они и так достаточно заняты. Хватит с них работы в звене. К тому же они все равно будут приходить на совет отряда. Ну а Зою Алиеву запишем. Она как староста класса обязательно должна войти в совет. Кого еще вы предлагаете?

– Лену Ипполитову! – раздался дружный хор голосов.

И девочки, вставая с мест, принялись по очереди расхваливать Лену: она и отличница и подруга хорошая. А сколько стихов наизусть знает!

Оля взяла в руки кусочек мела и аккуратно вывела на доске две фамилии: «Алиева» и «Ипполитова».

– А еще кого? – спросила она, обернувшись к отряду.

– Нину! Нину Зеленову надо! – серьезно сказала Валя Ёлкина. – Во-первых, у Нины почти все пятерки. А во-вторых, она и в танцевальном кружке учится и физкультурница очень хорошая. Она такой будет флажконосец!..

Оля чуть недоверчиво посмотрела на маленькую кудрявую девочку, которая с такой настойчивостью выдвигала свою кандидатуру. Но все-таки подошла к доске и написала третью фамилию: «Зеленова».

А с места уже поднялась Лена Ипполитова.

– Я предлагаю Кузьминскую, – сказала она. – Кузьминская учится на круглые пятерки, она очень серьезная девочка, много читает – больше всех...

Стелла обернулась к сидящим позади нее Кате и Наташе и прошептала тихонько:

– Ой, зачем меня? Не надо!

Но Оля этого не слыхала. Она кивнула Лене головой, сказала: «Очень хорошо», и написала на доске: «Кузьминская».

«Что это за Кузьминская? – думала Оля, морща лоб. – Кажется, я уже знаю у них всех отличниц: Лена, Стелла, Катя Снегирева, наша Настасья, Валя Ёлкина... А вот Кузьминскую, хоть убей, не помню...»

Ей почему-то и в голову не пришло, что Кузьминская – это и есть та самая Стелла, про которую так часто рассказывала дома ее сестренка. Настенька недолюбливала Стеллу, говорила, что она «воображает», и очень смешно показывала, как та щурится, улыбается одним уголком рта и медленно прогуливается по коридорам на переменке.

Но если Оля, которая всего две недели тому назад стала вожатой в четвертом «А», недостаточно знала свой отряд, то девочки знали друг дружку очень хорошо.

Волна шороха пронеслась по рядам. Девочки стали оглядываться, перешептываться. Многие вопросительно поглядывали на Лену, Катю,

Настю...

Но Лена держалась уверенно и смотрела на подруг сквозь свои круглые очки с таким видом, как будто хотела сказать: «Да, я предложила ее в совет и считаю, что это правильно».

Настя не сводила глаз с сестры – не то хотела подать ей какой-то знак, не то просто волновалась за нее. А Катя сидела, хмуро опустив голову, и о чем-то думала.

Наташа тихонько потянула ее за рукав:

– Катя! А Катя!..

Но Катя ничего не ответила, словно не слыхала.

Наташа удивилась:

«Что это с ней? Неужели огорчилась, что ее звено сегодня не похвалили?»

Но это было не так. Катя была озабочена, а не обижена. Она решала в уме две довольно трудные задачи.

«Как это я сама не могла догадаться, что девочки разбегаются оттого, что им скучно? – думала она. – И ведь сколько раз папа говорил: «Скучных дел не бывает – бывают скучные люди». Может быть, в звене у меня было скучно потому, что я сама скучная? Нет, все говорят – я веселая. И ведь мне-то было интересно... Отчего ж это?..»

Вторая задача была не легче первой.

«Сказать или не сказать, что Стеллу не надо выбирать в совет отряда? – спрашивала себя Катя. – По-моему, она для этого совсем не подходит. А может, мне это только кажется, оттого что мы с ней никогда не дружили? Недаром же ее так хвалит Лена! Стелла ведь и вправду такая способная, такая начитанная. С первого класса круглая отличница... Уж не завидую ли я ей?..»

А шорох и шепот в классе все не утихали.

– Ну, в чем дело, девочки? – спросила Надежда Ивановна, заметив беспокойство класса. – Если кто-нибудь из вас не согласен с Леной, пусть скажет, почему. Смело говорите свое мнение.

Девочки молчали. Некоторые подталкивали друг дружку, перемигивались, но ни одна не решалась выступить.

– Ну, значит, все четыре члена совета у нас выдвинуты, – сказала Оля. – Больше вы никого не хотите предложить?

И вдруг с одной из парт Катиного звена донесся шепот, но такой отчетливый, что все услышали:

– Выберите меня!

Девочки оглянулись. Положив руку на грудь, рыженькая Ира

Ладыгина смотрела на старшую вожатую и на Олю умоляющими глазами.

Надежда Ивановна, еле сдерживая улыбку, переглянулась с Людмилой Федоровной и с Олей. Оля засмеялась.

– Сами себя не выдвигают, – сказала она. – Нужно, чтобы твои подруги хотели тебя выдвинуть. А теперь, девочки, перейдем к голосованию. Давайте по алфавиту. Кто за Алиеву?

Все подняли руки.

– Все! – торжественно объявила Оля. – Единогласно. Кто за Зеленову? Тоже все. За Ипполитову? Тоже все. Кто за Кузьминскую?

Кто-то поднял руку, другие, подняв, сразу опустили и снова подняли, оглядываясь на подруг. И тут Катя решилась. «Не хочу быть несправедливой», – подумала она и твердо, уверенно подняла руку. Это решило дело. Все почему-то сразу успокоились, и целый лес рук поднялся над партами.

Оля пересчитала поднятые руки.

– А теперь – кто против?

Только две девочки подняли руки: Настенька да Ира Ладыгина.

– Против – меньшинство... Значит, совет отряда у нас избран. Теперь надо из членов совета избрать прежде всего председателя. Кого же мы выберем?

– Лену! Лену Ипполитову! – заговорили сразу со всех сторон.

– Нет, Лену надо бы в редакторы, – задумчиво сказала Валя Ёлкина. – Лена стихи пишет...

– Конечно, в редакторы! – уверенно подтвердила Зоя Алиева. – У нее и почерк хороший, и ошибок она никогда не делает.

– Лену выбрать редактором!.. Редактором! – зашумел класс.

Оля подняла ладонь:

– Тише, девочки! Ну, пусть Лена будет редактором. Но ведь мы сейчас не редактора, а председателя выбираем.

– А Нину Зеленову надо выбрать фляжконосцем! – крикнула опять Валя Ёлкина. – Нина в председатели не годится – тихая слишком, а фляжконосцем будет очень хорошим.

– Верно, верно! – заговорили все. – Нина пусть будет фляжконосцем.

– Так кто же – председателем? – слегка растерявшись, спросила Оля. – Ипполитова – редактор, Зеленова – фляжконосец, Алиева – староста... Значит, председатель – Кузьминская? Так, что ли?

– Конечно, Кузьминская, – поднимаясь с места и поправляя очки, сказала Лена Ипполитова.

– Почему это «конечно»? – сердито спросила Настенька.

– Да потому, что она круглая отличница, – спокойно ответила Лена. – Она учится лучше всех.

– Как это – лучше всех? – послышались голоса. – Лучше всех учишься ты!

Лена замотала головой:

– Ну что вы! У меня четверка по рисованию, а у Кузьминской и по рисованию пять.

Лена села на место. И тут поднялась сама Стелла. Щеки у нее горели. Видно было, что она волнуется.

– Я боюсь, что не справлюсь, – сказала она, искоса поглядывая на Настеньку. – И потом, у меня уроки музыки, уроки английского... Я и так очень занята.

– Все очень заняты, – сказала Оля, – но никто не отказывается из-за этого от общественной работы.

– Никто – никогда! – с убеждением сказала Валя Ёлкина. – Вот Нина Зеленова учится даже в этой... как ее?... в хореогра... ну, в общем, в танцевальной школе, – а там очень трудно учиться, – и то она не отказывается.

– А Катя Снегирева рисованию учится и в хоровом кружке участвует, – сказала Наташа.

– А Наташа дома все хозяйство ведет. Это потруднее хорового кружка, – сказала Катя.

– Ну, вот видите! – поддержала девочек Оля. – Значит, у Кузьминской нет особых причин отказываться. А что касается того, что она не справится, так ведь мы все ей поможем. Правда, девочки?

– Конечно, поможем! – сказала решительно Лена Ипполитова.

Оля положила на место мел.

– Ну, все, – сказала она с облегчением и принялась вытирать платочком руки.

И тут с места встала Надежда Ивановна.

Лицо у нее было озабоченное и как будто не совсем довольное. На гладком лбу между бровей легла вкось морщинка. Но голос был спокойный, бодрый и даже веселый.

– Вот вы и выбрали новый совет, девочки, – сказала она. – Очень хорошо. Доверяйте ему и помогайте чем можете. Если кому в голову придет какая-нибудь интересная затея, выдумка, то сразу же об этом и скажите. Не ждите, чтобы все за вас делали члены совета или звеньевые. Ну а если надо будет что-нибудь придумать сообща или там посоветоваться, – приходите ко мне. Ясно?

– Ясно! – ответили хором девочки.

– Ну, желаю вам успехов! – Надежда Ивановна повернулась к Оле. – Олечка, мне надо с тобой кое о чем поговорить... Людмила Федоровна, если у вас найдется несколько свободных минут, я бы и вас попросила заглянуть ко мне в пионерскую комнату.

– Хорошо, – сказала Людмила Федоровна. – Девочки, давайте уберем альбомы в шкаф, и без шума отправляйтесь одеваться. Пора по домам. Зоя! Я на тебя надеюсь!

Обе вожатые, а следом за ними и Людмила Федоровна вышли из класса. А Зоя со своей обычной добросовестностью стала поторапливать девочек:

– Ну, что еще за разговоры? Завтра поговорим. Теперь домой пора!

Но девочки все не расходились. Даже Стелла – и та медлила возле своей парты. Она, должно быть, чувствовала, что выбрали ее словно по ошибке, и ей как будто хотелось поговорить с девочками. Но она почему-то так и не решилась ни с кем заговорить. Постояла, постояла и тихонько пошла из класса, помахивая своей красивой, необыкновенной сумкой.

Настенька Егорова с досадой поглядела ей вслед.

– Поплыла! – насмешливо проговорила она. – Нечего сказать, хорошего председателя выбрали! Даже в такой день ей не о чем с нами разговаривать. А все ты виновата! – накинулась она на Лену Ипполитову. – Если бы ты не выскочила: «Кузьминская – такая, Кузьминская – сякая», ее бы ни за что не выбрали. А уж от тебя, Катя, – она сердито нахмурила свои светлые, будто выгоревшие брови, – я этого никак не ожидала! Тянет руку чуть ли не до потолка... А сама всегда говорила, что Стелла – самая неактивная пионерка у вас в звене.

Катя смущенно отвела глаза:

– Я просто подумала, что ведь она и вправду очень развитая девочка... И потом, Лена зря не скажет.

– Конечно, не скажу! – Лена спокойно и уверенно кивнула головой. – И что ты, Настя, все на нее нападаешь?

– Потому что воображает много.

– И ничего такого не воображает. Просто она немного странная, оттого что дома у нее очень плохая жизнь.

– Это у нее-то плохая жизнь? Вот уж ни за что не поверю.

– Да нет! – Лена досадливо поморщилась. – Я не говорю, что они плохо живут, они очень хорошо живут, но жизнь у них плохая.

– Что? Что? – Валя Ёлкина с удивлением смотрела на Лену. – Как это так: «живут хорошо, а жизнь плохая»?

– А вот так! – Лена значительно посмотрела на подруг. – Стеллу дома берегут, будто она стеклянная. Никуда не пускают, ничего не позволяют. Я-то знаю: мы в одном парадном живем, я к ней иногда захожу... Как она хотела в этом году в кружок юннатов записаться, плакала даже, – нет, не позволили! На экскурсии в музей и то не пускают.

– Неужели не пускают? – Валя Ёлкина круглыми глазами поглядела на Лену. – А я думала: сама не хочет.

– Сама? Скажешь тоже! Да разве это может быть?

– Нет, не может, конечно, – рассудительно сказала Настя. – А почему все-таки ее не пускают?

– А потому, наверно, что ее мама совершенно не понимает наших дел. Сама на экскурсии не ходила и Стеллу дома держит.

– Просто ужас! – сказала Катя.

– А я что говорю? – Лена достала из парты туго набитый портфельчик и деловито щелкнула замком. – Вот я и подумала, – прибавила она, – что если мы выберем Стеллу в совет, то она – хочет не хочет – привыкнет к общественной работе, и мама ее тоже, может быть, немножко перевоспитается.

– Ну, не знаю... Может быть, – с сомнением покачала головой Настенька. – Но я бы все-таки больше хотела, чтобы председателем была ты.

Старшие и младшие

Лето и осень этого года были для Снегиревых совсем не такими, как всегда.

Обычно, с тех пор как Таня перестала ездить в лагерь, Снегиревы летом жили на даче. Они снимали под Москвой две комнатки с террасой, в сосновом лесу. Сергей Михайлович еще весной уезжал в экспедицию, зато Ирина Павловна с детьми и бабушкой проводила на даче все лето. Только отдыхать ей приходилось мало. Она в первый же день ставила на террасе столик с чертежной доской и по целым часам рисовала эскизы для летних тканей – ромашки и маки на фоне неба, лесные ягоды среди зеленых листочков или просто какие-нибудь узоры. Иногда она уезжала в Москву, на фабрику, – сдавать работу, и тогда по вечерам дети ходили на станцию встречать ее.

Бабушка нередко говорила Ирине Павловне:

– Поехала бы ты, Иринушка, куда-нибудь отдохнуть от всех нас. Хоть

на две недельки путевку бы попросила. А то и в прошлом году отпуск у тебя зря прошел, и нынче так же пройдет. Дома-то ведь без дела сидеть не будешь.

Ирина Павловна соглашалась, но когда подходило время отпуска, оказывалось, что ребята совершенно обносились и надо им кое-что пошить, что диван, на котором спит Таня, вытерся до неприличия и старую обивку необходимо заменить новой и что если осеннее пальто Ирины Павловны перелицевать, то его еще можно будет носить год, а то и два. Подумавши, Ирина Павловна решительно заявляла, что не намерена звать портниху и обойщика: выйдет дороже и хуже. Она отодвигала в сторону легкий столик с чертежной доской и ставила на террасе другой – потяжелее: со швейной машинкой. Это значило, что отпуск ее начался. За неделю до его окончания она одна на несколько дней уезжала в город, и когда все возвращались с дачи в Москву, диван, к общему восторгу, был перебит, подоконники заново выкрашены белой, как снег, масляной краской, а над столом висел новый пестрый абажур... Бабушка всплескивала руками, покачивала головой и вздыхала:

– Золотые руки у тебя, Иринушка! А только отпуск опять пропал. Я же говорила...

Но в этом году все пошло по-другому. Дачи не сняли, потому что на семейном совете еще весной решили отправить Мишу за город с детским садом, а Катю – в пионерский лагерь («В лагере и веселей, – сказал Сергей Михайлович, – и для здоровья полезней, и с дисциплиной лучше»). После выпускных экзаменов уехала и Таня – на дачу к подруге. Все разъехались в разные стороны, и мама с бабушкой остались одни в городской квартире.

И вдруг, совсем неожиданно, Ирину Павловну премировали на фабрике путевкой в Крым. Сначала она отказалась наотрез. Как уехать перед началом учебного года! А кто соберет детей в школу? Нет, нет, ни за что! И думать нечего.

Но в фабкоме не стали и слушать ее. «Езжайте – и все тут! У вас взрослая дочь, и другие дети не маленькие, бабушка дома, проживут месяц и без вас».

И маме пришлось уехать за несколько дней до возвращения домой Тани, Кати и Миши.

Обычно, когда время подходило к осени, Ирина Павловна начинала готовить девочек в школу: удлинять им форменные платья, шить новые передники, покупать портфели – если старые бывали уже изношены. А в этом году у нее была такая срочная работа перед отъездом, что она не успела сделать для детей, и позаботиться о Кате и Мише теперь должна

была Таня.

Как только они приехали домой, начались сборы в школу. Но что это были за сборы! В самый последний день, накануне первого сентября, Миша хватился, что у него нет пенала, и Таня помчалась покупать пенал перед самым закрытием магазинов. Миша плакал до тех пор, пока Таня не вернулась и не сунула ему в руки долгожданный пенал.

Катя хоть и крепилась, но тоже чуть не плакала: ей не хватало одного учебника – по географии, и к тому же Таня забыла купить ей белую ленту для кос. А в первый день учебного года к белому переднику полагается вплетать в косы белые ленты.

Все в доме шло не так, как всегда. Особенно чувствовала это Катя в последнее время, приходя из школы домой.

Бывало – при маме – прибежишь и начнешь рассказывать о классных делах. Ирина Павловна стоит, нагнувшись над чертежной доской, но чуть разговор коснется чего-нибудь важного, сразу поднимет голову. Даже кисточку отложит в сторону.

«Ну а ты – что? – спросит. – А она – что? А Людмила Федоровна – что?»

Станешь подробно рассказывать, а мама: «Нет, Катенька, ты неправа. Тебе надо было сказать то-то и то-то, и никого бы ты не обидела и сама была бы спокойна. А Людмила Федоровна не могла поставить Ане больше, раз она отвечала с запинками, и нечего было Ане обижаться». И пойдет разговор с мамой – обо всем, обо всем! Мама всех девочек в классе знает по именам, и всех учителей, и нянечек. Недаром мама – член родительского комитета школы. К школьным спектаклям она помогает делать костюмы и декорации, и в школе говорят про маму, что она «свой человек».

Да и в самом деле – свой. Уж до того свой!..

А теперь, без мамы, некому рассказать про школу, не с кем посоветоваться, поделиться. С бабушкой не сговоришься. Станешь ей рассказывать, что Людмила Федоровна рассадил ее с Аней, а бабушка: «Болтали, верно?» И уж обязательно какую-нибудь старую поговорку припомнит: «Слово – серебро, а молчанье – золото»; или: «Сболтнется – не воротится». Начнешь рассказывать еще про какие-нибудь неприятности, а бабушка опять: «Ничего, перемелется – мука будет».

И никогда бабушка не расспросит, что же это за неприятности такие. Ей лишь бы только не двойка и не тройка. А остальное – все ничего. «Перемелется да перемелется». А покажется бабушке, боже упаси, что у Кати или Миши насморк или кашель начался, и уже сразу – градусники, горчичники, как будто насморк или кашель важнее всех школьных дел!

Можно бы, конечно, поговорить с Таней, но ей всегда некогда. Начнет Катя рассказывать ей что-нибудь, а она только усмехнется: «Пустяки, ничего страшного».

А кому же приятно, если все его дела считают пустяками?!

И вот наконец до приезда Ирины Павловны осталось всего два дня.

Бабушка и Таня уже привели все в порядок. Тетя Ньюша, соседка со двора, вымыла окна. Кате оставалось только сложить книги на этажерке да убрать в ящиках стола и на подоконнике. Ведь от мамы ничего не скроешь – мама сразу заметит, где какой непорядок.

Возвращаясь из школы, Катя думала: «Сегодня какой день? Пятница. Значит, еще один-единственный денечек, и послезавтра рано утром поедем на вокзал встречать маму».

У Кати даже сердце на секунду замерло при мысли о том, какое это будет счастье – стоять на перроне и ждать того мгновенья, когда вдали покажется паровоз маминого поезда...

И Кате ясно представилось, как они все стоят на перроне. У Тани в руках – букет цветов. Медленно подходит поезд, и вот в окошке вагона – мама! Таня сразу ей – цветы в руки, а сама хватается мамин чемодан. А потом все садятся в машину «Победа», с шашечками на борту, и едут домой. Это уж Таня так решила – взять такси, чтобы со всеми удовольствиями! Заодно уж и Катя с Мишей покатаются...

Катя ускорила шаг. Скорей, скорей домой! Надо прибрать все так, чтобы мама осталась довольна.

Открыла Кате бабушка. В передней было темно (должно быть, перегорела лампочка).

– Бабушка, – сказала Катя, сбрасывая пальтишко, – я сейчас примусь за уборку. А то времени мало осталось.

Бабушка усмехнулась:

– Что ж, лучше поздно, чем никогда.

– Да почему же поздно? Ведь еще только послезавтра мама приедет. До послезавтра столько всего сделать можно!..

– Нет, боюсь, что не поспеть тебе, Катюша, – сказала опять с усмешкой бабушка.

В голосе ее Кате послышалось что-то странное – таинственное, добродушно-насмешливое... Катя встревожилась, заторопилась в комнату и в темноте наткнулась на что-то большое, твердое.

– Ой, что это? Чемодан!..

Еще не веря себе, Катя подбежала к вешалке, и, хотя в передней было почти совсем темно, глаза ее сразу различили – вернее, угадали – знакомый

серенький плащ.

– Мама! – вскрикнула Катя не своим голосом и в тот же миг уткнулась в маму. Уткнулась и повисла у нее на шее.

– Мамочка, мусенька, – говорила Катя, целуя ее, – мы так мечтали поехать на вокзал – встречать тебя! Почему ты приехала раньше?

– Так ведь сегодня же день рождения бабушки, – сказала Ирина Павловна. – Вы что, забыли? – Она с ласковым упреком посмотрела сперва на Катю, а потом на Мишу (Катя только теперь его заметила: он стоял, подсунув голову под мамину руку).

– Бабушкино рождение? – Миша так удивился, что даже вытащил голову из-под маминой руки и заглянул ей в лицо. – А я и не знал, что у бабушки тоже бывает рождение.

– А я знала, конечно, – сказала Катя, – только у меня совсем вылетело из головы. Что же теперь делать? Ведь мы ей никакого подарка не приготовили.

– Нехорошо, конечно, – сказала Ирина Павловна. – Ну, да так и быть. Я привезла ей с юга большой шерстяной платок. Скажем, что это от нас всех. А теперь идемте распаковывать мои вещи. Я хочу угостить кое-чем вкусным и бабушку, да и вас заодно.

И, опустившись на колени, Ирина Павловна принялась вынимать из плетеной корзинки узкие, твердые, похожие на стаканчики крымские яблоки, тяжелые нежные груши в желто-коричневой веснушчатой кожице и посыпанные опилками большие прозрачные кисти винограда.

Катя прижалась щекой к маминой загорелой руке:

– Мусенька, да какая же ты хорошая! Ты разве не устала с дороги?

– Нет, я славно выспалась в вагоне, – ответила Ирина Павловна.

И на самом деле, она делала все так быстро, ловко, как будто ни чуточки не утомилась от двухдневного пути. Темные волосы ее были гладко, аккуратно причесаны, и вся она была, как всегда, бодрая и свежая.

Ирина Павловна положила на тарелку несколько яблок, груш и длинную тугую кисть винограда.

– Вот, Мишенька, – сказала она, – отнеси бабушке и помоги ей помыть.

Миша ушел, а мама притянула дочку к себе:

– Выглядишь ты хорошо, моя девочка. Ну расскажи, как было в лагере?

– Нет, раньше ты расскажи. Про море. Какое оно?

– Потом все расскажу... Ну как вы без меня жили? Кто тебя тут причесывал?

– Сама! – сказала Катя и хитро посмотрела на маму. – Я научилась сама заплетать косы.

Ирина Павловна засмеялась:

– Ну, сразу и видно, что сама – вон куда пробор заехал...

У нее так ярко блеснули зубы, что Катя даже удивилась маминому загару.

– Мусенька, а ты привезла ракушки?

– Привезла – и ракушки и камешки. Ну, давай распакуем чемодан и заодно обо всем поговорим.

– Да-да, мамочка, поговорим! – подхватила Катя. – У меня столько всего накопилось!..

Мама вышла из комнаты и вернулась, неся свой чемодан.

Она поставила его на стул. Щелкнул блестящий металлический замочек, и крышка открылась.

– Ну, рассказывай, – напомнила Ирина Павловна, осторожно вынимая из чемодана аккуратно сложенные в нем вещи и развешивая на спинки стульев летние платья. Она протянула Кате коробочку, всю обклеенную, как чешуей, ракушками. В коробочке оказались отполированные морскими волнами камешки. Одни были круглые, похожие на картошку, другие – овальные, как яйцо, третьи – плоские, гладкие, как маленькие плитки шоколада.

Катя не знала, на что смотреть раньше.

– Ой, какие красивые, гладенькие камешки! – говорила она, перебирая их в руках. – А это шляпа? Какая огромная!

Ирина Павловна вынула из чемодана мягкую войлочную шляпу. Катя сразу же надела ее на голову и оказалась под шляпой, словно под крышей.

– Это от солнца, – сказала мама. – Ну выкладывай, что у тебя тут без меня «накопилось».

– Без тебя было плохо, – донесся голос из-под шляпы. – Я так скучала без тебя! Ты понимаешь, мамочка, тебе всегда все интересно, а бабушке начнешь рассказывать, а она ничему не удивляется. Ну решительно ничему!

В комнату вбежал Миша.

– Бабушка не позволяет есть виноград! – сказал он разочарованно. – Говорит, скоро – обед.

– И правильно, – сказала Ирина Павловна. – Я совсем забыла. Вот и тебе, Мишенька, коробочка с ракушками и камешками. Пойди поиграй, а мы тут с Катей поговорим.

Миша заглянул Кате под шляпу:

– Какая смешная шляпа! Как зонтик! А можно и мне ее поносить?

– Можно. По очереди, – сказала Ирина Павловна. – А пока иди.

Миша, взяв подарок, убежал показывать его бабушке, а мама спросила:

– И это все, что у тебя «накопилось»?

– Нет, мамочка, – донеслось опять из-под шляпы. – Я тебе должна сказать еще самое главное. Очень плохое!

Мама присела на стул возле чемодана:

– Ну? Что случилось?

– У нас с Таней... испортились отношения.

– Что? – удивилась Ирина Павловна. – Как же это они могли так сразу испортиться?

– А очень просто. С тех пор как Таня стала студенткой, она так воображает! Только станешь ей что-нибудь рассказывать, а она на часы смотрит. То ей в читальню надо, то на лекцию, то к подруге, то еще куда-нибудь. Скажешь ей: «Мне надо тебе что-то рассказать», а она: «Потом, сейчас не могу». Всегда, всегда ей некогда, и все мои дела для нее – пустяки. Ну вот ты не поверишь – я осталась без учебника географии. Новый предмет, такой трудный, столько названий разных, а я должна занимать книжку у девочек... Уж сколько раз я Тане жаловалась, а она все только обещает да обещает...

Рассказывая, Катя и на самом деле почувствовала, как у нее растет обида на Таню. По-настоящему она с Таней не ссорилась, но сейчас просто очень приятно было рассказывать маме, как трудно жилось без нее, и видеть, что мама, и не говоря ничего, отзывается на каждое слово.

Ирина Павловна слушала серьезно, внимательно, но потом потерла глаза – один, другой, и тут Катя заметила, что мама все-таки устала с дороги, что ей хочется спать, и еще поняла, что огорчила ее.

– Нет, Катенька, – сказала Ирина Павловна, снимая с нее шляпу и приглаживая ей волосы, – ты напрасно обижаешься на Таню. Ты тоже должна понять, что ей сейчас нелегко в новой обстановке. Нужно привыкнуть к профессорам, студентам... Учиться в институте не так-то просто, ты не думай! Это в школе учителя заботятся о каждом ученике, а в институте все надо самому – и конспекты составлять по книгам и лекции записывать... Если уж хочешь говорить серьезно, то раньше Таня о тебе всегда заботилась, а теперь ты сама должна подумать о ней.

В эту минуту из передней донесся звонок.

– Наверно, это она! – обрадовалась мама. – Подожди, Катюша, я сама открою.

Она быстро пошла, почти побежала к дверям, но дверь открылась не

сразу. Ключ почему-то сейчас не поворачивался в руках у Ирины Павловны, хоть руки у нее были такие уверенные, ловкие – «золотые».

– Танюша, ты? – спросила она, и за дверью сейчас же раздался такой неистовый, счастливый вопль, что даже бабушка в кухне услышала и, прибежав, помогла маме справиться с непослушным ключом.

Это, конечно, была Таня. Она крепко обняла свою маму – и тут только заметила, что почти доросла до нее.

– Ну что у тебя в институте? – спросила Ирина Павловна, с улыбкой глядя на свою почти уже взрослую дочь.

– Скоро стипендию получу! – с гордостью ответила Таня. – А пока я заняла у бабушки немного денег... – Таня оглянулась и добавила шепотом: – На подарки.

– Кому же подарки? – спросила мама.

– Прежде всего самой же бабушке, – все так же тихо ответила Таня. – Ведь сегодня ее рождение.

Вместе с мамой она пошла в комнату и положила на стол свой портфель. Катя и Миша сразу оказались тут как тут, словно только и ждали этой минуты.

Таня вынула из портфеля узкую длинную коробочку и протянула ее брату.

– Это тебе, – сказала она, – цветные карандаши.

– А бабушке что? – спросил Миша.

– Сумочка, – сказала Таня. – А то на бабушкину смотреть страшно.

Катя и Миша осторожно погладили черную, блестящую сумочку.

– А вот это тебе, Катюша. Учебник географии. Наконец-то удалось достать. Уже четвертый раз в магазин забегаю.

Катя покраснела.

– Ой, спасибо! – тихонько сказала она, боясь встретить мамин взгляд, и взяла в руки новую книжку. На серовато-голубоватом переплете были нарисованы высокие сосны, зеленые елочки, желтые березки и мягко синела гладь реки.

– А это еще один маленький подарок Кате, – сказала Таня, вынув из портфеля что-то завернутое в бумагу.

– Опять – мне?

Катя еще больше смутилась.

Из свертка выпала, разворачиваясь и мягко струясь, белая атласная лента.

– Красивая какая! – прошептала Катя.

Таня посмотрела на Ирину Павловну:

– Понимаешь, мамочка, скоро у нас в школе большой вечер. Медали будут давать. И вот я подумала, что у Кати нет хорошей ленты.

– При чем же тут Катя? – улыбаясь, спросила Ирина Павловна. – Ведь медаль, насколько мне известно, будешь получать ты, а не Катя.

– Да, но нам сказали, что пригласят по несколько учениц из каждого класса. Хороших, конечно. И прежде всего тех, у кого сестры – медалистки. И бабушку нашу пригласили. И, конечно, тебя, мамочка.

Катя захлопала в ладоши.

А Миша подумал и спросил:

– И меня?

Мама и Таня переглянулись. А Катя сказала:

– Правда, мамочка, возьмем его с собой.

Мама пожала плечами:

– Не знаю, Мишенька. Как-то неудобно... Получится вся семья.

Миша нахмурился.

– Да-а, – протянул он, – когда вы все – так не семья, а когда со мной – так уже семья?

Кате стало жалко Мишу.

– Знаешь, Мишенька, – сказала она, – там будет неинтересно!

– Ну и пускай! – проговорил Миша, и у него задрожал подбородок. – Я очень люблю, когда неинтересно!

Мама притянула его к себе:

– Не горюй, сынок! Помнишь, папа говорил, уезжая, что он на тебя надеется. Ты ведь теперь единственный мужчина в доме и должен вести себя мужественно. Разве ты видел когда-нибудь, чтобы папа плакал по пустякам?

– Он вообще не плачет, – сказал Миша.

– И ты вообще не плачь. Ну, Танечка, расскажи, что слышно у тебя?

– Ох, мамочка, сколько у меня всего накопилось! Без тебя так трудно жилось!

– И у тебя «накопилось»? – улынулась мама и, чуть прищурившись, посмотрела на Катю. – И тебе трудно жилось?

Катя отвела глаза, взяла свою книжку, ленту и потихоньку вышла из комнаты.

«Ладно, – подумала она, – пусть уж теперь Таня рассказывает».

В этот день Ирина Павловна и дети никак не могли наговориться друг с другом.

Когда все уселись за стол обедать, она вспомнила, что Миша еще ничего не успел рассказать.

– Ну что, Мишенька, – спросила она, разливая суп по тарелкам, – нравится тебе школа?

– Ничего, нравится, – ответил Миша. – Я уже получил целых три отметки! А другие мальчики – только по две или по одной.

– Какие же у тебя отметки?

– Просто пять, пять с минусом и четыре с плюнусом! – гордо сказал Миша.

Все засмеялись. Но Миша этого даже не заметил.

– Школа у нас – такой большой-большой дом, – говорил он с жаром, размахивая ложкой, – но там никто не живет, а все только учатся.

– А с кем тебя посадили? С хорошим мальчиком?

– Сначала с хорошим, а потом с плохим.

– Почему же с плохим? – удивилась Ирина Павловна.

– Чтобы я учил его хорошему.

– А чем же этот мальчик плохой?

– Он на уроке завтракает.

Все опять засмеялись.

– Он на уроке завтракает, а ты за обедом разговариваешь, – заметила бабушка, – и ложкой размахиваешь. Значит, и ты не очень-то хороший.

На минуту за столом стало тихо. Но Ирина Павловна сама уже не могла удержаться, чтобы не спросить:

– А из детского сада, с дачи, не жалко тебе было уезжать?

– Очень жалко! – сказал Миша. – Только я хотел скорей домой.

– И мне тоже под конец захотелось домой, – сказала Катя. – Я очень обрадовалась, когда увидела Таню из окошка нашего автобуса. Она как раз возле твоей фабрики меня ждала. Там и все родители собрались.

– Знаешь, мамочка, как было все торжественно! – перебила сестру Таня. – Ребят встречали с музыкой. Представь себе – духовой оркестр играет, и вдруг подкатывает новенький автобус. Из всех окошек пионеры выглядывают – загорелые, черные, как воронята, а в руках целые снопы полевых цветов. И вот смотрю: наша Катюшка выскакивает. Выскочила – и прямо мне на шею. «Распишись, – говорит, – что меня получила». Как будто она телеграмма или груз какой-нибудь.

– Не какой-нибудь, а очень ценный, – сказала Ирина Павловна, похлопывая сидящую с ней рядом дочку по спине. – Потому и с музыкой встречали. Ну, «вся семья», доедайте котлеты, на сладкое у нас – пирог.

– А какой? – спросила Катя. – С чем?

Она знала, что бабушка всякий праздник отмечает каким-нибудь пирогом: день рождения детей – обязательно кренделем, день рождения

папы и мамы – слоеным пирогом, ватрушкой или даже настоящим – точно из кондитерской – тортом. А вот какой пирог приготовила она ради своего рождения?

– Знала бы, что мама придет, – сказала бабушка, – напекла бы что-нибудь получше. А так – просто пирожок с повидлом.

– Самый мой любимый, – сказал Миша.

Бабушка погладила его по голове:

– Ты у меня молодец. Что ни дай ему – все у него самое любимое. нарежь, Иринушка.

Ирина Павловна придвинула к себе блюдо с пирогом, на минутку задумалась и потом уверенно и решительно провела ножом по румяной корочке.

– Ну что ж, придвигайте тарелки, отпразднуем день рождения бабушки.

Бабушка вздохнула:

– Какой тут праздник без папы! Вот если бы и он дома был! Правильно говорит пословица: «Семья вместе – душа на месте».

– Ничего не поделаешь, – сказала мама. – Уж придется нам этот пирог без него съесть... А когда он придет, другой испечем.

– Он с капустой любит, – сказал Миша.

Катя замотала головой:

– Нет, с яблоками.

– И с яблоками испеку и с капустой, – успокоила их бабушка. – Только бы приезжал поскорей.

Танин праздник

Настал день Таниного праздника. Уже с самого утра Катя волновалась так, словно медаль и в самом деле предстояло получить не Тане, а ей. Людмила Федоровна сказала вчера, что хорошо было бы, если бы Катя на школьном вечере поздравила сестру. И Катя, придя из школы, начала придумывать свое выступление.

Дома была та веселая суета, которая всегда бывает перед большими праздниками. Таня гладила, мама на кухне месила тесто, бабушка взбивала белки, а Катя в большой комнате колола для торта грецкие орехи. Ради Таниной медали бабушка решила испечь свой самый знаменитый «новогодний» торт.

Все были заняты, и Катя, не стесняясь, могла говорить вслух все, что

придет в голову.

– «Дорогая сестра, поздравляю тебя!» – повторяла она, делая ударение на каждом слове и щелкая щипцами орехи. – «Обещаю тебе учиться...» Нет, не так! – Она поморщилась, нажимая на щипцы. – «Обещаю тебе, что буду учиться так же, как ты, и тоже получу золотую медаль». Золотую! А вдруг никакой не дадут? «Обещаю тебе учиться только на пять».

Катя вздохнула. Приветственная речь не получалась. Надо было немножко подкрепиться. Она отправила в рот половинку ореха, но орех оказался горьким, и пришлось съесть еще два, чтобы заглушить горечь.

«Что же делать? – думала Катя. – Что сказать?»

Советоваться со своими ей не хотелось. Не спросишь ведь: «Таня, как мне тебя поздравлять?» Она скажет: «Не надо никак». У мамы спросить? Тоже как-то неловко... «Спрошу у Людмилы Федоровны», – решила Катя.

Она отнесла на кухню две тарелки – одну с ядрышками, другую со скорлупой, – умылась, причесалась, надела белый передник и с белыми пышными лентами в косах пошла в школу. Ждать, пока выберется из дому «вся семья», было свыше ее сил.

Несмотря на ранний час, школьный зал был уже заполнен школьницами. В первом ряду перед сценой чинно сидели со своей учительницей самые маленькие – первоклассницы. Их было семь, и каждая из них держала в руках по букету цветов.

Катя обошла весь зал, ища глазами Людмилу Федоровну. Учительницы нигде не было.

Стали собираться гости. Вера Александровна, директор школы, встречала гостей. Среди них был один, очень высокий человек со звездой Героя на светло-сером пиджаке.

– Артемов! – строго и чуть улыбаясь сказала ему пожилая учительница в очках. – Почему ты явился без пионерского галстука?

– Простите, Марья Семеновна! – ответил высокий, вытянувшись перед ней, как провинившийся школьник, и шаря в кармане. – Я не успел его выгладить к празднику...

Все засмеялись. А Вера Александровна пошла навстречу новым гостям. Тут было много незнакомых Кате людей, и вдруг она увидела своих – маму, бабушку и Мишу (все-таки пришли всей семьей!). У бабушки на плечах была старинная кружевная шаль, а в руках – новая сумочка. Вера Александровна усадила бабушку и Мишу в первом ряду, а маму взяла под руку и увела на сцену, где уже собрались за длинным столом, накрытым красной скатертью, учителя и гости.

Катя пробралась к своим одноклассницам. За рядами стульев, где

расселись гости, на скамьях лесенкой выстроились школьницы: впереди – поменьше ростом, за ними – побольше, а у стены – самые большие.

Внезапно наступила тишина. Пронесся шепот: «идут!» – и в зал одна за другой вошли семь девушек – семь медалисток. Среди них шла и Таня.

На сцене и в зале все поднялись и стоя захопали. Девушки совсем смутились и поглядывали друг на друга, не зная, что им теперь делать. Наконец зал утих, и медалистки прошли на приготовленные для них места.

И странное дело, в эту минуту Кате почему-то стало жалко Таню. Ей вспомнилось, как перед выпускными экзаменами Таня говорила, что она «ровно ничего не знает», и все расстегивала и застегивала пуговку под воротничком. Ей вспомнилось, сколько дней Таня просидела за книгами и тетрадями, и сейчас, может быть, в первый раз Катя по-настоящему поняла, как много терпения и труда нужно было потратить Тане и ее подругам, для того чтобы заслужить право на сегодняшний праздник.

А тем временем Вера Александровна уже успела поздравить своих бывших учениц.

– Я не сомневаюсь, что им предстоит большая, интересная, полезная жизнь, – сказала она. – Из стен нашей школы вышло немало людей, которыми гордится вся наша страна. Вот и сейчас среди наших гостей находится наш бывший ученик, Герой Советского Союза – Андрей Артемов.

Весь зал так и загремел. Школьницы хлопали изо всех сил. Андрей Артемов встал и, обернувшись к Вере Александровне и к учителям, тоже захопал.

Катя оглядывалась по сторонам, ища глазами Людмилу Федоровну, но ее почему-то все еще не было...

«Дорогая сестра!» – начала Катя снова сочинять в уме свое поздравление, но волна новых аплодисментов заставила ее прислушаться к тому, что делалось на сцене. Это приветствовали завуча Марью Семеновну.

Суховатая и резкая, Марья Семеновна была грозой всей школы. Ее все боялись, но в то же время и уважали, а самые старшие, дойдя до последнего класса, обычно начинали ее крепко любить. Поправив на носу очки, Марья Семеновна поднесла к глазам какую-то бумагу и начала читать вслух:

– «Выписка из приказа по Московскому городскому отделу народного образования...»

И когда Катя услышала:

«За выдающиеся успехи и отличное поведение наградить золотой медалью

Снегиреву Татьяну Сергеевну», —

она очень удивилась, что Таня вдруг стала «Татьяной Сергеевной» и что о ней знают в Московском городском отделе народного образования.

Кончив читать приказ, Марья Семеновна дрогнувшим голосом сказала:

— Мне трудно сейчас говорить. Вы и без слов понимаете... Она махнула сердито рукой и, вынув платок, протерла стекла очков.

Из-за стола поднялся старый учитель. Он подошел к краю сцены и, опираясь на палочку, тихим голосом начал:

— Ну что же сказать вам? Я не умею красно говорить. Ведь я — математик...

И он должен был остановиться, потому что раздались аплодисменты, хотя он ничего еще не успел сказать.

— Сейчас осень, — продолжал он. — Правда, только по календарю. А на самом деле погода стоит такая, как весной. И здесь — весна. — И старый учитель посмотрел на девушек-медалисток. — Настоящая весна.

И еще он сказал, что некоторые из его учениц выбрали профессию математиков и что он этому искренне рад.

«Он-то рад, — подумала Катя, — а вот им какво? Всю жизнь задачи решай! Нет, я бы ни за что не согласилась».

А между тем учителя один за другим вставали перед своими ученицами. Преподавательница литературы, которую в школе все называли «литератор», сказала, что для учителя самая большая награда за его труд — это радость видеть, как растет человек, как он идет все дальше и дальше.

Наконец настала самая торжественная минута. Вера Александровна и Марья Семеновна сошли по ступенькам в зал и встали у маленького столика — слева у сцены. И тут только Катя заметила, что на столике разложены красные коробочки.

— Логинова Лидия — золотая медаль! — объявила Марья Семеновна.

И Танина лучшая подруга, Лида, с длинными светлыми косами, в синем бархатном платье, подошла к столику. Вера Александровна протянула ей коробочку, пожала руку, и Лида уже хотела убежать, но Марья Семеновна вернула ее обратно:

— Расписаться забыла!

Лида взяла ручку и нагнулась над столиком, и как раз в это время к ней подошла одна из первоклассниц с букетом.

— Я хочу сказать поздравление, — проговорила она, и все, затаив дыхание, прислушались.

Лида, улыбаясь, смотрела на первоклассницу, похожую на большую

куклу в школьной форме.

– Дорогая девочка! – продолжала первоклассница, закинув голову. – Горячо поздравляю тебя с веселой наградой!

– С веселой? – улыбаясь, переспросила Лида.

– С высокой, – подсказал шепотом кто-то из учителей.

– С высокой, – спокойно повторила первоклассница и начала снова: – Дорогая девочка! Горячо поздравляю тебя с высокой наградой – с золотой и серебряной медалью!

– Сразу с обеими? – засмеялись в зале.

– Желаю тебе, – продолжала девочка, нисколько не смутившись, – в вашей будущей жизни...

Веселый смех заглушил последние слова ее «речи». Она спокойно посмотрела по сторонам и пошла на место, унося с собой букет.

– Цветы, цветы отдай! – закричали ей со всех сторон.

Девочка вернулась и сунула Лиде в руки цветы.

Катя тихонечко слезла со скамейки и прошла вперед. Она знала, что теперь уже совсем скоро ей придется выступать. Ей было и страшно и весело. «Ну, если первоклассницы не боятся, то мне и подавно нечего», – решила Катя.

Наконец вызвали к столику Таню. От радости и волнения Таня, так же как и Лида, забыла, конечно, расписаться, и для нее, так же как и для Лиды, нашлась «пара» – маленькая первоклассница. У этой была темная челка на лбу, а на голове – пышный бант. Белый передник ее торчал спереди пузырем.

– Дорогая девочка! – сказала баском первоклассница и вдруг замолчала.

– Ну что, маленькая? – спросила Таня, не зная, как ей помочь.

– Я... – начала опять первоклассница, – я... я... букет!

И она протянула Тане цветы, но не ушла, а продолжала стоять, закинув голову.

– Иди, иди на место! – донесся шепот со сцены.

Первоклассница оглянулась, сказала спокойно:

– Отдала!

И, сообразив наконец, что больше от нее ничего не требуется, убежала.

А Таня, обхватив одной рукой цветы, а другой прижимая к себе красную коробочку с медалью, оглядела весь зал и прерывающимся от волнения голосом начала:

– Я не готовилась к своему выступлению...

– Вот и хорошо! – сказал старый учитель.

Таня засмеялась и вздохнула. Катя хорошо знала эту привычку старшей сестры – волнуясь, вздыхать и смеяться попеременно.

– Не падай духом, Танюша! – подбодрила ее Вера Александровна. – Говори смелее!

– Я и не падаю, – сказала Таня и перевела дыхание. – Мне хочется сказать вам, Вера Александровна, и вам, Марья Семеновна, и вам, Виктор Петрович, и всем, всем учителям нашим – спасибо за все! – Таня опять перевела дыхание. – Я в детстве хотела обязательно стать летчицей. Как Марина Раскова. Потом мечтала стать артисткой. Но вот прочла книги великого русского педагога Ушинского, Макаренко, стала приглядываться к труду учителей в нашей школе – и поняла, какой это увлекательный и благородный труд... труд учителя. – Она хотела еще что-то сказать, но вдруг встряхнула головой и неожиданно закончила: – Ну, в общем...

И все поняли, что это «ну, в общем» значит, и дружно захлопали. Таня уже собралась убежать, но тут она увидела рядом с собой Катю и с удивлением на нее посмотрела.

– Дорогая сестра! – начала Катя прерывающимся от волнения голосом и, увидев, что бабушка плачет, растерялась. Она секунду помолчала и снова начала, но совсем не теми словами, которые она придумывала дома. – Танечка, – сказала она, – поздравляю тебя! Я знаю, как ты умеешь учиться. И всего добиваться. А вот я еще так не умею... Но я постараюсь.

Таня чуть-чуть улыбнулась.

– Нет, правда постараюсь! – сказала Катя. – Вот увидишь...

Вокруг зашумели аплодисменты. И Катя, забыв, что она еще хотела сказать, не оглядываясь, побежала на место.

Когда же она немножко успокоилась, то увидела, что раздача медалей уже кончилась и Вера Александровна и Марья Семеновна опять заняли свои места за столом президиума.

– А теперь, – сказала Вера Александровна, обращаясь к залу, – у нас будет урок. Да-да, не удивляйтесь, – самый настоящий урок! Представьте себе, что мы не в зале, а в классе, и что перед нами доска. Предлагаю учителям вызвать кого-нибудь из своих бывших учеников, и пусть они расскажут, пригодились ли им в жизни наши уроки. И я надеюсь, – Вера Александровна поглядела с улыбкой на сидящих за столом учителей, – что вы на этот раз будете не слишком строгими. Виктор Петрович, начните-ка вы.

Старый учитель вынул из кармана записную книжечку, заглянул в нее, словно в классный журнал, и вызвал:

– Артемов, прошу к доске!

Андрей Артемов кивнул головой и, улыбаясь, поднялся с места. Он не пошел к трибуне, а чуть облокотился на спинку стула и начал просто и непринужденно:

– Мне особенно приятно выступить сегодня на вашем вечере потому, что я сам учился в этой школе и окончил ее. Это еще было до войны. Когда на нашу страну напали гитлеровские полчища, мне пришлось воевать. А когда война кончилась, я поступил в строительный институт и вот теперь участвую в строительстве одного из самых больших зданий в Москве – нового здания университета...

Андрей говорил так, словно ничего особенного не было в его судьбе: воевал... работаю... Дело обычное! Все воевали и все работают...

Но когда он окончил, старый учитель сказал:

– Молодец. Пять с плюсом!

Рассказ о героях

На следующий день, в воскресенье, с утра до ночи лил дождь. Но и этот день все равно был очень хороший. Все были дома – и старшие и младшие. Таня никуда не торопилась, долго разбирала свои школьные тетрадки и одну из них – самую красивую, «общую», в коленкоровом переплете и еще нетронутую, только с надписью на первом листке: «Т. Снегирева», – подарила Кате. А после вечернего чая все долго сидели за столом, рассматривали Танину медаль, говорили про учителей и вспоминали о том, что было на школьном вечере. И было даже как-то особенно уютно оттого, что по стеклам змеились искристые полоски дождевых капель и форточка поскрипывала от ветра.

– После вашего ухода, – продолжала Таня, неторопливо перемывая чашки, – мы опять танцевали, как летом на выпускном балу. Только не так долго...

Ирина Павловна, с чайным полотенцем в руках, ждала, что Таня протянет ей чашку. Но Таня все еще вертела и вертела ее в полоскательнице.

– А потом, когда все стали расходиться, – продолжала она, – мы вышли втроем: Лида, я и Андрей Артемов...

– Дай же мне чашку, Танюша, – сказала мама. – Ну, вышли вы втроем... А дальше?

– Вышли мы с Андреем Артемовым, – повторила Таня, протягивая маме чашку. – Помните, кто этот Артемов? Тот самый Герой Советского

Союза, который нашу школу закончил и теперь строит университет на Ленинских горах. Вот, значит, выходим мы, а Лидка моя – она смелая – прямо с места в карьер и спрашивает его: «За что вы получили Героя?» – «За дела боевые», – отвечает Андрей. А Лидка опять: «Почему же вы ничего не рассказали нам об этом на вечере?» – «Ну, знаете, – говорит Андрей, – на таком веселом празднике больше хотелось говорить о мирных делах». – «Ну а теперь о войне расскажите!» – попросили мы с Лидой. Андрей сначала отказывался: «Лучше расскажите что-нибудь вы, это будет повеселей». Но мы пошли на хитрость. Начали расспрашивать его о том о сем, он нечаянно разговорился и все нам рассказал. Потом, на прощанье, шутил. «Вы, – говорит, – меня штурмом взяли». Ночь была удивительно теплая. Мы долго-долго ходили с ним по улицам, по набережной, и Андрей все рассказывал. Да только мне так хорошо не рассказать.

– Ничего, все равно Расскажи! – попросили Катя и Миша.

– Ну ладно, – сказала Таня. – С чего же он начал? Ах да, с университета... Знаете, это будет целый город науки! Уже сейчас можно увидеть издали его стальной каркас. Андрей – инженер, вот он этот самый каркас и строит. И знаете, он с таким жаром рассказывал нам об этой стройке, а потом вдруг задумался на минутку и говорит: «Эх, горько подумать, что не дожил до этих мирных дней, до этого строительства товарищ мой Алеша Решетников! Как бы он радовался! Ведь мы вместе собирались поступить после войны в строительный институт».

Мы с Лидой говорим: «Расскажите про вашего товарища». Вот он нам и рассказал.

– А теперь ты нам Расскажи! – решительно потребовал Миша.

Таня кивнула головой.

– С Алешей Решетниковым, – сказала она, – Андрей познакомился и подружился еще в танковом училище. Они поступили туда сразу же как только началась война. Оба потом попали на Ленинградский фронт, и оба участвовали в прорыве блокады.

– Как это – «в прорыве блокады»? – спросил Миша.

Таня поглядела на Мишу и Катю:

– Ленинград был окружен врагами, понимаете?

– Ага, – сказал Миша.

– Ну, вот прямо как будто железное кольцо сдавливало его со всех сторон. Люди жили без воды, в холоде, в темноте. Хлеб и другую еду доставляли на самолете. А сколько же можно доставить на самолетах? Конечно, самую малость... Но, несмотря ни на что, Ленинград не сдавался.

Таня рассказывала, а Ирина Павловна перетирала чашки и думала о

том, что недаром ее старшая дочка решила стать учительницей. Как она хорошо – спокойно и просто – умеет разговаривать с детьми. Ребята отлично ее слушают – слово боятся проронить. А чем лучше слушают они Танин рассказ, тем лучше рассказывает и Таня.

– И вот пришло время перейти от обороны к наступлению, – торжественно сказала Таня и строго поглядела на Катю и Мишу. – Это наступление должно было прорвать блокаду. Накануне, одиннадцатого января, Андрея и его товарища Алешу приняли в партию. Андрей говорит, что они просто не могли уснуть в ту ночь. Алеша был сдержанный, молчаливый и даже с Андреем застенчивый. Но в ту ночь он много рассказывал Андрею о своей жене и маленьком сыне.

– У него был мальчик? – подхватил Миша. – А как его звали?

– Сережа, – ответила Таня.

– А сколько ему было лет? – спросила Катя.

– Года три, кажется.

– Еще маленький, – сказал Миша. – А где он жил?

– До войны они жили где-то под Москвой, – продолжала Таня. – Алешина жена работала на заводе. А когда началась война, завод эвакуировался на Урал, и Алешина жена тоже уехала туда с Сережей. Алеша первое время столько получал писем от жены, что у них в части даже немножко завидовали ему. И вдруг письма перестали приходить. Алеша написал на уральский завод, и ему ответили, что жена его тяжело заболела. А потом пришло письмо, что она умерла.

– Ой! – вскрикнула Катя. – А как же Сережа?

– Сережу взяли в детский дом.

– В какой?

– Погоди, Катюша, – прервала ее мама. – Рассказывай по порядку, Танечка.

– Хорошо, только пусть Катя и Миша меня все время не перебивают, – сказала Таня. – Вот я и забыла, на чем остановилась.

– Сережу взяли в детский дом, – подсказала Катя тихонько.

Таня призадумалась.

– Ну да, только я ведь не на этом остановилась.

– Ты рассказывала про ночь накануне наступления, – подсказала Ирина Павловна.

– Да-да. Всю эту ночь Андрей и Алеша говорили о том, что будет, когда кончится война, – как они вернутся в Москву, как будут учиться, работать, а по праздникам ходить в Большой театр, в оперу. Думали, какая будет хорошая жизнь, когда кончится война. А на другой день началось

наступление. Погода в то утро была ясная, солнечная. Дул холодный ветер. И вот началось! Артиллерия открыла огонь...

Бабушка уважительно поглядела на Таню и слегка покачала головой.

– И все-то она знает, наша Танечка, – проговорила она тихонько.

Таня смутилась:

– Так это же я со слов Андрея...

– Ну, ну! – заторопил ее Миша. – Значит, первой ударила артиллерия, а дальше что?

– А дальше – по Неве ринулись танки. По льду, конечно. Одновременно перешли в наступление части Волховского фронта. Ленинградцам и волховчанам нужно было во что бы то ни стало прорвать вражеское кольцо и соединиться. Танкетка Андрея и Алеши сошла на лед и помчалась вслед за передними танками... Ах, да, – спохватилась Таня, – я совсем забыла сказать, что у них был не танк, а танкетка. Андрей говорит, что уже к тому времени танкетки устарели. В бой шли большие, тяжелые танки. Но тогда, в блокаду, даже и для старых машин находилось дело. Их как-то там ремонтировали, подновляли и опять пускали в ход. Андрей был стрелком и командиром машины, а его товарищ Алеша – водителем.

– А какая она, танкетка? – спросил Миша. – Совсем как танк, только маленькая?

– Нет, нет! Андрей нам объяснял, только я не совсем поняла. В общем, в танке стрелок помещается наверху, в башне, а водитель внизу; ну а в танкетке оба сидят рядом, разделяет их только мотор. Так вот, сидит Андрей рядом с Алешей и ведет огонь из своего пулемета. И вдруг танкетка попала под такой ливень огня, что обоих тяжело ранило. Андрея – осколком снаряда в спину и в руку, а его товарища в лицо, через смотровую щель – кажется, так она называется.

– Ну да, смотровая щель, – кивнул головой Миша. – Так и называется. А как же еще?

Все невольно улыбнулись. Таня потрепала братишку по затылку, но Миша вывернулся из-под ее руки.

– Да ну, рассказывай же! Что же ты замолчала на самом интересном месте?

Таня кивнула головой:

– Ладно, ладно! Так вот, значит, ранило их обоих. Но, конечно, Андрей и Алеша только потом поняли, что случилось. Андрей говорит, что сразу потерял сознание. А когда очнулся, почувствовал, что танкетка стоит на месте. Он попробовал пошевелиться – не может. Его точно сковало. А мотор дрожит, как живой. Вдруг Андрей слышит слабый голос Алеши: «Ты

жив?» – «Жив покуда, – отвечает Андрей, – только ни рукой, ни ногой двинуть не могу. А ты как?» – «Опало меня, – говорит Алеша. – Не вижу ничего. Может, ослеп...»

Не успел Андрей подумать, что делать, как Алеша сказал: «Надо идти дальше. Ничего, я поведу машину». Андрей сначала даже не понял: как же Алеша поведет машину, ничего не видя перед собой? Но каким-то образом Алеша ощупью нашел рычаги мотора. Спрашивает: «Ты можешь указывать направление?» – «Могу», – отвечает Андрей. Алеша нажал рычаги, и машина двинулась дальше. Андрей кричал Алеше: «Правей, левей, прямо!» Кричать приходилось, конечно, громко, в самое ухо Алеше, потому что кругом стоял ужасный грохот – от стрельбы, от лязга гусениц. В общем, не знаю, от чего... Андрей и сам удивляется теперь, как только их танкетка выдержала. Ведь пулемет-то молчал, и машина была беззащитна, не могла вести огонь. Но еще удивительнее то, что вел машину слепой водитель!

– Батюшки мои, слепой! – повторила бабушка.

А Катя и Миша опять заторопили старшую сестру:

– Рассказывай, рассказывай дальше!

– Ну и вот... – Таня перевела дух. – Как они проскочили, я прямо не представляю себе. Да Андрей и сам не знает. Неожиданно он увидел людей в белых маскировочных халатах. Это были наши. Андрея и Алешу вынесли из машины, и тут Андрей опять потерял сознание. Наверно, от большой потери крови, а может быть, от сильного напряжения. Очнулся он только спустя несколько дней. Увидел, что лежит на койке, и понял, что это госпиталь. У постели сидела незнакомая девушка – медсестра. Она поздравила Андрея со званием Героя. Андрей, конечно, сейчас же спросил про Алешу. Девушка не сразу ответила, а потом сказала, что Алеша тоже получил звание Героя, но уже посмертно. После того как его ранило, он прожил недолго. Умирая, он все беспокоился об Андрее и вспоминал своего маленького сына...

– Сережу, – подсказала Катя.

– Ну да, Сережу...

Таня замолчала. А Катя, подумав, спросила:

– Где же теперь этот Сережа? В каком детском доме? Разыскал его Андрей Артемов?

– Нет, – ответила Таня. – Все еще разыскивает. Говорит, что нашел несколько мальчиков с именем Сережа и фамилией Решетников, но отчества у них другие, да и возраст не тот.

– Значит, того самого Сережу пока не нашел? – опять спросила Катя.

– Я же и говорю, что не нашел, – повторила Таня.

– А как ты узнаешь, если он его найдет? – не унималась Катя.
– Уж как-нибудь постараюсь узнать.
– А как?
– Успокойся, дочка, – остановила Катю мама. – Ложись-ка лучше спать. Что-то вы нынче поздно засиделись.
– Собирайся, собирайся, Катенька! – добавила бабушка. – Утро вечера мудренее.
– Почему же я первая? – запротестовала Катя. – Миша ведь меньше, пусть он первый идет...
– А тебе раньше сказали, – отозвался Миша, – значит, ты раньше и должна идти.
– Тогда идите оба, – разрешила их спор мама.
...В этот вечер Кате долго не спалось. Она все думала и думала о том, как бы поскорее узнать, где живет Сережа Решетников.
«Тане все некогда, – думала Катя, – когда-то она еще встретится с Андреем Артемовым! Если он даже и разыщет Сережу, Таня может об этом не узнать... Что, если послать Артемову письмо – прямо на стройку, где он работает? Да ведь он говорил Тане, что эта стройка большая, прямо как целый город. Наверно, надо знать точно, где там этот Артемов работает, а то, пожалуй, письмо и не дойдет. А если даже дойдет – все равно Сережиного адреса мы не узнаем. Ведь и сам Артемов пока что не знает, где Сережа... Нет, видно, придется подождать».
Катя вздохнула. Больше всего на свете она не любила ждать.
«Надо что-нибудь затеять!» – решила она и, закрыв глаза, стала думать. Но как только веки ее опустились, мысли сами собой улетучились из головы. Вокруг стало тихо-тихо, и Катя крепко уснула.

Молодые граждане

Таню никто не посылал спать, хотя часы уже отсчитали одиннадцать, а потом, в полной тишине заснувшего дома, звучно отбили половину двенадцатого.

С тех пор как Таня стала студенткой, она сама распорядилась своим временем и могла спокойно посидеть за письменным столиком над книгами и тетрадями, куда она аккуратно переписывала лекции.

Но на этот раз ей не хотелось ни читать, ни заниматься. Да кстати все у нее было готово к завтрашнему дню.

Однако же и спать ей не хотелось. Слишком много было у нее за

последнее время нового, интересного: первые лекции в институте, студенческая, еще непривычная жизнь, да вдобавок ко всему это неожиданное, не семейное, а только ее, Тани, собственное знакомство со взрослым человеком, да еще с каким – Героем Советского Союза, строителем университета!

Таня мысленно перенеслась опять в школьный зал и, вспомнив «речи» маленьких первоклассниц, невольно засмеялась. И опять, уже не в первый раз за сегодняшний день, она раскрыла красную коробочку, достала из шелкового гнездышка свою медаль и любовалась на маленькие выпуклые буквы: «За отличные успехи и примерное поведение», венцом окаймляющие раскрытую книгу и лавровую ветку.

«Вот удастся ли так же учиться в институте? – подумала она с тревогой. – В школе тебя точно за руку вели. А здесь сама идешь. Попробуй-ка пойми, хорошо ли ты знаешь что-нибудь или плохо. До первого доклада на семинаре, до первого зачета ничего не известно... В институтском коридоре чувствуешь себя самой младшей, ну прямо точно первоклассницей, – а ведь вчера в школе мы были среди девочек самые старшие. Взрослые. «Старушки»... А все-таки жалко школу!»

Таня вытащила из бокового ящика стола большой конверт с фотографиями. Вот 10-й класс, 9-й, 8-й, 7-й, 6-й, 5-й... Чем старше были школьницы, тем новее, свежее были фотографии.

«Можно подумать, что это не я, а Катя, – думала Таня, всматриваясь в фотографию 5-го класса, – только у Катюши волосы светлее».

На этой карточке Таня сидела у ног сидящей в первом ряду учительницы, на ковре. Ее форменное платье было выше колен, белый передник с крылышками, на ногах – носки...

«Да, да, совсем точно Катя... Ах, Катюшка, как хорошо она вчера сказала! «Я знаю, как ты умеешь учиться. А вот я еще так не умею...» А ведь Катя способнее меня. Только вот усидчивости у меня больше...»

Таня разложила карточки на столе. Вот и самая последняя, снятая в день выпускного бала, 25 июня. Эту карточку Таня рассматривала особенно долго. В первом ряду сидели, как всегда, учителя, а девушки, уже не в темных платьях, а в белых, тесно прижавшись друг к другу, стояли полукругом за стульями.

Таня всматривалась в лица подруг и учителей – знакомые до мельчайших черточек. Еще так недавно казалось, что эта привычная жизнь никогда не кончится, что школьная семья, со всеми учителями и нянечками, никогда не распадется – так же как и родная семья, домашняя. Но вот школьная жизнь уже стала отходить в прошлое... Тане вспомнилась

последняя ночь, когда девушки после выпускного бала вышли из школы на улицу. Каждая захватила с собой немного цветов – кто веточку сирени, кто пион, кто пучок красных гвоздик.

Было уже три часа ночи. Начинало светать. Но разве можно разойтись по домам в такую летнюю ночь, когда цветут липы и так сладко пахнет медом, когда так легко дышится и трепещут при легком ветерке белые платья, когда хочется и смеяться, и плакать, и петь, и танцевать – и все сразу!

– Идемте гулять по Москве! До утра! – предложил кто-то.

– Да ведь уже утро! – отозвалось сразу несколько голосов.

– Ну так до солнца! Идемте на Красную площадь!

И большая, нарядная, говорливая толпа двинулась по улице.

Ах, милая, родная улочка, ведущая в школу и из школы! Сколько школьниц видела ты и видишь каждый день! Видишь ты и веселые лица и озабоченные. Как недавно еще Таня и Лида ходили взад и вперед по этой улочке, повторяя вслух историю, литературу, геометрию. Кажется даже, что камни этой мостовой запомнили навсегда всех французских Людовиков и все геометрические теоремы. Сколько было в те дни тревог, волнений! Но в эту летнюю ночь, после выпускного бала, представляется, что все школьные дни были такими же счастливыми и беззаботными, как самый последний день.

И все-таки всем почему-то чуть-чуть грустно. Чувствуется, что вместе со школьными днями ушло из жизни что-то очень большое, очень дорогое. Конечно, на смену придет новое, еще большее, впереди – целая жизнь. Но что прошло, то прошло.

Таня обернулась назад. Во всех окнах притихшего школьного дома уже погас свет... И тогда-то они с Лидой и решили побывать первого сентября в школе, чтобы еще раз, уже издали, поглядеть, как проходит этот милый праздник – новый год школы.

Но вот уже короткая, знакомая до каждого камня улочка осталась позади. Веселая толпа бывших школьниц вышла на открытую, широкую улицу. Светало, но фонари еще горели легким, прозрачным, уже не нужным светом. Откуда-то снизу, с бульвара, донеслись голоса, смех, и навстречу хлынула еще целая толпа девушек в белых платьях. Такие же выпускницы, как они, и тоже, видно, решили бродить по Москве до солнца. Обе школы встретились, перемешались, и, знакомясь на ходу, двинулись дальше. Пошли, обнявшись, широкими шеренгами по аллее бульвара.

Вот и памятник Пушкину.

Таня осторожно положила к подножию памятника букетик красных

гвоздик. И сейчас же со всех сторон посыпались к ногам поэта гроздьи лиловой и белой сирени, пунцовые и розовые пионы, и еще много живых цветов...

И вдруг – что это? По улице Горького, такой пустынной в этот час, медленно движется еще новая толпа. Можно подумать, что это идут демонстранты. Но разве бывают демонстрации в пятом часу утра? Да это же опять школа, только не женская школа, а мужская. У них, верно, тоже только что кончился школьный вечер. Им тоже, должно быть, не хочется расставаться друг с другом.

– Какая школа? – крикнул кто-то из юношей.

– Имени Крупской! – звонким хором откликнулась Танина школа.

И далеко вокруг разносятся шумные приветствия и поздравления.

Скоро все перезнакомились друг с другом, и начался разговор – полусерьезный, полущутливый – о том, кто куда собирается поступить.

– Это у нас будущий астроном, – сказал высокий, худощавый парень, похлопывая по плечу молчаливого, застенчивого товарища. – Про него не скажешь, что он звезд с неба не хватает. Хватает!

– И много уже нахватал? – спросила Танина подруга Лида.

– Да, немало.

– А вы сами кем будете?

– Я? – переспросил высокий юноша. – Ясно кем – строителем.

– Еще бы не ясно! – подхватил какой-то широкоплечий круглолицый паренек. – Он вместо крана стоять будет. Видите, какой вымахал – на добрых два метра. И все ему мало – растет и растет!

Высокий укоризненно покачал головой:

– Помалкивай ты, пищевая промышленность! Другие о звездах думают, а ты о чем? О сосисках да макаронах.

Но круглолицего не так-то легко было смутить. Он слегка прищурился и ответил уверенно:

– Ну, одними звездами сыт не будешь. Нужны не только астрономы, но и гастрономы.

Все еще дружной засмеялись, и кто-то даже захолопал в ладоши.

Но вот, откуда ни возьмись, – милиционер. Он в белом свежем кителе, словно тоже нарядился по случаю школьного праздника.

– Молодые граждане, – говорит он, поднося руку в белой перчатке к козырьку фуражки, – что ж это вы нарушаете порядок? Все люди спят, а вы...

Но «молодые граждане» не дают ему договорить.

– Товарищ милиционер, поймите – ведь такая ночь бывает только один

раз в жизни!

– И ведь уже не ночь, а почти утро!

– Оно конечно, – задумчиво говорит милиционер, – для кого еще ночь, а для кого уже утро. Утро жизни, как говорится...

– Да он философ! Поэт! – восклицает будущий строитель. – Товарищ милиционер, разрешите пожать вашу руку!

Милиционер торжественно пожимает руки вчерашним школьникам и отходит в сторону. Должно быть, он понял, что такая ночь и на самом деле бывает у человека только один раз в жизни.

Без Людмилы Федоровны

Катя пошла в школу раньше, чем всегда. Ей очень хотелось поскорей, еще до начала уроков, рассказать Наташе, Настеньке и другим девочкам о Танином школьном вечере, об Артеме, о Сереже...

«Девочки, наверно, тоже захотят разыскивать Сережу, – думала Катя. – Вот мы вместе и придумаем, с чего начать. Пусть Артем ищет Сережу, и мы искать будем».

Но когда она вошла в класс, все эти мысли сразу вылетели у нее из головы. Ее удивило и встревожило, что Людмилы Федоровны в классе не оказалось. Обычно она приходила раньше всех своих учениц и ждала их в коридоре у дверей класса. А сегодня все уже собрались, расселись по партам; кто-то успел нарисовать на доске домик с трубой и дымом и положить мел на место, а Людмилы Федоровны все не было.

Прошло еще пять минут. Дежурная Валя Ёлкина сбегала в учительскую, принесла глобус, указку и стерла с доски домик с трубой. Людмила Федоровна все еще не показывалась.

«Странно, – думала Катя, – и на школьный вечер она не пришла, и сейчас ее нет...»

Наконец дверь открылась. Все разом встали. Но, к общему удивлению, в класс вошла не Людмила Федоровна, а старшая вожатая Надежда Ивановна.

– Здравствуйте, девочки, – сказала она своим спокойным, звучным голосом. – Садитесь.

Девочки смотрели на нее с недоумением. Почему она пришла в такой неурочный час? Ведь во время уроков не устраиваются сборы отряда.

– Какой у вас первый урок? География? – спросила Надежда Ивановна, взглянув на глобус.

– География, – ответили ей.

– Хорошо. На чем вы остановились в прошлый раз?

Маленькая кудрявая Валя Ёлкина подняла руку.

– Мы дошли до китов, – сказала она.

Надежда Ивановна чуть-чуть улыбнулась.

– А где же Людмила Федоровна? – не вытерпев, спросила Катя. – Разве ее сегодня не будет?

– Не будет. Она нездорова.

Настенька всплеснула руками:

– А что с ней?

– Что с ней?.. Что с ней?.. – подхватили во всех углах.

– Тише, тише, девочки. – Надежда Ивановна подняла руку. – Не тревожьтесь. Ничего опасного нет, но все-таки Людмила Федоровна больна довольно серьезно. Разве вы сами не заметили, как трудно было ей в последнее время говорить? Должно быть, Людмиле Федоровне придется сделать горловую операцию.

– Ой, горло резать! – сказала Валя Ёлкина тихонько. – Я бы ни за что не дала...

– Перестань глупости говорить, – остановила ее Настенька. – Если надо, так надо!

– Совершенно верно, – сказала Надежда Ивановна. – Если надо, так надо. Людмиле Федоровне сделают операцию, и она поправится. Только ей придется недели две молчать. Даже шепотом нельзя будет говорить.

Девочки так и ахнули:

– Ой, две недели молчать!

Надежда Ивановна улыбнулась, и от улыбки лицо ее, как всегда, словно осветилось.

– Я знаю, – сказала она, – вам и пять минут бывает трудно помолчать, не то что две недели. – И добавила очень серьезно: – Может быть, Людмиле Федоровне уже до самого конца года не придется работать в школе, чтобы не утомлять горло.

– Мы ее не будем утомлять!.. Ни за что не будем! – заговорили девочки наперебой. – Мы будем сидеть тихо-тихо – как будто нас и нет... Пускай она хоть шепотом говорит или совсем не говорит, а пишет на доске. Передайте ей...

– Хорошо, хорошо, девочки, – сказала Надежда Ивановна и села за учительский стол. – Обязательно передам. Ну а сейчас мы с вами читаем дальше по учебнику. Потом, если останется время, я расскажу вам, как ездила прошлым летом на север и видела, как там охотятся на морских

животных.

– На китов? – спросила Валя Ёлкина.

– Нет, на моржей и тюленей. Ну, найдите-ка ваших китов.

Все в классе сразу оживились. Девочки раскрыли свои учебники и скоро нашли страницу, где была напечатана картинка, изображающая плывущего среди бурного моря кита.

Надежда Ивановна подошла и села рядом с Кузьминской – на пустовавшее место Ани Лебедевой. Заглянув в раскрытый учебник Стеллы, она сказала:

– Начнем с того места, на котором вы остановились. Читай, Валя. Можешь сидя.

Валя встряхнула своими кудряшками и звонко начала:

– «В летнее время в северных морях появляется много разной рыбы и мелких животных. Изредка встречаются самые большие в мире животные – киты...»

Но не успела Валя перевернуть страницу, как дверь опять приоткрылась, и в класс заглянула нянечка, тетя Ариша.

– Сидите, доченьки, – сказала она и обратилась к старшей вожатой: – Надечка, вас директорша зайти просит. Говорит, по срочному делу.

Надежда Ивановна сразу же встала:

– Сейчас иду. Спасибо, тетя Ариша.

Все разочарованно посмотрели на старшую вожатую. Значит, не придется читать дальше?

– Опять дошли только до китов, – сказала, вздохнув, Валя Ёлкина.

– Что ж поделаешь, девочки, – проговорила Надежда Ивановна, озабоченно оглядывая класс. – Я постараюсь скоро вернуться, и тогда мы и почитаем и поговорим. А что, Зои Алиевой, старосты, нет сегодня в классе?

– Нет, Надежда Ивановна, Алиева второй день не приходит – простудилась.

– Тогда вот что. Стелла Кузьминская, поручаю следить за порядком тебе. Ты – председатель совета отряда, и я на тебя надеюсь. Смотри, чтобы в классе был порядок и чтобы все были заняты делом.

Надежда Ивановна торопливо вышла из класса. Девочки остались одни.

– Ну, что мы будем делать? – слышались голоса.

Кто принялся доставать из сумок и портфелей книжки, кто – переговариваться друг с другом.

Стелла подошла к учительскому столу и громко сказала:

– Девочки! Вы очень шумите, а Надежда Ивановна велела мне следить за порядком. Хотите, я буду вас спрашивать по географии?

На минутку в классе стало тише, потом из разных концов класса донеслись голоса:

– Все равно порядка не будет.

– Почему ты думаешь, что будет порядок, если спрашивать?

– Очень просто, почему, – ответила Стелла. – Нельзя же шуметь, когда в классе урок.

– А какой же у нас урок? – спросила с места рыженькая Ира Ладыгина, та самая девочка, которая принесла однажды в класс живых жуков. – Нет же у нас урока!

– Будет, – спокойно проговорила Стелла. – Сейчас я начну вас вызывать и спрашивать.

– А мы не будем отвечать, – донеслось из глубины класса.

– А тому, кто не будет отвечать, – сказала Стелла, – я поставлю двойку.

В классе задвигались, зашумели.

– Не имеешь права ставить отметки в журнал! Ты не учительница.

– А я и не буду ставить в журнал, – так же уверенно ответила Стелла. – Я буду записывать в тетрадку. Там у меня как раз полный список фамилий всех девочек нашего отряда.

– И ставь, пожалуйста! – крикнула опять Ира Ладыгина. – Себе в тетрадку можешь ставить что хочешь. Хоть единицу с пятью минусами, хоть четырнадцать с плюсом.

Все засмеялись.

– Нет, я буду ставить самые обыкновенные отметки, – сказала Стелла. – А потом скажу Надежде Ивановне, как вы отвечали: кто на двойку, кто на пятерку.

Девочки переглянулись, и в классе стало тише. Но вот раздались голоса:

– Надежда Ивановна собиралась сегодня рассказывать, а не спрашивать.

Но Стелла не обратила внимания на то, что говорили в классе.

Подойдя к своей парте, она, не торопясь, достала тетрадку, карандаш, а потом преспокойно уселась за стол Людмилы Федоровны.

Стелла держалась серьезно и важно. Прищурившись, она медленно вела карандашом по тетрадке сверху вниз, словно не зная, на ком остановиться.

– Только смотри, Кузьминская, – раздался предостерегающий голос Настеньки, – не придирайся и не сбивай!

– Ну конечно, – согласилась Стелла, чуть улыбнувшись одним уголком рта, – само собой разумеется...

– Ишь как разговаривает! – прошептала Настя. – Будто она десять лет в десятом классе преподавала.

Стелла все еще вела карандашом по тетрадке:

– Сейчас будет отвечать... будет отвечать... Киселева.

Клава Киселева только качнула своими пышными бантами, торчавшими над ушами, и осталась сидеть за партой.

– Киселева! – еще громче повторила Стелла. – Возьми указку и иди отвечать.

– Сама себе отвечай, – насмешливо ответила Клава. – А я тебе отметки ставить буду. Тоже в свою тетрадку.

– Нет, девочки! – рассердилась Стелла, вставая с места. – Это никуда не годится. Надежда Ивановна велела мне с вами заниматься, а вы не слушаетесь.

– Ну, иди, Клава, так и быть, – предложила Настя, оборачиваясь к ней. – Чего ты боишься?

– Иди, иди, – подхватили и другие девочки.

Всем уже захотелось посмотреть, что выйдет из Стеллиной затеи.

Клава нехотя встала и враскачку пошла к столу, дергая девочек по дороге – кого за косу, кого за ляжку передника.

– Покажи мне, пожалуйста, – начала Стелла медленно, словно наслаждаясь своей властью, – Уральские горы, Алтайские и Кавказские.

– Зачем же все горы сразу? – заговорили в классе.

– Так надо.

Клава подумала немножко и решительно ткнула указкой в Алтайские.

– Это какие? Уральские? – спросила Стелла.

– Вот ты и сбиваешь! – крикнула Настя.

Но Стелла даже не обернулась к ней.

– Ага, не знаешь? – протянула она, с усмешкой глядя на Клаву. – А какие реки текут в Черное море?

– Мало ли какие! – ответила Клава. – Тоже еще учительница выискалась! Не буду отвечать – и все!

– И этого не знаешь! – торжествующе сказала Стелла и, подбежав к столу, поставила в тетради такую большую, жирную двойку, что даже близорукая Лена Ипполитова увидела ее со своей парты. – Очень плохо. Два!

– Пусть хоть двадцать два, – сказала Клава и пошла на место, нарочно громко топая.

Пока Стелла спрашивала Клаву, Катя то и дело поглядывала на свою соседку – Наташу, хмурилась и покусывала губы. Ей уже давно хотелось сказать Стелле, что не надо вызывать и спрашивать, что гораздо интереснее было бы что-нибудь читать или рассказывать. Она молчала только потому, что не хотела мешать Стелле следить за порядком. Но внутри у нее все так и кипело.

«Рада вклеить двойку! – думала Катя. – Да еще не какую-нибудь, а побольше, пожирней. Людмила Федоровна подумала бы раньше, сколько вопросов задала бы наводящих, а уж потом только вздохнула бы и поставила маленькую двочку, а эта воображала рада поиздеваться».

Должно быть, Наташа понимала Катини мысли – она сочувственно кивала ей головой и бросала в сторону Стеллы неодобрительные, осуждающие взгляды.

А между тем Стелла уже вызвала другую ученицу, Тоню Зайцеву – тихую, робкую девочку, соседку Иры Ладыгиной по парте.

– О чем мы говорили на прошлом уроке? – спросила Стелла.

– О Северном Ледовитом океане, – чуть слышно ответила Тоня, испуганно глядя на Стеллу своими круглыми глазами.

– А на позапрошлом?

– О Великом Тихом океане, – еще тише сказала Тоня.

– А на позапозапрошлом?

– Тоже об океане, только о каком – не помню. Забыла.

– Почему забыла?

– У меня память плохая.

– Это неуважительная причина, – заметила Стелла.

– Как это – «неуважительная»? – спросила Настя. – Почему?

– Потому что неуважительная.

Тут уж Катя не выдержала. Она вскочила с места.

– Уж если спрашиваешь, – сказала она, задыхаясь от возмущения, – спрашивай справедливо! Людмила Федоровна напомнила бы, о чем говорилось даже на прошлом уроке, а тебе еще зачем-то понадобилось вспомнить позапрошлые...

– Тише, Снегирева! – остановила ее Стелла. – Я тебя не вызывала.

– Ну так вызови!

– В другой раз.

– Другого раза не будет, – сказала Катя, села на свое место и решительно отвернулась к окну.

– Нарочно слабых учениц вызывает, – сказала она вполголоса. – Хороших труднее сбить.

Еще одна двойка появилась в Стеллиной тетрадке – против фамилии «Зайцева». Но Стелле и этого показалось мало. В скобках она приписала: «По неуважительной причине».

Видно, ей приятно было разыгрывать из себя учительницу, да еще такую строгую.

Играть в школу Катя и сама любила. Но сейчас ей было не до игры. Кому охота играть, когда на душе так грустно! Еще и Аня не выздоровела, а уже заболела Людмила Федоровна, да так опасно! Шутка ли – горло резать... Нет, играть не хотелось. Да это и не была игра. Не игра и не урок.

Только сейчас поняли девочки, как интересно было на уроках у Людмилы Федоровны. Каждый день в последнее время, даже каждый час, каждая минута приносили что-нибудь новое.

Кате и в голову не приходило раньше, что самая большая гора на земном шаре – это все равно что пылинка на мяче, а самая глубокая впадина – все равно что царапина на арбузе, и что на Южном полюсе вовсе не жарко, а очень холодно...

И вот теперь Людмилы Федоровны нет. Во всех классах по-прежнему идут уроки, а у них, в четвертом «А», все словно остановилось.

Так бывает, когда в пути, на маленьком полустанке, внезапно остановится скорый поезд. Мимо деловито проносятся другие поезда, а этот стоит, и неизвестно, когда двинется дальше...

Уже и Стелла не знала, что ей делать теперь – кого вызывать и что спрашивать.

Но тут, к счастью, вернулась Надежда Ивановна.

– Простите, девочки, – сказала она, – мне пришлось задержаться. Вера Александровна вызвала меня по очень важному делу. Оно касается вас...

– Нас?.. – Все так и впилась глазами в Надежду Ивановну.

– Да, девочки. Вы же сами понимаете – Людмила Федоровна вернется не скоро, а вам нельзя долго оставаться без учительницы.

– Кто же у нас будет?

– Новая учительница, тоже очень хорошая.

– А может быть, Людмила Федоровна еще поправится?

– Конечно, она поправится. Но чем дольше она будет отдыхать, тем лучше для нее.

– И хуже для нас, – сказал кто-то.

Надежда Ивановна слегка нахмурилась:

– Ну а что вы без меня делали? Успели что-нибудь?

– Нет, – ответили девочки. – Ничего не успели.

– А надо было хоть что-нибудь успеть. Взяли бы да почитали какую-

нибудь книжку. Или порисовали.

– Я спрашивала их, – немного смущенно сказала Стелла.

– Что спрашивала?

– То, что уже прошли...

Надежда Ивановна посмотрела вокруг и увидела по лицам девочек, что они не очень довольны Стеллиным уроком.

– Спрашивать – это не такое простое дело, – сказала она. – Иной раз потрудней, чем отвечать.

Стелла опустила глаза и слегка покраснела. Но Надежда Ивановна этого как будто не заметила.

– Ну, ничего! – сказала она успокоительно. – Сейчас у вас будет рукоделие, потом английский. Все пойдет своим порядком.

– А завтра приходите?

– Конечно, приходите. Обязательно. Завтра у вас – пение, физкультура.

– А уроки кто нам задаст? Вы, Надежда Ивановна?

– Да, я. Леночка, дай-ка мне сюда твои книжки.

Надежда Ивановна села за стол и, перебирая страницы учебников, стала говорить девочкам, что им прочесть, что переписать и какую решить задачу.

Лучшее название

На следующий день в классе было так же неуютно, как и накануне. Все было как будто в порядке: класс проветрен, доска протерта начисто, мел приготовлен. Но не хватало чего-то самого важного и главного – будто хозяйка ушла из дому.

В других классах двери уже закрылись, стало тихо, и только в четвертом «А» дверь все еще стояла распахнутая, точно поджидая кого-то. Девочки поминутно выбегали на цыпочках за порог, чтобы поскорей узнать, придет ли к ним опять Надежда Ивановна или, может быть, уже явилась новая учительница. Какая она? Старая или молодая? Добрая или строгая? Никто ничего не знал, но все были уверены, что она будет, конечно, хуже Людмилы Федоровны.

– Ой, идет! – вдруг пронеслось по классу.

Катя вместе с другими выглянула за дверь, но в конце коридора показалась не учительница, а какая-то стриженная длинноногая девочка с сумкой в руках...

– Аня!..

Аня – это и в самом деле была она – вбежала в класс и, бросив сумку на парту, принялась по очереди здороваться с подругами. Ее обступили со всех сторон. Кто мерился с ней ростом, кто проводил ладонью по ее стриженной голове, кто просто тормозил, прыгая возле и приговаривая: «Ой, Анечка вернулась!»

– Катя, – сказала наконец Аня, освободившись от дружеских объятий, – ты, значит, не сердишься на меня? Нисколько-нисколько? А я, знаешь, простить себе не могла, что вела себя тогда так глупо. Но ведь я сама не знала, что уже заболела. Мне все казалось, что меня обижают, не любят, а это было просто от болезни.

– Да что ты, Анечка! – говорила Катя. – Я так и поняла. И Наташа тоже.

– Нет, вы не знаете, – сказала Аня, прижимая оба кулака к груди и обращаясь сразу к Наташе и Кате, – нет, вы не знаете!.. У меня тогда все так запуталось! Если бы меня не взяли в больницу, я бы могла все распутать, поправить в тот же самый день. Или хоть на другой день. В школу бы пришла и все объяснила бы. А вот когда я заболела и меня в больницу забрали, да еще в заразное отделение, – тут уж я ничего не могла сделать. Хотела вам письмо написать – говорят: нельзя. Хотела, чтобы кто-нибудь ко мне пришел, – опять: нельзя. Все нельзя да нельзя! Хорошо еще, что вы сами догадались мне письмо написать!.. Разворачиваю посылочку – и вдруг на колени мне падает твоя Дюймовочка, Наташа. Я сразу поняла, что вы не сердитесь, и так обрадовалась, так обрадовалась! Только одно досадно – обратно ее уж не выпустили, твою Дюймовочку. Такое отделение!

– Да я уж знаю, – спокойно ответила Наташа. – Из этого отделения ни книжек, ни игрушек не отдают. Ну что ж, пусть себе наша Дюймовочка так и будет больничной куклой – недаром ей моя мама вместо платья белый халатик сшила. Достанется она какой-нибудь другой девочке, потом третьей...

Аня улыбнулась.

– Уже досталась, – сказала она. – Одной маленькой девчушке, первокласснице. Я дала ей поиграть, а она как взяла, так потом из рук ее и не выпускала. Только ни за что не хочет называть твою куколку Дюймовочкой. Ты уж извини, Наташа, теперь ее Люсей зовут.

– Все равно. Люсей так Люсей!

– Пойдите, девочки, – вдруг сказала Аня, оглядываясь по сторонам. – А почему у нас урок пустой? Я уж думала, что опоздаю, а Людмилы Федоровны еще нет...

– И не будет, – сказала Клава Киселева, потряхивая бантами.

– Как это – «не будет»?

– Заболела. А вместо нее придет другая учительница. Новая.

– Ой, девочки! – Аня грустно покачала головой. – Как же так? А я-то думала – все будет, как прежде. И вас увижу и Людмилу Федоровну...

– Нет, теперь все по-другому, – серьезно сказала Валя Ёлкина.

Как раз в эту минуту кто-то легко, почти неслышно ступая, прошел по коридору, и на пороге класса появилась Надежда Ивановна. Она строго посмотрела по сторонам и спросила:

– Что у вас тут за шум? В других классах уроки идут...

– Надежда Ивановна, Аня выздоровела!.. Аня Лебедева вернулась!.. – заговорили все разом.

– Ну, очень хорошо. Здравствуй, Анечка!

Надежда Ивановна улыбнулась, и ее большие карие глаза, которые только что казались такими темными и серьезными, даже как будто посветлели.

– А шуметь все-таки не следует. Завтра у вас будет новая учительница. Мы ждали ее сегодня, но придется подождать еще денек. А пока стройтесь и потихоньку идите в зал. У вас будет урок пения.

– Пения?

Девочки очень удивились. Пение у них всегда бывало последним уроком, а первым – никогда. И, кроме того, уж если из-за болезни Людмилы Федоровны отменили урок арифметики и русского письменного, так неужели же после этого можно петь? Но они все-таки пели и даже разучили довольно веселую песню: «В саду ягода-малинка, калинка моя».

На втором уроке, когда по расписанию должна была быть арифметика, в класс вошла вожатая Оля и сказала:

– Девочки, второго урока у вас не будет. А третий – физкультура.

– А что мы будем делать сейчас? Надежда Ивановна придет?

– Нет. С вами останусь я.

– Тоже спрашивать будешь? – сказала Настя задорно.

Оля усмехнулась, а Стелла искоса посмотрела на Настю. По Настиному вопросу она поняла, что Оля уже все знает от своей младшей сестры.

– Нет, – сказала Оля, – спрашивать вас будет ваша новая учительница, а мы с вами займемся нашими пионерскими делами.

Она осторожно поправила свою прическу (наверно, для того чтобы казаться постарше, она сегодня подобрала свои толстые косы и уложила их на затылке кренделем), тряхнула головой и подошла к столу.

– А сегодня Аня пришла из больницы, – сказала Валя Ёлкина.

Оля поглядела в ту сторону, куда повернулись все девочки.

– Ну вот и хорошо, Анечка, – сказала Оля. – Да тебя прямо не узнать. Настоящий мальчишка!.. Так вот, девочки, нам пора выпустить отрядную газету, а у нас еще ничего не готово, нет даже названия. Сейчас весь отряд в сборе, и мы можем все вместе придумать это название. Только помните, оно должно быть короткое, звучное, простое и должно выражать самое главное. Понятно?

– Попятно, – не совсем уверенно отозвался кто-то.

– Ну вот. Подумайте и скажите, что вы предлагаете.

В классе стало тихо.

Оля раза два прошлась по классу, потом присела на минуту у стола.

– Ну что, девочки?

Все молчали.

– Я не тороплю. Думайте, думайте.

Она подошла к окошку и несколько минут постояла, глядя на школьный двор.

А за спиной у нее тем временем началось какое-то легкое движение, шорох, шепот...

Оля обернулась:

– Ну, придумали? Кто хочет сказать? Лена Ипполитова, ты у нас редактор, скажи первая ты.

Лена поднялась с места, поправляя на своем маленьком носу большие очки.

– Я придумала два названия. Только они, кажется, не подходят...

– Почему же? Посмотрим.

– Первое: «Пионерки», – неуверенно сказала Лена и тут же возразила сама себе: – Но ведь есть журнал «Пионер», и «Пионерскую правду» все называют «Пионеркой». Будет очень похоже.

– Да, да, – заговорили все разом. – Очень похоже! Не годится.

– Ну а второе название? – спросила Оля.

– Второе – «Звезда».

Это название всем понравилось.

– Красиво! – сказала Зоя Алиева. – Пусть так и будет. Хорошо, Оля?

– Такое название тоже есть. Журнал для взрослых, – сказала, не поднимаясь с места, Стелла Кузьминская.

Оля кивнула головой:

– Да, есть. Подумаем еще.

– Ну и что ж, что есть? – крикнула Валя Ёлкина. – Пускай у больших

будет «Звезда», а у нас «Звездочка».

– Нет, не годится. Это уж очень для маленьких.

– А если так назвать: «Отличницы» или «Лучший класс»? – предложила Зоя.

– Нет, – подумав, ответила Настя. – Какие же мы отличницы? У нас и троечниц довольно много, да и двоечницы водятся. А уж «Лучший класс» совсем не подходит. Что ж ты думаешь, Зоя, лучше нас никого нет?

Зоя покраснела.

– Совсем не так думаю. Я думаю, что надо стараться быть самым хорошим классом.

– Значит, так и надо сказать.

– А как же это сказать?

Настенька задумалась:

– Не знаю... Может быть, «Вперед, за хорошую учебу!»

– Лена Ипполитова! – вызвала Оля. – Подойди к доске и записывай все названия, какие предлагают. Бывает, что название-то и неудачное, а наведет на хорошую мысль.

Лена вышла к доске и начала аккуратно записывать все названия: «Будущая жизнь», «Все вместе», «Салют», «Ступенька за ступенькой», «Учеба и отдых»...

– Нет, девочки, – сказала Ира Ладыгина. – Это все как-то скучно. Назовем газету «Кузнечик» или просто «Скакалка»!

Все с удивлением переглянулись. Кто-то засмеялся.

– Как же так? – сказала Лена. – Ведь название должно выражать самое главное, и вдруг – «Кузнечик»!

– А как же у больших есть журнал «Крокодил»? И очень даже интересный.

– Можно мне? – Катя подняла руку.

– Говори, Катюша.

– Я вот что думаю, – медленно сказала Катя, склонив голову набок и накручивая, по обыкновению, кончик косы на палец. – «Кузнечик» – хорошее название. Только оно подходит для веселого журнала, а не для газеты. Ведь тут мы будем писать и про школьные дела, и про учебу, и про все самое главное. А вот если бы в конце газеты у нас был такой отдел – смешной, с разными шутками и карикатурами, вроде приложения, – его хорошо было бы назвать «Кузнечик».

– Верно, – согласилась Оля. – Давайте так и сделаем. Запиши, Лена.

Лена аккуратно записала:

«Кузнечик» – веселый отдел».

Но тут с места поднялась Настя.

– Что ж это получается? – сказала она, разводя руками.

И Оля невольно улыбнулась. Точно так же говорит и разводит руками их бабушка.

– Что же это получается? Для приложения название есть, а для газеты нету.

– Не все сразу, – суховати ответила Оля, но лицо у нее сделалось озабоченным. Она привыкла прислушиваться к тому, что говорит ее маленькая сестренка. Да и не она одна. Все в семье Егоровых знали, что десятилетняя Настенька – рассудительный, серьезный человек. Даром слова не скажет. А уж что скажет, то и сделает.

«На меньшую нашу, – говорила часто бабушка, – как на каменную гору положиться можно».

Оля иной раз даже подшучивала над сестрой: «Ну ты, каменная гора!»

Но в душе она знала, что в Настеньке есть что-то, чего в ней самой не хватает: спокойная неторопливость, умение не заботиться слишком о том, что подумают и скажут о ней другие, и какая-то, редкая даже для взрослых, пронизательность. Сама Оля каждый год увлекалась новой подругой, без конца рассказывала о ней, расхваливала на все лады. Дома только и слышали: «Тося, Тося, Тося» или «Зиночка, Зиночка, Зиночка»...

А Настя, бывало, посмотрит и сразу скажет: «Эта твоя черненькая – умная и простая. А та – с локонами – просто фасон держит».

«Да она же не завивается! – с раздражением говорит Оля. – У нее от природы волосы красивые».

Настя только пожимает плечами:

«А я и не говорю, что она завивается. Я только говорю, что тебе с ней скоро надоест».

И в самом деле, через месяц Оле уже не о чем было говорить с кудрявой красавицей.

Зная все это – может быть, даже не столько зная, сколько чувствуя, – Оля во время собрания искоса поглядывала на младшую сестру. Не то чтобы она искала у нее одобрения, но по ее лицу, словно по барометру, следила за тем, все ли в порядке. Ведь и теперь она была, пожалуй, права, Настенька. Сначала надо сделать главное дело, а потом заботиться о приложениях и прибавлениях.

– Ну, девочки, кто еще хочет сказать?

Лена Ипполитова положила на полочку мел и, вытирая пальцы, задумчиво сказала:

– Отчего это так получается, что все самые хорошие названия уже

придуманы? Вот я хотела предложить «Дружные ребята», потому что наш класс не очень-то дружный, а было бы хорошо, если бы мы крепче дружили. Да вот и такое название уже есть.

Стелла Кузьминская насмешливо фыркнула и отвернулась к окну.

Этот смешок почему-то ужасно задел Олю. С самого начала собрания она следила за Стеллой. Ей хотелось знать, как будет вести себя эта девочка, прекрасная ученица, пятерочница, которую она, Оля, довольно-таки опрометчиво выдвинула в председатели совета отряда.

За все время Стелла не предложила ни одного названия. Только однажды она вставила свое словцо: напомнила, что журнал с названием «Звезда» уже есть. Зато каждое предложение ее подруг вызывало легкую усмешку на ее красивом личике. Она слегка пожимала плечами, морщилась, презрительно выпячивала нижнюю губу.

Оля видела это, и ее досада на себя и на Стеллу становилась все сильнее.

Стараясь говорить как можно спокойнее, она повернулась к Стелле:

– Ты, кажется, что-то хочешь сказать, Кузьминская?

Стелла удивленно поглядела на нее:

– Нет.

Оле очень хотелось вызвать Стеллу на разговор, но в это время Катя опять подняла руку:

– Оля, можно мне предложить?

– Да, да, говори.

– Мне кажется, – начала Катя, – Лена очень правильно сказала: нам непременно надо стать дружнее. В прошлом году мы очень часто ссорились, да и в этом году случалось. И, по-моему, для нас самое главное – наладить хорошую пионерскую дружбу. Вот я и подумала: а что, если так и назвать газету – «Пионерская дружба»?

– Верно, – сказала Настенька. – Чего там еще голову ломать! Хорошее название.

– Хорошее, хорошее!.. Подходит!.. – заговорили все разом.

– Ну что ж, – сказала Оля, – как будто название выбрали. Кому нравится, поднимите руки.

Все живо подняли. Только Стелла подняла руку вяло, как-то нехотя, и сейчас же опустила. Потом опять подняла, но лениво и небрежно. Даже нельзя было понять толком, голосует она за это название или нет.

Оля, прищурившись, посмотрела в ее сторону:

– Ну а ты, Кузьминская, за или против? То поднимаешь руку, то опускаешь.

Стелла пожала плечами:

– А я ни за, ни против... Уж очень это название какое-то такое... обыкновенное.

– А тебе еще какое нужно? – крикнула с места Ира Ладыгина. – Подумаешь, «обыкновенное»! Сама-то ты уж очень необыкновенная.

– Тише, Ира! – сказала Оля, невольно взглянув на Стеллину необыкновенную сумку, лежавшую на парте, и на ее какой-то особенно нарядный передник.

Она вышла на середину класса и сказала спокойно:

– Девочки! У нас еще есть время. Если кто-нибудь не согласен с предложением Кати, можно поспорить, предложить другое название. Ну-ка, Стелла, мы ждем.

Но Стелла, видимо, не собиралась спорить и воевать.

– Пусть называют газету как хотят, – процедила она обиженно. – Я не редактор. Какое мне дело...

Тут уж загудел весь класс:

– Не редактор, а председатель отряда! Председателю до всего должно быть дело.

А кто-то из середины класса добавил:

– Только умеешь учительницу из себя разыгрывать!

Оля подняла руку:

– Тише, девочки! – и опять повернулась к Стелле. – Вот что, Кузьминская: это ты, конечно, сказала не подумавши. Как же так? Решается общее дело. Всем интересно, тебе одной все равно. Не может этого быть. Просто ты, должно быть, не совсем довольна предложениями своих подруг, у тебя, наверно, есть получше. Я ведь заметила, что ты посмеивалась, когда говорили другие. Ну, смело! Выкладывай, что ты придумала. Нам всем очень интересно послушать.

Стелла испуганными глазами посмотрела на Олю и уставилась себе под ноги.

– Ну?..

Стелла молчала.

Она чувствовала на себе насмешливые, выжидающие взгляды одноклассниц, и багровая краска заливала ее щеки.

– Ага, – сказала Валя Ёлкина, – смеяться над другими легче, чем самой придумывать!

Стелла прикусила губу и отвернулась.

«Это ты у меня надолго запомнишь», – с удовлетворением подумала Оля и краешком глаза посмотрела на сестру.

Настенька ответила ей одобрительным и даже каким-то удивленным взглядом, и это заставило Олю гордо и радостно улыбнуться.

Но она сейчас же подавила улыбку и сказала серьезно:

– Ну, значит, новых и лучших предложений у нас нет. Садись, Кузьминская. Газета нашего отряда будет называться: «Пионерская дружба».

Анна Сергеевна

– Здравствуйте, девочки, я – ваша новая учительница. Зовут меня Анна Сергеевна.

Так сказала новая учительница, войдя в класс.

Все встали.

– Садитесь, девочки, – сказала Анна Сергеевна.

Новая учительница была намного старше Людмилы Федоровны. Высокая, худая, в больших очках, с двумя резкими, глубокими морщинами между бровями, она казалась хмурой и суровой. Здороваясь с классом, она слегка улыбнулась, и от этого возле губ у нее тоже появились две морщинки, а глаза остались такими же строгими и суровыми. Держалась она как-то чересчур прямо. Гладкие темные волосы с проседью были крепко-накрепко стянуты на затылке в тугий маленький узелок.

Новая учительница положила на стол классный журнал и большой, туго набитый портфель и пошла по рядам. Внимательно всматриваясь в лица и спрашивая у девочек их имена и фамилии, Анна Сергеевна что-то отмечала в своей записной книжечке.

– Та-ак, та-ак, – говорила она протяжно, переходя от парты к парте. – Егорова Анастасия, Ёлкина Валентина. Киселева Клавдия...

Людмила Федоровна никогда не называла девочек полными именами, а всегда уменьшительными, по-домашнему: Клава, Валя, Настя.

И, должно быть, от непривычки, называя свое полное имя, девочки смущались и опускали глаза.

Дойдя до Лебедевой Анны, Анна Сергеевна на минутку задержалась и, поглядев на стриженные Анины волосы и на ее похудевшее лицо, спросила:

– Ты болела недавно?

– Да, – чуть слышно ответила Аня. – Скарлатиной.

– Значит, много пропустила?

– Да.

– Придется догонять, – сказала Анна Сергеевна и пошла дальше.

Ах, совсем, совсем по-другому встретила бы вернувшуюся после болезни Аню милая Людмила Федоровна!

Девочки невольно переглянулись. Анна Сергеевна заметила это. Она чуть-чуть улыбнулась и спокойно продолжала свой обход, терпеливо переспрашивая, если сразу не могла расслышать имя или фамилию.

Обойдя все парты, Анна Сергеевна сказала ровным и твердым голосом:

– Девочки! Нам с вами придется в этом году очень серьезно поработать. Мы должны помнить, что весной у нас – экзамены.

Класс встрепенулся. Поднялось несколько рук.

– А разве Людмила Федоровна не вернется к нам до экзаменов? – спросила Ира Ладыгина, встав с места.

– К сожалению, в этом году, скорее всего, нет, – все так же спокойно ответила Анна Сергеевна.

«В этом году!» – с ужасом подумала Катя. – А ведь в будущем году и наверно уже ее у нас не будет. Мы перейдем в пятый класс, а там все учителя будут другие. По всем предметам!»

И Катя с такой нескрываемой обидой посмотрела на Анну Сергеевну, как будто новая учительница была виновата и в болезни Людмилы Федоровны, и в том, что в пятом классе все учителя будут другие.

Анна Сергеевна поняла, что тревожит девочек.

– Ничего не поделаешь, – разводя руками, сказала она. – Если вы любите вашу учительницу, вы должны хотеть, чтобы она совсем выздоровела, а для этого ей нужно как следует отдохнуть. Вы же не маленькие и должны это понимать.

Анна Сергеевна села у стола, раскрыла свой толстый портфель и, достав учебную книгу, принялась ее перелистывать.

А тем временем девочки смотрели на нее, приглядывались и невольно сравнивали ее с Людмилой Федоровной.

Новая учительница ничем, ну решительно ничем не походила на их молодую, красивую и ласковую Людмилу Федоровну.

«Строгая, сердитая», – думали девочки.

А между тем, поворачивая концами пальцев страницы, Анна Сергеевна тоже всматривалась в лица своих новых учениц, всматривалась так, словно хотела каждую из них тут же, сразу, понять и запомнить. Ее чуть прищуренные, близорукие глаза казались при этом недоверчивыми, даже сердитыми.

Но девочки и не догадывались о том, что думала и чувствовала в это время высокая пожилая женщина, поневоле занявшая место Людмилы

Федоровны. Они не знали, что она отлично поняла или, вернее, почувствовала, как ее встречает класс. По выражению лиц, по шороху, по топоту она сразу же заметила, что все они сравнивают ее мысленно с их прежней учительницей.

Да, у нее не было счастливого умения расположить к себе с первой встречи одной только улыбкой, звонким голосом, живостью, молодостью.

Это не смущало ее. Она знала, что постепенно, изо дня в день, – трудом, заботой, вниманием, умением – завоеует свой класс.

И все-таки ей было чуть-чуть грустно. Грустно чувствовать эту ничем не заслуженную, чуть ли не враждебную настороженность.

«Ну, ничего! – подумала Анна Сергеевна. – Надо начинать».

Она заглянула в свою записную книжечку и спокойно, как будто ничего особенного не заметила, сказала:

– Сегодня у нас по расписанию первый урок – грамматика. Повторим то, что вы уже учили. Ну-ка, скажи мне ты – твоя фамилия, кажется, Ипполитова? Что вы прошли по грамматике?

Лена тихонько откинула крышку парты и встала.

– Мы прошли, – начала она совсем не так смело и уверенно, как отвечала обычно Людмиле Федоровне, – корни, приставки, суффиксы и окончания. А также ударные и безударные гласные.

– Так, – сказала Анна Сергеевна. – Иди к доске.

Лена подошла. Все притихли в ожидании.

«Хорошо, что Лену вызвали первую, – подумала Катя. – Она-то все знает назубок!»

Но Лена, всегда такая спокойная и уверенная, сейчас робко переступала с ноги на ногу и оглядывалась на подруг.

– Напиши, – сказала Анна Сергеевна, – такое предложение: «Журавли летели над морем и видели на нем большие корабли и маленькие лодочки с белыми парусами».

Лена принялась писать, постукивая мелом, но строчки у нее пошли вкривь и вкось и на концах так высоко забрались вверх, словно это были не буквы, а те самые журавли, которые летели над морем. И когда Анна Сергеевна попросила Лену подчеркнуть безударные гласные в корнях слов и объяснить их правописание, Лена подчеркнула не безударные, а ударные.

– Что ж это ты? – спросила Анна Сергеевна. – Посмотри внимательно, какие это гласные.

По классу пробежал шумок:

– Она знает!.. Знает!..

Анна Сергеевна подняла руку:

– Тише. Если знает, тем лучше.

Лена уже заметила свою ошибку, быстро стерла написанное и принялась писать все заново. И опять по доске разлетелись белые журавли.

Все в классе понимали, что Лена волнуется. И на самом деле, она волновалась все больше. Ей пришло в голову, что Анна Сергеевна приняла ее за слабую ученицу и что теперь уже всегда будет о ней так думать. Подчеркнув то, что требуется, Лена уже хотела положить на место мел, но Анна Сергеевна еще не отпустила ее.

– Скажи мне, пожалуйста, как можно проверить, правильно ли у тебя написаны безударные гласные в корнях слов: «журавли летели»?

Лена задумалась. Еще немножко – каких-нибудь полминуты, даже меньше, – и она, конечно, ответила бы, что у нее написано все правильно, и объяснила бы, что для безударного «а» в слове «журавли» проверочным словом служит «журавль», а для безударного «е» в слове «летели» такое проверочное слово – «полет», но в это время до нее и до Анны Сергеевны отчетливо донеслась подсказка...

Лена покраснела. Этого еще не хватало! Теперь Анна Сергеевна уж наверно подумает, что Лена – самая настоящая тупица, которую только подсказкой и можно выручить.

– В чем дело? – спросила Анна Сергеевна у Зои Алиевой, сидящей на одной из первых парт, хотя подсказывал кто-то другой, а не Зоя.

– Анна Сергеевна, – начала Зоя, поглядывая на учительницу своими блестящими черными глазами, – Ипполитова у нас отличница, она всегда все знает.

Анна Сергеевна как будто не удивилась.

– Охотно верю, что она всегда отвечает отлично, – сказала она спокойно. – Но сейчас Ипполитова ответила не слишком хорошо. На тройку.

Класс прямо ахнул:

– На тройку!

– Ипполитова – на тройку?!

Все были поражены. Никто не помнил случая, чтобы Лена Ипполитова получила когда-нибудь четверку, не то что тройку! С парты на парту пошло перешептыванье:

– Да ведь она не сделала ни одной ошибки.

– Написала все правильно. Только подчеркнула неверно, да и то нечаянно! И ведь она почти все исправила.

В классе с каждой минутой становилось все беспокойнее.

Наконец Лена пошла на место. Она была красная, расстроенная, хотя

Анна Сергеевна на первый раз пощадила ее, поставив отметку не в журнал, а в свою записную книжечку, да притом и не тройку, а вопросительный знак.

Теперь у доски стояла Валя Ёлкина. Она тоже сбивалась и путалась.

Всякий раз, когда Валя делала ошибку, Аня оборачивалась и смотрела на Катю то с тревожным недоумением, то с негодованием. Она как будто хотела сказать: «А все это потому, что спрашивает не Людмила Федоровна, а эта новая!..»

Катя пожимала плечами, отводила глаза, но на душе у нее было тревожно. Подумать только – Лене Ипполитовой тройка! Если уж Лене тройка, то что же будет с остальными?! И, главное, по какому предмету? По русскому языку!

Людмила Федоровна всегда говорила, что по русскому Лена и она, Катя, самые лучшие ее ученицы.

Еще так недавно Катя, бывало, дожидаться не могла этого урока. Она любила не только читать, рассказывать, говорить наизусть стихи, но даже заниматься грамматикой, – а уж это у них в классе мало кто любил.

Кате нравилось следить за тем, как меняется смысл слова из-за какой-нибудь маленькой приставочки. Она со вкусом придумывала примеры на разные правила и подыскивала проверочные слова для безударных гласных так весело, словно это был не урок, а игра в слова. Ей и правила-то учить почти не приходилось. Они как-то запоминались сами собой.

Но сейчас от волнения, которое охватило весь класс, Кате казалось, что и она тоже начала бы путаться, если бы стояла у доски и видела устремленный на себя строгий взгляд новой учительницы.

– А теперь, девочки, – сказала Анна Сергеевна, отослав наконец на место Валю Ёлкину, – придумайте сами слова с ударными и безударными гласными.

Девочки стали перешептываться.

– Только не советовать, – остановила их Анна Сергеевна, – Мне же интересно знать, как вы усвоили то, что прошли.

«Как усвоили!» – с горечью подумала Катя. – Теперь уж не нас проверяет, а Людмилу Федоровну!»

Должно быть, и Ане пришла в голову та же мысль. Она опять обернулась и посмотрела на Катю. Но Анна Сергеевна сразу же заметила это и сделала замечание обеим – и ей и Кате:

– Девочки на первой и второй парте!

– Мы не разговариваем, – обиженно протянула Аня.

– Необязательно разговаривать, – сказала Анна Сергеевна. – Вы

переглядывааетесь.

«Ишь какая, – подумала Катя. – И переглянуться не даст».

И ей еще тяжелее стало оттого, что какая-то всем чужая, неизвестно откуда появившаяся Анна Сергеевна уже наводит в классе свои порядки. И Катя поняла: захочет класс или не захочет, а эта суровая учительница поставит на своем, и все будет делаться по ее воле. Так и вышло. Подумав немного, девочки уже отвечали, какие слова они придумали и какие в этих словах ударные гласные и безударные.

Катя уже не могла остаться в стороне и тоже начала придумывать. По обыкновению, она придумывала быстро и хорошо. Анна Сергеевна три раза спрашивала ее и все три раза одобрительно кивнула головой, а под конец даже похвалила: «Так. Очень толково!»

Кате это было приятно и в то же время как-то неловко перед Леной и Валей, которых Анна Сергеевна, как ей казалось, несправедливо обидела. Ей даже хотелось, чтобы Анна Сергеевна и к ней была так же придирчива и сурова.

«А все-таки она злющая», – написала Катя и придвинула листок Наташе.

«Посмотрим, может быть на втором уроке она будет немножко добрее», – ответила на том же листке Наташа.

Катя разорвала под партой листок и подумала:

«Да, конечно, Наташа не так огорчена, как мы все. Она Людмилу Федоровну почти что не знала, какой-нибудь месяц у нее проучилась...»

Но и на втором уроке – это была история – оказалось, что новая учительница такая же строгая и требовательная. Она вызвала Настю Егорову, и даже бойкий Настин ответ показался ей недостаточно полным и точным.

На душе у Кати стало еще беспокойнее.

«Это бы еще ничего, что строгая, – думала она, – если бы справедливо спрашивала. А то несправедливо. Не угодишь! Лене Ипполитовой – тройка. Наверно, и Насте не больше».

– Ты хочешь что-то сказать? – спросила Анна Сергеевна Катю, заметив, что она как-то особенно возбуждена и встревожена.

Катя встала, не зная еще, что она скажет. Встала просто потому, что нельзя же сидеть, когда с тобой говорит учитель!

– Ну в чем дело? Чем ты недовольна, Снегирева?

И тут Кате показалось вдруг, что ей будет легче, если она выскажет Анне Сергеевне то, что ее мучило. И, не успев обдумать, что и как сказать, Катя выпалила:

– Несправедливо!

– Я тебя не понимаю, Снегирева, – сказала Анна Сергеевна сдержанно.

– Что именно несправедливо?

– Все...

Пораженная, подавленная собственной дерзостью, Катя опустила голову и почувствовала, как кровь заливает ей щеки. Нет, ей не стало легче оттого, что она сказала. Ей стало гораздо тяжелее.

– Садись, – произнесла Анна Сергеевна спокойным, глуховатым голосом. – И в другой раз, прежде чем говорить, подумай.

Катя села на место.

«Что это я? – с ужасом поняла она. – Сделала замечание учительнице!»

И ей вспомнилась одна из бабушкиных пословиц: «Слово не воробей, вылетит – не поймаешь».

А Наташа шепнула ей с укором:

– Ой, Катя, зачем ты так!

Катя и сама не могла бы сейчас ответить зачем. Как она расскажет об этом дома? Мама просто не поверит, что ее Катя могла так обидеть старого человека, учительницу! А бабушке и Тане рассказывать и совсем нельзя.

Катя с невольной тревогой посмотрела на Настю. Настя отвела глаза и поморщилась, как будто ей было неприятно. Катя поняла, что Настя ее осуждает. Только Ира Ладыгина была, видимо, очень довольна происшествием. Она кивала Кате, подмигивала, что-то шептала беззвучно, одними губами.

Когда прозвенел звонок на перемену и Катя, мрачная, подавленная, подошла к окну коридора и принялась пристально смотреть во двор, для того чтобы не разговаривать с девочками, Ира подбежала к ней и закричала весело и уверенно:

– Ты у нас молодчина, Катюшка! Очень хорошо сказала.

Катя обернулась:

– А я боюсь, что плохо...

– Глупая! Я же видела, что она прямо позеленела, когда с тобой разговаривала.

– Ну и что?

– А то, что если ей у нас не понравится, она уйдет. А мы уж как-нибудь побудем одни, пока не выздоровеет Людмила Федоровна.

Катя с сомнением покачала головой. То, что поддерживала и утешала ее одна только озорная Ира Ладыгина, лишний раз подтверждало, что она, должно быть, поступила не так, как надо. Но утешения очень хотелось, и,

глядя, как веселые воробьи беззаботно прыгают за стеклом по карнизу, Катя подумала:

«А может быть, и вправду лучше будет, если Анне Сергеевне у нас не понравится?»

Все же Катя решила вести себя на уроке тихо и спокойно. Уж очень виноватой чувствовала она себя, чтобы затевать что-нибудь.

Однако оттого ли, что все уже были слишком взбудоражены, или оттого, что кое-кто и на самом деле вздумал шуметь нарочно, но и на следующем – последнем – уроке шум не только не утих, а еще больше усилился. На одних вдруг напал кашель, словно они внезапно простудились, другие шептались между собой.

У доски теперь стояла Зоя Алиева и записывала условия задачи. Обернувшись к классу, Анна Сергеевна остановила на нем долгий, пристальный взгляд. Можно было подумать, что вот-вот она закричит, стукнет по столу. Но Анна Сергеевна все так же спокойно, словно застыв на месте, смотрела на свой новый класс и ждала.

Постепенно шум стал утихать. И тогда Анна Сергеевна сказала негромко, но твердо:

– Кто-то мешает нам работать. Пусть те, которые не хотят учиться, немедленно выйдут из класса.

Никто не шевельнулся.

– Я жду, – снова сказала Анна Сергеевна, ухватившись обеими руками за край стола, и девочки заметили, что руки у нее слегка дрожат.

Стало еще тише.

– Успокоились? – спросила Анна Сергеевна. – Вот и хорошо. Давно бы так.

И Анна Сергеевна опять обернулась к Зое, стоявшей с виноватым видом у доски. Зоя поглядывала на своих подруг и хмурилась. Должно быть, ей, старосте класса и члену совета отряда, было очень стыдно за свой класс, за свой отряд, который она видела сейчас издали, со стороны, как бы глазами Анны Сергеевны. Зоя делала знаки Стелле – чего, мол, ты смотришь? Ты же председатель совета отряда! Но Стелла будто и не понимала, чего от нее хочет Зоя...

После урока все опять высыпали в коридор. Анна Сергеевна широко распахнула окна, и девочки окончательно поняли, что теперь это ее класс и что она в нем не гостя.

Справедливо или несправедливо?

Катя шла из школы домой одна. Наташа и Аня целых четверть часа топтались у дверей, дожидаясь ее, но Катя нарочно долго перешнуровывала ботинки, потом перекладывала книги... Наконец она сердито посмотрела на подруг и сказала:

– Не ждите, я еще не скоро...

Девочки переглянулись и ушли без нее.

Кате хотелось побыть одной и на ходу разобраться в том, что сегодня случилось. А что же все-таки случилось?

Она прямо и честно сказала Анне Сергеевне то, что думала. Ничего плохого в этом нет. Наверно, все девочки думали то же самое. Только никто не посмел сказать, а вот она посмела. Да, но почему же ей теперь так неприятно, если она поступила честно и смело?

Катя даже остановилась на секунду, ковыряя носком ботинка песок на дорожке бульвара. Когда человек поступает хорошо, ему не бывает тяжело и стыдно. Значит, она поступила не так уж хорошо? Да, кажется... Ну а что же было нехорошего? Конечно, ученицы не должны делать замечания учительнице, младшие – старшим. Вдруг бы она, Катя, сделала замечание папе? Нет, даже и представить себе нельзя.

Ну а все-таки, если кто-нибудь поступает несправедливо, надо об этом сказать или не надо? Конечно, надо! Иначе было бы нечестно. Человек обидел другого зря, несправедливо, и пусть знает, что все кругом это видят... Так-то так, но что же было несправедливого? Лене Ипполитовой поставили тройку. Положим, не тройку, а вопросительный знак. Но это тоже очень неприятно. Лена – отличница и всегда все очень хорошо знает.

А сегодня? Сегодня она и вправду отвечала неважно. Подчеркнула все неверно и писала ужасно криво. И что-то мямлила насчет безударных гласных, пока ей не подсказали. Так что Анна Сергеевна никак не могла догадаться, что Лена круглая отличница. И все-таки она ей поставила не тройку, а вопросительный знак. И даже не в журнал, а в книжечку. Значит, решила подождать и проверить. Что ж тут несправедливого?

Катя тяжело вздохнула и медленно побрела дальше, размахивая сумкой. Сумка вдруг показалась ей почему-то очень тяжелой.

А потом на уроке истории... Настенька тоже отвечала не так уж хорошо. Забыла, в каком году было Ледовое побоище... Анна Сергеевна раза три задавала ей наводящие вопросы. Что бы сказала Людмила Федоровна, если бы Настя ей так ответила? Значит, и тут не было ничего несправедливого?

Катя даже зажмурилась от стыда.

«Выходит, что это вовсе не Анна Сергеевна была неправа, а я?»

Конечно, я! Выскочила тоже! «Несправедливо». Нашлась умница! Одна из всего класса! Обидела старую учительницу ни за что ни про что. Большим тоже, наверно, бывает обидно, когда с ними обращаются несправедливо. Только они виду не показывают».

И Катя представила себе, как Анна Сергеевна, обиженная, грустная, входит после уроков в учительскую. Ее спрашивают: «Как вам понравились ваши новые ученицы?» – «Ужасный класс, – отвечает Анна Сергеевна. – Особенно одна девочка – худенькая, со светлыми косами. Снегирева, кажется? Такая дерзкая, невоспитанная». – «Не понимаю, что с ней стало, – говорит Надежда Ивановна. – Прежде она вела себя хорошо».

И вот завтра Катю вызывают в пионерскую комнату, а потом к директору. И начинается, и начинается... Вызовут, конечно, и маму... А что мама тут может сказать? Действительно, ужасно нехорошо получилось. Что же делать? Что делать?

Извиниться? Как? Перед всем классом? Но извиняться было для Кати самым трудным делом. Даже у мамы Катя не могла попросить прощения, когда бывала виновата, а чаще писала на бумажке: «Мамочка, дорогая, пожалуйста, прости, я больше никогда не буду!» – и подсовывала маме записочку под чертежную бумагу на ее столе. А сама пряталась где-нибудь в сторонке и следила издали за выражением маминого лица... А теперь нужно было громко, во всеулышание, сказать чужому, почти незнакомому человеку: «Простите, я больше никогда не буду!» Ох, как это трудно...

– Бабушка, мама дома? – спросила Катя, тихонько входя в переднюю.

– На фабрику поехала. А ты что это какая-то не своя?

– Ничего, бабушка, это так...

Катя положила сумку в передней на стул, сбросила пальтишко и медленно, как-то нехотя, вошла в комнату.

Дома был один только Миша. Он уже сделал уроки и теперь, весело напевая, что-то рисовал за столом.

– Смотри, – сказал он, – какую картину я рисую!

– Потом, Мишенька, – ответила ему Катя и пошла к бабушке.

Бабушка была на кухне. Она стояла у плиты, и осторожно поворачивала на сковороде румяные, свернутые в трубочку блинчики.

– Сейчас будем обедать, – сказала бабушка. – Что, очень проголодалась?

– Нет, не очень... Даже совсем не хочется есть.

Бабушка внимательно посмотрела на внучку:

– Что с тобой, Катенька? Уж не случилось ли опять чего-нибудь в школе?

Катя вздохнула:

– Да нет. Ничего особенного...

А сама подумала: «Ничего особенного... Очень даже особенное!»

Ей сильно хотелось рассказать обо всем, что произошло. И как-нибудь так рассказать, чтобы бабушка была за нее, пожалела и утешила ее.

Не зная, как и с чего начать, она молча стояла, облокотившись о край кухонного стола, перебирая в мыслях все те слова, которые могли бы растрогать и разжалобить бабушку:

«Понимаешь, бабуся, сама не знаю, как это вышло. Я не хотела...»

Нет, это не годится. Бабушка, конечно, скажет: «Не хотела бы, так не сказала бы. Никто за язык не тянул».

А если так начать: «Бабушка, у нас новая учительница. Ужасно строгая. Я ей прямо сказала...»

Нет, и так не годится. Бабушка скажет: «Ай, моська! Знать, она сильна, что лает на слона!» А потом и начнет, и начнет: «Ты что ж это, Катерина, умней всех быть хочешь? Учительницу учить вздумала! Завтра же повинись!»

Бабушка опять оглянулась на внучку:

– Ты что там шепчешь? Уроки, что ли, повторяешь?

Катя покраснела и отвернулась:

– Да, повторяю. Нам наизусть задано...

Бабушка с сомнением покачала головой:

– Вот я тебе сейчас температуру смерю.

И, подойдя, прикоснулась губами к Катиному лбу. Катя почувствовала вдруг такую нежность к ее маленьким рукам со вздувшимися жилками, к полосатому переднику, к ее старческим губам.

– Нет, ничего, бабусенька, – сказала Катя, – у меня нет жара. А только у нас в классе беда: учительница новая.

И она, уже не выбирая слов, рассказала бабушке и о том, что сегодня пришла к ним новая учительница, и о том, какая она строгая, требовательная, даже придирчивая, и о том, как недовольны все девочки и как было шумно на уроках. Не рассказала Катя только о самом главном – о том, что она сказала Анне Сергеевне: «несправедливо». И потому, что самое главное она утаила, ей несколько не стало легче от этого рассказа.

Бабушка слушала Катю серьезно, не перебивая, потом отставила сковородку на край плиты и спросила:

– Не пойму я, Катенька, чего вы хотите? Чтобы больная учительница вернулась на работу? Или чтобы сама начальница пришла вас учить?

– Какая начальница? – сказала Катя с досадой. – У нас директор Вера

Александровна, а не начальница.

– Ну, пусть – директор. Что же, ей бросить все дела и заниматься с одним вашим классом?

– Да нет! – сказала Катя. – Вовсе мы этого не хотим. У нас директор не ведет уроки.

– Ну вот видишь, – бабушка с удовлетворением кивнула головой. – И не ведет даже. Так скажи на милость: чего ж вы добиваетесь? Чем недовольны? Ну, пришел к вам новый человек – может, лишнюю нагрузку на себя берет, работает без отдыха, а вы – свое: «Подавай нам Людмилу Федоровну, не желаем Анны Петровны!»

– Какой еще Анны Петровны! – сказала Катя. – У нас же Анна Сергеевна!

– Ну пусть – Анна Сергеевна. Так вот, что же получается? Пришла она к вам, хочет вас уму-разуму научить, а вы как ее встретили? Шумом-гамом? Красиво, нечего сказать! Теперь, может, Анна Ивановна и сама учить вас не захочет.

– Да какая там Анна Ивановна! – ужаснулась Катя. – Анна Сергеевна!

– Ну хотя бы и Сергеевна. Пусть хоть Терентьевна, Дементьевна – не в этом дело. Хотите учиться – учитесь, а нет – оставайтесь неучами.

Бабушка сурово взглянула на Катю и опять отошла к плите, а Катя задумалась. Конечно, бабушка правильно сказала: «Чего вы добиваетесь?» И остаться неучем никто в классе не хочет. Даже Клавка Киселева. Но у бабушки всегда все получается как-то уж слишком просто. А в жизни оно не так.

Катя отошла от стола и грустно присела в уголке на табуретке. Ей и самой трудно было теперь понять, как же все это случилось. Ведь не думали же они, в самом деле, прогнать Анну Сергеевну и заставить вернуться большую Людмилу Федоровну! Все вышло как-то само собой... Ах, если бы этого не было! Если бы сегодняшний день еще не наступил, а было бы вчера! Катя бы как-нибудь сдержалась, и все обошлось бы хорошо... Да нет! Недаром бабушка так любит пословицу: «Сболтнется – не воротится».

– Иди-ка переоденься, – сказала бабушка, – скоро обедать будем.

– Сейчас...

В эту минуту в кухню вбежал Миша.

– Нарисовал картину! – крикнул он весело. – Смотрите, только сначала вытрите руки!

Он сунул бабушке альбом. Она мельком взглянула и, хотя все еще, видно, была недовольна Катей, не могла не улыбнуться. Катя тоже

посмотрела и, как ей ни было сейчас грустно, невольно засмеялась.

Рисунок изображал дом с трубой. Над домом висело огромное красное солнце, а по направлению к дому, держась за руки, похожие на палки, шли два человечка: один – повыше, другой – пониже.

– Это что за мурзилки? – спросила бабушка.

– Какие мурзилки? – недовольно сказал Миша. – Это мы с тобой в школу идем. Первого сентября. Вот я, а вот ты.

– А что это за большая желтая нога? – спросила Катя.

Миша возмутился:

– Это совсем не нога! Это дорога. Бульвар.

– А почему у этого человечка в руке чемодан?

– Это не чемодан! Это портфель. Это я несу портфель.

Бабушка посмотрела на Катю и сделала ей знак глазами, чтобы она не смеялась.

Катя перевернула страницу альбома:

– Вот это получилось прямо замечательно! Смотри, бабушка, это Мишин класс. Особенно хорошо окна нарисованы.

Бабушка посмотрела и одобритительно кивнула головой:

– Хорошо, Мишенька, очень хорошо!

В альбоме, вдоль всей страницы, были нарисованы густо заштрихованные черным карандашом треугольники парт. За партами торчали какие-то не то человечки, не то зверьки с острыми мордочками. А перед ними стояло странное, тоже треугольное, существо с острым носом, в черной юбке и в синей кофте колоколом. Странное существо писало на доске своей единственной рукой, похожей на палку, такие же длинные палки, только загнутые книзу.

– Это что за чучело? – спросила Катя. – И почему у него только одна рука?

– Сама ты чучело! – крикнул плачущим голосом Миша. – Это Наталья Петровна, наша учительница. Другой руки тут не видно. – И, подумав, Миша грустно добавил: – У меня люди еще не очень хорошо получают...

– Ничего, Мишенька, научишься рисовать и людей, – подбодрила его бабушка. – А пока ставь на стол тарелки. Я суп несу.

Кате казалось, что ей совсем не хочется есть. Но когда бабушка положила ей на тарелку пару румяных, политых сметаной блинчиков с творогом, она почувствовала, что здорово проголодалась и что все на свете не так уж плохо.

В этот день Катя так и не решилась рассказать дома о том, что произошло в школе. Даже маме она не сказала ни слова.

«Надо сначала поговорить с девочками, – думала она. – Скорей бы уж настало утро».

Но на другое утро ей почему-то, против обыкновения, не хотелось идти в школу. Она даже пощупала голову и посмотрела в зеркало на свой язык. Но язык был красный, а лоб холодный. Вообще, как назло, ничего не болело. Так всегда бывает. Вот если бы Таня принесла билеты в кино или в детский театр, тогда бы уж, конечно, язык был белый, а лоб горячий.

Тяжело вздыхая, Катя оделась и медленно пошла в школу.

«Надо поторопиться, – подгоняла она себя, – а то не успею поговорить до урока с девочками».

А ноги сами замедляли шаг. Она пришла в школу минуты за две до звонка. Молча вошла в класс, села на свое место и стала деловито укладывать в парту книжки и тетрадки.

Кто-то дернул ее за рукав:

– Катя, Катя!

Она неохотно оглянулась. Ира Ладыгина, приподнявшись, громко шептала ей на ухо:

– Слушай, что я тебе скажу. Только это пока секрет...

– И от Наташи? – спросила Катя.

– Ну, пускай Наташа тоже слушает. Только больше никому не говорите. Анна Сергеевна, оказывается, учит еще и мальчишек в мальчишечьей школе.

– Что ж в этом такого? – спросила Катя.

А Наташа сочувственно покачала головой:

– Бедная! Трудно, наверно, с мальчишками.

– Вот еще – «бедная»! – усмехнулась Ира. – Это мальчишки бедные. Вы знаете, какая она? Строгая – ужас! Как начнет гонять по всему учебнику и двойками сыпать, только держись!

– А ты откуда знаешь? – спросила Катя.

Ира мотнула головой:

– Да ведь мой братишка как раз в этой самой школе учится.

– У Анны Сергеевны? – спросили вместе Катя и Наташа.

– Нет, не у нее, но он ее все равно знает. Ее там все мальчишки боятся.

А как ты ее вчера здорово отбрила! Только смотри теперь держись – она к

тебе придирааться станет.

– Глупости, – сказала Катя. – Чего ей ко мне придирааться?

– А за вчерашнее?

Катя передернула плечами и молча стала рыться в пенале, отыскивая свежее перышко.

На этом уроке Анна Сергеевна еще крепче взяла в руки весь класс. Опять было по рядам пробежал шумок, но Анна Сергеевна сказала еще строже, чем вчера:

– Имейте в виду: сколько времени у нас пропадет зря, ровно столько же нам придется отработать после уроков. Иначе мы не успеем пройти все, что нам нужно. Я слежу по часам.

Катя подняла крышку парты, чтобы убрать пенал, и нечаянно выпустила ее из рук. Крышка хлопнула с таким стуком, что все обернулись.

– Снегирева! – громко, на весь класс, сказала Анна Сергеевна.

Катя встала.

– Простите, Анна Сергеевна, – проговорила она, – это я нечаянно...

«Может быть, заодно извиниться и за вчерашнее?» – мелькнуло у нее в голове. Но в эту минуту Анна Сергеевна посмотрела на нее, сдвинув брови, и сухо сказала:

– Предупреждаю тебя, Снегирева. Если ты не будешь вести себя как следует, мне придется вызвать твою маму.

Катя вспыхнула и села на место. Извиняться она уже не стала.

Все с удивлением и сочувствием взглянули на Катю. Ее маму никогда еще не вызывали в школу.

Аня так и повернулась к ней, будто на пружинах.

– Ой, Катя! – сказала она шепотом и приложила руки к щекам. – Как несправедливо!

А Ира Ладыгина зашипела за спиной у Кати:

– Я ж тебе говорила, я ж тебе говорила!

Катя наклонила голову и ничего не ответила – ни Ане, ни Ире.

В этот день все еще раз убедились в том, что новая учительница не бросает слов на ветер. Когда после уроков все начали собирать книжки, Анна Сергеевна сказала:

– Мы по вашей вине потеряли сегодня пятнадцать минут. И ровно пятнадцать минут вы будете решать примеры по арифметике.

Девочки удивленно поглядывали то друг на друга, то на учительницу. Послышался какой-то недовольный, невнятный ропот.

– Что, проголодались, устали? – спросила Анна Сергеевна. – Я тоже устала и не прочь была бы отдохнуть. Ведь я работаю еще в одной школе.

Во второй смене. Но сейчас я должна заниматься с вами. Надо же наверстать потерянное время.

И, даже не взглянув на тех, кто жаловался и охал, Анна Сергеевна принялась диктовать примеры.

Ровно через пятнадцать минут учительница поднялась с места и сказала:

– До свиданья, девочки. Алиева, ты, кажется, староста? Последи, чтобы все тихонько собрали книги и разошлись по домам быстро и без шума.

Анна Сергеевна вышла из класса, а девочки сразу зашумели, заговорили наперебой:

– Вот злющая! Ни за что ни про что оставила после уроков. Катя права была: она несправедливая.

– Нет, – вдруг решительно сказала Катя, – вовсе я не была права.

– Как так? – удивились девочки.

– А очень просто: она, может быть, и очень строгая, но справедливая.

Клятва

Когда девочки дошли до того угла, где они всегда прощались, Аня вдруг вздохнула и сказала:

– А Людмила Федоровна наша бедненькая!.. Ей, наверно, еще хуже, чем нам теперь. Лежит одна-одинешенька, и поговорить не с кем...

– Ей и нельзя говорить, – перебила Аню Наташа.

– Ну, значит, еще скучнее. Лежит и думает: как-то там мои девочки? Может быть, забыли меня? У них уже новая учительница... Девочки, что, если бы нам навестить ее?

Катя сразу остановилась:

– Ой, правда, надо навестить Людмилу Федоровну. Все ей расскажем, она и посоветует...

– Да ведь ей не позволяют говорить, – повторила Наташа.

– Ну, как-нибудь... Завтра надо спросить у Надежды Ивановны, можно или нет.

Надежда Ивановна внимательно выслушала девочек.

– Ну что ж, – сказала она, – проведать Людмилу Федоровну можно, но помните – сидеть недолго, не утомлять ее, и на первый раз пускай пойдет не больше двух человек.

– Конечно, мы понимаем, – разом ответили девочки.

И вот, сделав уроки, Катя и Аня встретились у парадной Катиного дома и чуть не бегом побежали по бульвару.

Было еще совсем тепло, и казалось, что это не середина октября, не поздняя осень, а ранняя весна, что скоро набухнут почки и снова зазеленеют на голых ветках листья.

– С плохими учителями никогда ничего не случается, – говорила Аня, шагая по бульвару рядом с Катей. – А с хорошими обязательно что-нибудь должно случиться. Вот и у моей двоюродной сестры так было. Самый любимый учитель попал под машину, а нелюбимый и не подумал...

– Почему? – спросила Катя.

Аня удивилась:

– Как это «почему»? Да ты меня совсем не слушаешь.

Катя виновато посмотрела на Аню:

– Прости, Анечка, я и в самом деле ничего не слыхала. Я задумалась.

– О чем? О новой учительнице? Да? Ты боишься, что вызовут твою маму?

– Да нет, не то что боюсь... А неприятно как-то...

– Еще бы! – уверенно ответила Аня. – Знаешь, она на тебя сегодня так посмотрела, так посмотрела, что я просто испугалась... Пстой, мы, кажется, прошли?

– Нет, как раз вот этот двор.

Девочки вошли в ворота и направились к одному из подъездов большого, многооконного корпуса. Они хорошо знали, где живет их учительница, потому что не раз провожали ее домой, до самых дверей. Но дома у нее они еще не были ни разу.

Катя осторожно дотронулась до кнопки звонка.

Дверь открыла какая-то незнакомая пожилая женщина.

– Учительницу пришли проведать? – спросила она.

– Да, – ответили девочки. – А можно?

– Можно-то можно, только говорить ей нельзя.

– Мы знаем, – сказала Катя. – Мы только передадим ей привет от всего нашего класса и сразу уйдем.

– Ну подождите, я сейчас спрошу.

Катя и Аня робко остановились на пороге.

– Ой, смотри, Катя! – вдруг сказала Аня.

– Что такое?

Аня подбородком показала ей в сторону вешалки. Там на крючке висела очень большая кожаная куртка на меху, с меховым капюшоном. На столике лежал такой же шлем, а в углу стояли огромные меховые сапоги.

Можно было подумать, что в этой квартире живет великан и что этот великан приехал прямо с Северного полюса.

– Вот странно! – шепотом сказала Аня. – Ведь еще совсем тепло, а здесь кто-то уже одевается так, словно на дворе сорок градусов мороза.

– А ты разве забыла, – спросила Катя, – что у Людмилы Федоровны муж – полярный летчик? Она рассказывала об этом еще в прошлом году.

– Заходите, девочки, – сказала пожилая женщина, вернувшись в переднюю. – Давайте ваши пальтишки. Сейчас Людмила Федоровна выйдет... Что это она не идет? Вы два звонка подали, на всю квартиру звону, – а она будто и не слышит, бедная!..

И, стоя в дверях, словоохотливая женщина принялась делать молча руками какие-то странные знаки.

Но вместо Людмилы Федоровны в дверях появился очень большой, широкоплечий человек, в темной полосатой куртке.

– Прасковья Семеновна, – сказал он, – что это вы занимаетесь сигнализацией? Ведь Людмила Федоровна прекрасно слышит. Она только говорить не может.

– Не может, голубушка! – подтвердила Прасковья Семеновна. – Вот несчастье-то! Знаете, Петр Николаевич, иной раз идешь по улице и видишь – такие же глухонемые идут и все руками разговаривают...

Петр Николаевич не стал больше спорить с Прасковьей Семеновной и позвал:

– Люся! К тебе два товарища пришли.

Катя и Аня переглянулись: кто это Люся? Какие два товарища?

Но тут и сама Людмила Федоровна вышла к ним навстречу и, улыбаясь, протянула им обе руки. Она была одета не так, как в школе, а по-домашнему. На ней был длинный теплый халат.

– Людмила Федоровна! – обрадовалась Катя. – А мы думали, что вы лежите все время!

– Одна-одинешенька, – прибавила Аня.

Людмила Федоровна молча, с улыбкой покачала головой и ласково погладила ежик Аниных волос. А Петр Николаевич ответил за нее:

– Людмиле Федоровне можно и не лежать в постели, но ей запрещено говорить. На днях ей сделали операцию горла...

– Операцию! – вскрикнули девочки. – Уже? А мы и не знали!

Петр Николаевич серьезно посмотрел на Катю и Аню:

– Ну, вот что, девчата. Людмиле Федоровне, наверно, захочется узнать, что у вас в классе. Так смотрите: вы-то рассказывать ей можете, а она должна только молчать и слушать. Последите, чтобы она не разговаривала.

И смеяться ей тоже нельзя. Так что если вам захочется рассказать что-нибудь смешное, то вы потихоньку выйдите в переднюю и расскажите шепотом моей шапке с ушами. Понятно?

Девочки отвернулись и прыснули, еле сдерживаясь, чтобы не засмеяться громко.

– Вот правильно! – сказал Петр Николаевич. – Ну а если ваша учительница будет плохо вести себя, поставьте ей двойку за поведение.

Девочки опять засмеялись. А Людмила Федоровна улыбнулась, не разжимая губ, и все пошли в комнату. Здесь девочкам сразу бросились в глаза очень большие темные очки в широкой кожаной оправе, лежавшие на диванной полочке.

Людмила Федоровна молча усадила девочек на диван с высокой спинкой и взяла с письменного стола большой блокнот и карандаш.

– Что, Люся, – спросил Петр Николаевич, – очинить?

Людмила Федоровна кивнула головой.

Пока Петр Николаевич осторожно оттачивал над пепельницей карандаш, Катя смотрела на него и думала о том, что этот большой, широкоплечий человек совсем скоро, может быть даже через несколько дней, будет летать где-то далеко-далеко, над ледяными глыбами и снеговыми равнинами Арктики. Ведь недаром же здесь в передней стоят наготове огромные меховые сапоги и висит меховая куртка. Аня в это время все еще озиралась по сторонам. Особенно интересными показались ей темные очки в кожаной оправе. Она даже привстала, чтобы поглядеть на них.

– Что, не видела еще таких маленьких очков? – спросил Петр Николаевич и, сняв очки с полки, протянул их девочкам.

– А почему они темные? – спросила Катя.

– А чтобы снег не слепил глаза, – ответил Петр Николаевич. – Это особые очки, светофильтровые... Ну вот, Люся, получай.

Петр Николаевич отдал жене карандаш и пошел в соседнюю комнату.

– Людмила Федоровна, вам очень больно было? – тихонько спросила Катя, морщась от воображаемой боли.

Людмила Федоровна стала писать на листке ответ своим ровным учительским почерком, а обе девочки, то и дело стучаясь лбами, заглядывали через ее руку в блокнот.

И Кате вдруг показалось странно, что учительница пишет эти фразы не для грамматического разбора, не для того, чтобы девочки определили части речи или члены предложения, а просто так, как пишут письма.

«Конечно, было немного больно, – прочли девочки на листке блокнота,

– вернее, не так больно, как неприятно. А что хорошего у вас?»

Катя переглянулась с Аней.

Людмила Федоровна удивленно посмотрела на девочек.

– У нас новая учительница, – начала виновато Аня. – Но это ничего, Людмила Федоровна! Вы не думайте! Мы любим только вас одну. Мы все так ждем вас, так ждем! А новая учительница нам совсем не понравилась.

Людмила Федоровна нахмурилась, притянула к себе блокнот и написала крупно и не так уже ровно, как раньше: «Рассказывайте все по порядку».

Катя взглянула на Аню, не зная, что делать. Она поняла, что Людмила Федоровна встревожена, и от этого рассказывать стало как-то неловко и неприятно. Ну как, в самом деле, говорить теперь о том, что в классе шептались, подсказывали, шумели? Аня тоже растерянно смотрела на Катю, но Людмила Федоровна еще раз повелительно показала карандашом на слово «рассказывайте», и Аня начала опять:

– Ну вот... вызвала новая учительница Лену Ипполитову и стала диктовать ей что-то трудное-претрудное. Лена один раз сбилась...

– Нет, не один раз, – поправила Аню Катя.

– Ну, нечаянно еще разок сбилась, – продолжала Аня. – Зоя Алиева говорит: «Анна Сергеевна, Лена всегда все знает», а эта новая учительница даже и внимания на Зоины слова не обратила и как начала придирааться, как начала! И подумайте, Людмила Федоровна, поставила Лене тройку! Тройку – Лене!

– Не тройку, а вопросительный знак, – опять поправила подругу Катя. – В книжечку.

– Ну, это все равно, – сказала Аня. – А потом Анна Сергеевна вызвала Настеньку. И опять давай придирааться!

– Она не то что придиралась, – сказала Катя, – а просто очень строго спрашивала.

– Так строго, так строго, – подхватила Аня, – просто ужас! Мы даже не знали, что делать. И подумайте, Людмила Федоровна! Мы и так устали, а она еще после всех уроков заставила нас решать примеры по арифметике! У нас всех головы разболелись, трещат не знаю как, прямо на части разламываются, все чуть не плачут, а ей все мало! «Решайте!» – кричит...

– И вовсе она не кричала, – перебила Аню Катя. – А просто громко говорила, потому что мы шумели.

Но Аня так увлеклась, что уже не могла остановиться и с жаром продолжала описывать мучения, которым подвергла несчастных девочек новая учительница.

Людмила Федоровна слушала с напряженным вниманием, а Петр Николаевич то и дело заходил в комнату, брал со стола какую-нибудь книгу, прохаживался взад и вперед и время от времени останавливался, поглядывая через плечо на Людмилу Федоровну и на девочек.

Но Аня все рассказывала и рассказывала, не замечая внимательного взгляда, которым посматривал на нее и на Катю Петр Николаевич.

Людмила Федоровна тревожно пошарила вокруг, нашла карандаш и торопливо написала:

«Я ничего не могу понять. Катя, расскажи теперь ты, как вел себя класс. Расскажи все как было. По порядку».

Катя тяжело вздохнула. Не в силах выговорить ни слова, она молча, глазами, попросила у Людмилы Федоровны карандаш и написала:

«По порядку мне трудно».

«Почему?» – написала на том же листке Людмила Федоровна.

«Потому что я сама вела себя плохо, – вывела Катя. – Хуже всех».

Людмила Федоровна посмотрела Кате в глаза долгим, пристальным взглядом. Катя почувствовала, что должна сказать сейчас Людмиле Федоровне всю правду о себе... О том, как она обидела Анну Сергеевну. О том, что Анна Сергеевна пригрозила вызвать в школу Катину маму... Но ведь это еще больше огорчило бы Людмилу Федоровну! Она и так вся покраснела. А ей, конечно, нельзя волноваться. Что же делать? Что делать?

Катя низко опустила голову, изо всех сил думая о том, как лучше поступить – сказать или не сказать?

А Людмила Федоровна тем временем опять взяла карандаш, подумала немного, и карандаш тоже как будто задумался и застыл у нее в руке. Но вот, словно вспомнив что-то, он опять быстро задвигался по листку блокнота.

«А что же смотрит ваш совет отряда? – прочли девочки. – Как вела себя Стелла?»

– Никак она себя не вела, – проговорила Катя и виновато посмотрела на учительницу.

– А вы к нам... скоро придете? – спросила Аня. – Доктор вам позволит нас учить?

«Если будете вести себя так плохо, – ответила опять на бумаге Людмила Федоровна, – не вернусь никогда!»

Она с такой силой поставила восклицательный знак, что даже карандаш не выдержал и сломался.

Катя сидела съездившись, не решаясь посмотреть Людмиле Федоровне в глаза.

«Все ужасно! – думала она. – И Людмилу Федоровну огорчили, и мама расстроится, когда узнает. Хорошо еще, что папа так далеко...»

Теперь уже все молчали – не только Людмила Федоровна, но и девочки, словно им тоже доктор запретил разговаривать.

В комнату опять вошел Петр Николаевич. Он заглянул через плечо Людмилы Федоровны в ее блокнот, оперся рукою о стол и спросил, глядя на девочек в упор:

– Что ж, вы, как я вижу, очень любите свою учительницу? – И он указал головой на Людмилу Федоровну.

– Да! – ответили девочки сразу. – Очень!

– Зря, – сказал он спокойно и посмотрел на Людмилу Федоровну чуть насмешливо. – Зря вы ее любите, – повторил он. – Не стоит она этого.

Аня даже подскочила:

– Как?! Она – самая, самая лучшая во всей нашей школе! Вы так говорите потому, что никогда у нее не учились!

– И очень рад, что не учился, – сказал сурово Петр Николаевич.

Катя молча подняла глаза и с удивлением смотрела на него. Что это он говорит – шутит, что ли? Глаза у Петра Николаевича были веселые, смеющиеся, но голос был строгий и серьезный. Катя поняла, что хоть он и шутит, но не совсем.

– Да, – повторил он, – не стоит ваша учительница, чтобы вы ее так любили.

Людмила Федоровна тоже смотрела на него. Кате показалось, что глаза у нее влажные, испуганные. И в самом деле, если бы Катя была постарше, она бы, наверно, прочитала в этом взгляде молчаливый вопрос: «Неужели и правда во всем виновата я?»

– Вот представьте себе, – продолжал Петр Николаевич, – что у нас в летной части, в полку, заболел командир. На его место пришел другой. Увидели его летчики и подняли крик: «Ах, ох! Не хотим нового командира! Он придирается, мы его не любим! Ах, ах!»

Петр Николаевич так забавно замахал руками, что Катя и Аня невольно рассмеялись.

– Что, смешно? – спросил он. – Вот и мне было смешно слушать вас. Если вы в самом деле любите вашу учительницу, вы должны охранять честь вашего полка. То есть вашего класса. Даже если бы вы остались на целую неделю совсем одни, без учителя, то и тогда обязаны были бы соблюдать дисциплину. Пусть командира нет – ранен, допустим, – но полк же есть! Чем полк может поддержать честь своего командира? Отличной дисциплиной. Высокой сознательностью.

Девочки слушали, не проронив ни слова. Им неловко, совестно было, что их пробирает военный человек, летчик, и в то же время слушать его было почему-то очень интересно.

– А что же это ты, Людмила Федоровна, – обратился он к жене, – не можешь справиться со своим классом? Попробовали бы у меня в части вести себя не так, как полагается...

Катя и Аня опять испуганно оглянулись на свою учительницу. Неужели из-за них она тоже получит выговор?!

– Людмила Федоровна не виновата! – вступились за нее девочки. – Это мы сами...

Но как раз в эту минуту из передней послышались быстрые шажки чьих-то маленьких ног, и в комнату ввалился мальчик лет четырех, а за ним вошла высокая, красивая женщина, немножко похожая на Людмилу Федоровну, но не такая молодая. Она была в пальто и в шляпе. Маленький мальчик вошел в комнату уверенно и деловито, как полноправный хозяин, и девочки почувствовали, что он здесь хоть и самый маленький, но самый главный.

«Это Витя», – поняла Катя, уже не раз слышавшая от Людмилы Федоровны о ее маленьком сыне.

А Витя подошел прямо к отцу, обхватил обеими руками его ноги и, закинув голову, с восторгом посмотрел на него.

– Отставить! – сказал Петр Николаевич. – Явиться по форме.

Витя понял, с удовольствием отбежал к двери и, приложив пухлую ручонку к вязаной шапочке, отрапортовал:

– Се'жант Козы'ев явился!

Букву «р» маленький сержант еще не выговаривал.

В другое время Катя и Аня так и бросились бы к Вите – они обе очень любили маленьких, – но сейчас им было не до того.

– А меня тетя Женя привела! – объявил Витя. – Тетя Женя, ночевай у нас!

– Не «ночевай», а «ночуй», – поправила мальчика тетя Женя и, посмотрев на Катю и Аню, спросила: – Пришли вашу учительницу навестить? А родители за вас не беспокоятся?

– Нет, – ответили девочки.

– А уроки вам не надо делать?

– Нет, мы уже все сделали.

Петр Николаевич улыбнулся и посмотрел на Людмилу Федоровну:

– А ты, Люся, не устала?

Людмила Федоровна покачала головой, но Катя поняла, что она

устала. Она даже с трудом сняла с Вити его пушистую курточку. Весь красный, вспотевший, со взъерошенным светлым хохолком, он остался в легкой голубой рубашечке.

– Мама, это чьи девочки? Твои? – спросил Витя.

Людмила Федоровна ответила ему кивком головы, а Катя совсем смутилась.

«Еще считает нас своими, – подумала она, – а мы-то! Мы-то!..»

– Ну, нам пора, – сказала Катя решительно.

Витин папа помог девочкам снять с вешалки их пальтишки, открыл дверь и сказал:

– Ну, веселей, товарищи! Не унывайте!

Когда Катя и Аня остались наконец одни – на площадке лестницы, – они посмотрели друг на друга и сначала не могли выговорить ни слова, а потом Катя сказала:

– Ужасно! Что теперь делать? Ах, Аня, как это на нас такая глупость нашла?

– Да ты про что? Про Анну Сергеевну или про Людмилу Федоровну? – спросила Аня.

– Про обеих! – твердо сказала Катя. – Неужели ты не понимаешь, Аня, что получилось? Анну Сергеевну мы обидели, Людмилу Федоровну подвели!

– Ну чем же это мы ее подвели? – удивилась Аня.

– А тем! – сердито сказала Катя. – Ты что, ничего-ничего не поняла про честь полка? Ну вот представь себе – будет педсовет. Спросят Анну Сергеевну: «Как ваш класс?» Она скажет: «Прежняя учительница распустила их. Они плохо учатся, грубят, вести себя не умеют». Что, приятно это будет Людмиле Федоровне? Слышала, как на нее из-за нас родной муж кричал?

– Слышала, – шепотом сказала Аня.

– То-то и есть.

Катя присела на край холодного, под мрамор, подоконника и стала постукивать пальцами по запыленному стеклу.

– Вот что, Аня, – вдруг сказала она решительно. – Давай дадим друг другу клятву, что с завтрашнего дня всё начнем по-другому.

– Да что – все?

Катя слегка прищурилась.

– Ну как тебе объяснить?.. – медленно сказала она. – В общем, начнем по-другому жить, избавимся от всех своих недостатков.

– У тебя нет никаких недостатков, – сказала Аня. – Это и моя мама

всегда говорит.

– Ну да, «нет»! – усмехнулась Катя. – У нас дома всегда говорят наоборот, что их слишком много. И я даже сама знаю – какие. Так вот, дадим сейчас же, тут, перед дверью Людмилы Федоровны, честное пионерское, что все переделаем. Ведь мы же пионерки!

– Конечно, – серьезно сказала Аня.

Катя вскочила с места и, перегнувшись, посмотрела вниз, потом, закинув голову, поглядела наверх. На лестнице было тихо и пусто.

– Никого! – сказала Катя. – Давай, Аня, скорей поклянемся, пока никого нет. И чтобы клятва была крепче, давай под салютом!

Аня, не отрываясь, смотрела на свою подругу. Она подняла ладонь, готовая повторить за Катей все слова клятвы.

– Даю честное пионерское, – торжественно начала Катя, четко выговаривая каждое слово, – с завтрашнего дня начать всё по-другому...

– Даю честное пионерское, – повторила Аня, – с завтрашнего дня начать все по-другому...

И, глядя друг другу прямо в глаза, девочки твердо и отчетливо произнесли вместе:

– Честное пионерское!

Всё по-другому

В этот вечер Катя, прежде чем лечь спать, вырвала из общей тетради, которую ей в начале года подарила Таня, двойной листок и села записывать все недостатки, от которых ей надо избавиться. «Какие же у меня недостатки? – думала она, положив на кулак подбородок. – Что я, врунья? Нет! Хвастунья, воображала? Тоже нет. Трусиха? Не знаю... Кажется, тоже нет... Может быть, подлиза? Ну уж чего нет, того нет!»

Тут она несколько смутилась: «Что ж это, выходит, что Аня права? У меня нет никаких недостатков? А как же бабушка всегда говорит, что я упрямая, непослушная, даже дерзкая? Вот это, наверно, и есть мои недостатки, – Катя стала считать по пальцам: – упрямство, дерзость...»

Но почему-то больше ничего не приходило ей в голову.

«Ну вот что, – решила она наконец, – не буду записывать недостатки, а лучше запишу, что надо делать и чего не надо. Начну со школы. Нет, лучше начну с домашних дел. Они как-то полегче».

Она обмакнула перо и на первых двух строчках записала то, что прежде всего пришло ей в голову:

- 1. Не буду дразнить Мишу.*
- 2. Буду помогать дома по хозяйству.*

Надо сказать правду, Катя не любила помогать дома по хозяйству. За это ей чаще всего попадало от бабушки. Чуть ли не каждый день бабушка напоминала: «Помыла бы хоть посуду, Катенька! Вытерла бы пыль!» И каждый день у Катеньки не хватало на это времени.

Что касается Миши, то она очень его любила. Если кто-нибудь во дворе пробовал его обидеть, она первая бросалась на выручку. Но удержаться от того, чтобы не подразнить его, она как-то не могла. Уж очень он смешно сердился: весь покраснеет, надуется и налетит, как петух. Кроме того, сама бабушка была немножко виновата в том, что Кате хотелось поддеть Мишу. «Не трогай его, Катенька, не обижай! Он у нас самый маленький». Да, маленький! Когда надо что-нибудь уступить ему, так Миша маленький, а ты большая. А небось когда надо идти спать, то вы оба еще маленькие и ложитесь пораньше, в одно время. И не захочешь, а ущипнешь Мишку.

Катя вздохнула и, подумав, записала третье обязательство, а за ним и четвертое:

- 3. Не буду спорить с бабушкой.*
- 4. Буду ложиться вовремя спать.*

«И почему это так трудно – рано ложиться и рано вставать? – подумала Катя. – Вечером кажется – сидела бы до утра, а утром кажется – спала бы до вечера».

Но раз это трудно, то, значит, и надо делать как раз наоборот. Как проснешься – сразу вскакивать, мыться и делать зарядку.

Катя опять обмакнула перо и написала:

- 5. Буду рано вставать и делать по утрам зарядку.*

Она перевернула страницу и задумалась. Ну, кажется, по дому все. Теперь надо исправить поведение в школе. За что ей больше всего доставалось от Людмилы Федоровны?

Катя решительно поставила цифру «6» и написала:

- 6. Не буду на уроках зевать и глазеть по сторонам.*

И сразу после этого появились еще два обязательства:

- 7. Буду стараться ничего не забывать.*
- 8. Не буду разговаривать на уроках с Наташей и Аней (и вообще ни с кем).*

«Что же еще? – подумала Катя. – Ага, знаю!»

- 9. Буду читать в книгах не только разговоры, но и все про природу.*
- 10. Буду все делать до конца (если, например, не выходит задача, буду*

решать, пока не решу).

«Ну, теперь, кажется, все».

Катя перечла все свои обязательства и когда дошла до последнего, ей вдруг вспомнилось одно дело, затеянное и недоделанное.

Еще совсем недавно, после того как Таня рассказала ей историю Андрея Артемова и его друга Алеши Решетникова, Катя очень часто, ложась спать, думала о том, как бы разыскать этого пропавшего мальчика, Сережу, сына Алексея Решетникова. В голову ей приходили самые разнообразные планы – один другого интереснее и увлекательнее. Она только не знала, с чего начать. А тут вдруг заболела Людмила Федоровна, пришла новая учительница, и Катя про все на свете забыла.

А ведь это серьезное дело, не какие-нибудь пустяки. Катя поставила цифру «11» и написала:

11. Будем искать Сережу, пока не найдем.

Ей очень хотелось для ровного счета придумать еще и двенадцатое обязательство, и она, может быть, придумала бы, но тут вошла бабушка, и она еле успела спрятать исписанный листок в стол.

– Что же ты, Катюша, – сказала бабушка, – скоро десять. Миша давно спит. А ты?

Катя с испугом посмотрела на часы.

– Сейчас, сейчас, бабушка, – торопливо сказала она и сразу стала стелить постель.

«С бабушкой не спорить, ложиться вовремя, – подумала она. – Вот уже два обязательства и выполнила!»

Через десять минут она уже лежала в постели, но спать ей еще не хотелось...

«Скорей бы завтра, – думала она. – Завтра все, все будет по-другому».

Она перевернула подушку, легла поудобнее и стала обдумывать, как она завтра все переделает в классе. В школу она придет пораньше, увидит Стеллу, поговорит с ней, и весь совет отряда торжественно отправится к Надежде Ивановне. А может быть, они пригласят Надежду Ивановну и Олю в класс и устроят сбор отряда. На сборе все дадут клятву – такую же, какую дала она, Катя, вместе с Аней, – что все пойдет по-другому.

И вот сразу все переменится... Придет на урок Анна Сергеевна, а девочки сидят тихо-тихо. «Я думала, – скажет Анна Сергеевна, – что в классе совсем и нет никого – такая у вас удивительная тишина. Что с вами сегодня?» А девочки ответят: «Теперь так будет всегда, а не только сегодня». – «Ну, это я понимаю, молодцы! – скажет Анна Сергеевна. – Значит, я просто ошиблась, когда подумала, что у вас была плохая

учительница. Она, видно, была очень хорошая». – «Да, – скажут на это девочки, – замечательная! Лучше всех в школе!» Нет, «лучше всех в школе» не скажут, чтобы не обидеть Анну Сергеевну. «Тогда извините, пожалуйста, – скажет Анна Сергеевна, – что я была о ней такого мнения». – «Ничего, пожалуйста», – ответят девочки. Потом Анна Сергеевна пойдет в учительскую и будет всем расхваливать Людмилу Федоровну и весь четвертый «А» и даже скажет: «А эта худенькая со светлыми косами, оказывается, тоже совсем не такая плохая девочка, как я думала. Она, наверно, не хотела меня обидеть. И знаете, отвечала толково и на уроке сидит тихо. Видно, хорошая ученица». – «Да, – согласятся учителя, – говорят, хорошая». И девочки (может быть, даже Настенька или Лена Ипполитова) напишут Людмиле Федоровне, что теперь уже в классе все в полном порядке. И Петр Николаевич прочтет письмо и скажет: «Вот это и есть отличная дисциплина и высокая сознательность». Он больше не будет сердиться на Людмилу Федоровну. «Ну, Людмила Федоровна, – скажет он, – я ошибся, когда думал, что девочки зря тебя любят. Нет, не зря! Ты настоящий командир, и они тебя не подведут».

Катя совсем размечталась. Ей даже стало казаться, что все это так уже и есть, что больше тревожиться не о чем. Она повернулась на бок и стала сочинять письмо, которое напишет папе после того, как все уже будет сделано:

«Дорогой, милый папочка! Я долго не писала тебе, потому что у меня были очень важные дела. Папочка! Ты не думай, что я тебя забываю, я всегда тебя помню».

«Да, помню! – оборвала сама себя Катя. – А написать не могу. Надо дать еще одно обязательство – вот оно, как раз двенадцатое – писать папе аккуратно. И почему это так выходит? Ведь как я его люблю, а писать ему почему-то забываю... Ну ничего, завтра же все поправлю в школе и напишу папе. И всем, всем дома расскажу о том, что у нас было и как теперь все хорошо. Бабушка улыбнется и скажет: «Что было, то сплыло. Хорошо все, что хорошо кончается...»

Катя потянулась, закрыла глаза, от тишины в ушах у нее слегка зазвенело, и кровать как будто тихонько поплыла куда-то в темноту. В эту минуту она почувствовала на лбу легкое прикосновение маминой ладони.

– Ничего не болит, мамочка, – почти сквозь сон прошептала Катя.

Мама укрыла дочку потеплее и вышла из комнаты, а Катя подумала:

«Неужели мама что-нибудь заметила? Ох, сколько всего накопилось! Ну, ничего, еще один-единственный денечек – и все расскажу».

Катя уснула. Но спать ей пришлось недолго. Громкий, какой-то

веселый звонок раздался в передней. «К Тане пришли», – сквозь сон подумала Катя. Но тут из передней донесся радостный Танин визг, слышались мамины частые, торопливые шаги. И вдруг Катя ясно услышала басовитый, мужской голос, такой знакомый и родной.

«Папа! Неужели он? Нет, не может быть... Нет, он! Ой, приехал!»

У Кати захватило дыхание от радости и волнения. И как была, в длинной ночной рубашке, босиком, она соскочила на пол, бросилась к двери – и остановилась, не зная, что делать. Бежать к папе или не бежать?

Конечно, хотелось броситься к нему, прижаться, завизжать, как Таня. Но Катя стояла как вкопанная. Что она скажет, если он спросит ее про школу?

Катя присела на кровать. И надо же было папе приехать, когда еще ничего, ничего не готово! Да, вышло все по-другому – совсем не так, как она думала!

Затаив дыхание, Катя прислушивалась к тому, что делалось в соседней комнате. Кто-то бегал взад и вперед по коридору. Должно быть, Таня готовила папе ужин, накрывала на стол. Вся квартира наполнилась таким шумом и такой радостью, как будто наступил праздник и пришли гости. Запахло кофе и еще чем-то вкусным...

Твердые, знакомые шаги слышались в соседней комнате у самых дверей. «Идет!..» У Кати еще сильнее забилося сердце. И надо же, надо было ему приехать как раз в такой неподходящий день! Ужасно досадно.

«Ну что стоило ему приехать на один день позже? – думала Катя. – А то не ехал, не ехал, и вдруг – здравствуйте! Приехал! Хоть бы догадался телеграмму послать: «Приеду такого-то, встречайте». Это так интересно – ехать на вокзал, встречать поезд. А то даже встретить себя не дал. И мама тоже – не могла послать из Крыма телеграмму. Денег им жалко, что ли? Ну, мама, пожалуй, и вправду бережет деньги, чтобы больше на хозяйство оставалось. А папа – нет. Просто он уж такой, недогадливый. К маминому рождению третий зонтик ей подарил. А на что человеку три зонтика?»

И не зная уже, на кого больше сердиться – на папу, на маму или на себя, – Катя юркнула в постель, свернулась клубком и сунула голову под подушку. И тут дверь скрипнула и приоткрылась...

– Папа! – закричала Катя и бросилась к отцу.

Он подхватил ее, смеясь уложил обратно в постель и присел на край кровати. Он был такой большой, такой загорелый, его широкие, сильные руки стали шершавыми от походной жизни. Катя потерлась щекой о его шершавую руку.

– Папочка, папа!

– Ну что ты, Кутька? Что ты?

Катя засмеялась от радости. Только папа называл ее такими смешными, дурашливыми именами. А папа, привстав и не переставая похлопывать по плечу Катю, смотрел на спящего Мишу. Миша безмятежно спал, раскинув поверх одеяла пухлые руки.

– Вырос, – тихо сказал Сергей Михайлович. – Уже и кровать мала стала, надо новую покупать...

– Он уже, папочка, пишет письменными буквами, – прошептала Катя. – И чернилами!

– А что у тебя, дочка? – спросил отец. – Какими буквами ты пишешь? Я что-то давно твоих букв не видел.

– Я? Я...

И тут с Катей случилось что-то неожиданное. Она ни с того ни с сего уткнулась лицом в дорожную куртку отца – куртка была жесткая, с туго набитыми карманами и с большими костяными пуговицами. Кате было даже немного больно от этих пуговиц, но она ничего не замечала.

– Я, папочка...

И она расплакалась. Слезы так и брызнули у нее из глаз. Она всхлипывала, хотела удержаться, но никак не могла.

– Да что с тобой, Кутенька, девочка моя?

– Ты ее разбудил, Сережа! – с упреком сказала мама, войдя в комнату. – Свалился как снег на голову, девочка обрадовалась, переволновалась. И все – спросонья. Спи, Катюшенька, спи. Завтра наговоритесь с папой.

– Ну-ну, – сказал папа вставая. – И вправду, утро вечера мудренее.

И его большая рука нежно погладила Катю по голове, по плечам, по спине.

– Ничего, Катенька, все хорошо будет.

И Катя почувствовала, что папа все понял. Он вышел, тихонько прикрыв за собой дверь, а Катя еще немножко поплакала, но на душе у нее было почему-то уже гораздо легче.

«Миленький, дорогой мой! – повторяла она, прислушиваясь к его шагам и голосу. – Все будет хорошо. Вот увидишь, все будет хорошо!»

Трудная задача

Чтобы успеть до уроков поговорить со Стеллой, Катя вскочила с постели раньше, чем всегда.

Она так торопилась, что забыла про все свои обязательства. Кое-как

постелила кровать, поспорила за завтраком с бабушкой, которая, как всегда, требовала, чтобы Катя ела не торопясь, и, не застегнув пальто, выбежала на улицу. Подбегая к школьному крыльцу, она вспомнила, что собиралась каждый день делать зарядку.

«Ну ладно, с завтрашнего дня начну, – подумала Катя, – сегодня некогда».

Часы на углу показывали уже начало девятого. Моросил мелкий дождик, и ветер почему-то норовил забраться в рукава или за воротник. Но Катя не обращала на это никакого внимания. Вскочив на верхнюю ступеньку крыльца и вытянув шею, она смотрела, не покажется ли вдали Стелла. Школьницы, большие и маленькие, подходили поодиночке или целыми стайками, взбегали по ступенькам и скрывались за большой, поминутно хлопающей дверью, а Стеллы все не было.

Наконец вдали показалась знакомая пелеринка красного – не такого, как у всех девочек, – пальто. Стелла! Катя побежала ей навстречу.

– Вот хорошо, что ты уже пришла, – сказала Катя, хватая ее за руку. – Надо сегодня же собрать совет отряда. А может быть, даже сбор устроим. Понимаешь, надо, чтобы все у нас пошло совсем-совсем по-другому.

– Что «все»?

Стелла с удивлением смотрела на Катю, не понимая, о чем она говорит.

– Да все вообще. Мы с Аней вчера были у Людмилы Федоровны...

– Подожди, – перебила ее Стелла. – Дай раньше хоть под навес зайти. Ведь дождик идет!

Она побежала вперед.

Катя догнала ее и отвела в сторонку:

– Ты понимаешь, Стелла, Людмила Федоровна ужасно огорчилась, когда узнала, что у нас творится в классе. А муж Людмилы Федоровны, летчик, так рассердился на нее, что мы с Аней даже испугались.

– За что же – на нее?

– Ну как же? Ведь выходит, что она плохая учительница. И главное дело – это из-за нас! Ну, ничего, еще можно все поправить.

Волнуясь и радуясь тому, что сейчас они со Стеллой с одного маху все переделают, Катя рассказала ей, что именно она задумала.

Стелла смотрела на Катю непонимающими глазами.

– Я не шумела на уроках, – сказала она, дернув плечом, – и ничего плохого Анне Сергеевне не сделала. А вы что, успели пожаловаться на весь класс? И на меня тоже?

Катя от неожиданности даже не нашлась сразу, что сказать.

– Как это «нажаловаться»? – удивилась она. – Мы же все плохо

встретили новую учительницу. Что ж ты себя выделяешь?

– Потому что я тут ни при чем.

– «Ни при чем»! – Катя так и вспыхнула. – Ты вечно «ни при чем»! А еще председатель совета отряда! И надо же нам было тебя выбрать.

– Я никого об этом не просила, – сказала Стелла. – Чего ты от меня хочешь? Мне и так дома попало за то, что я не отказалась.

– Вы о чем это спорите? – послышался знакомый голос. – Что у вас тут такое?

Катя обернулась. По крыльцу поднималась Наташа, за ней шли Лена и Настя.

– Ничего такого! – отрезала Стелла и первая открыла дверь.

Девочки прошли за ней в раздевалку. Катя повесила пальто и опять подошла к Стелле. Стелла посмотрела на нее настороженно, как-то даже испуганно. Но Катя этого не заметила.

– Слушай, Кузьминская, – сказала она. – Давай после уроков пойдем к Надежде Ивановне или к Оле.

Стелла пожала плечами:

– После уроков я сразу уйду. Мне домой надо.

Катя махнула рукой и, прыгая через ступеньку, побежала в класс, чтобы успеть предупредить девочек о том, что сегодня все должны вести себя совсем не так, как до сих пор. Но было уже поздно.

Едва Катя переступила порог класса, как следом за ней влетела Ира Ладыгина с криком:

– Аннушка идет!

И сейчас же вслед за ней вошла Анна Сергеевна.

Все встали. У Кати так и забилося сердце.

«Ой, наверно, слышала! Опять обидели ее! Вот тебе и «все по-другому»!»

Но Анна Сергеевна, видно, не обиделась. Спокойно, чуть улыбнувшись, она сказала:

– К сожалению, давно прошло время, когда меня можно было так называть. Садитесь.

Девочки сели. Анна Сергеевна сразу же приступила к делу.

– Ну посмотрим, – сказала она, – как вы сегодня будете решать задачи.

Заглянув в свой журнал, она вызвала Нину Зеленову. Нина, как всегда аккуратная, гладко причесанная и тихая, легкой походкой подошла к доске.

Все раскрыли тетрадки, и Анна Сергеевна принялась диктовать задачу:

– Пять землекопов вырыли в шесть дней канаву длиной в четыреста восемьдесят метров. Какой длины канаву выроют четыре землекопа в два

дня?

Нина мелким, четким почерком написала условия задачи и теперь внимательно смотрела на доску, чуть шевеля губами и вертя в пальцах мелок.

А тем временем девочки записывали эту же задачу у себя в тетрадках. Было тихо, только поскрипывали перья.

– И чего понадобилось этим землекопам рыть канаву? – тихонько ворчала за спиной у Кати Ира Ладыгина. – Да еще такую длинную. Вечно роют и роют, а ты высчитывай.

– Да замолчи же! – зашикала на нее Катя и обернулась назад. – Тише! Анна Сергеевна услышит.

– Что с тобой, Катюшка? – опять донесся насмешливый шепот. – Подлизываешься?

Катя так и вспыхнула.

– И не думаю! – сказала она и опять оглянулась на сидящих позади.

Анна Сергеевна постучала по столу.

– Девочка во втором ряду у окна! – сказала она строго и посмотрела на Катю. – Ты нам опять мешаешь.

Катя привстала с места:

– Я?

– Да, ты.

Катя опустила голову.

– Садись, – сказала Анна Сергеевна.

Катя села, а позади нее снова раздался насмешливый шепоток:

– Ага, получила? «Девочка во втором ряду»!.. Так тебе и надо!

Наташа обернулась и прошептала, сердито глядя на Иру:

– Тише, тебе говорят! Неужели ты не можешь хотя бы немножко помолчать?

А Катя добавила сквозь зубы:

– Людмила Федоровна две недели может...

Но Анна Сергеевна уже смотрела в сторону Кати строгим взглядом. Наташа дернула подругу за рукав. Катя села как следует, но Анна Сергеевна, оставив Нину одну у доски, подошла к Кате.

– Что тут все время происходит, хотела бы я знать, – сказала она.

Катя сидела, опустив голову.

– Снегирева, – сказала опять Анна Сергеевна.

Катя встала.

– Какой должен быть первый вопрос?

Катя молчала.

– Что нам нужно узнать прежде всего?

Катя переступила с ноги на ногу и пробормотала, опустив глаза:

– Я еще не успела подумать...

– Не успела? – Анна Сергеевна покачала головой. – Да, я вижу, что ты успеваешь только болтать на уроке и вертеться. Ты невнимательна.

И, обратившись ко всему классу, она добавила:

– Имейте в виду, девочки: на экзамене вам, может быть, придется решать задачу такого же типа, как эта. Только та, наверно, будет потруднее. От того, поймете ли вы и решите ли эту задачу сегодня, зависит отчасти, решите ли вы такую же задачу на экзамене. Садись, Снегирева.

Анна Сергеевна вернулась к Нине и попросила ее повторить, что в задаче уже известно и что нужно узнать.

И пока Нина отвечала, Катя торопливо записывала условия задачи:

«5 землекопов вырыли в 6 дней...»

Она то смотрела на доску, то заглядывала в тетрадь к Наташе. Но не успела Катя дописать условия задачи до конца, как Нина уже принялась решать. Она писала так мелко, что у Кати просто зарябило в глазах. Мелок постукивал о доску, и белые крошки сыпались и сыпались на пол. Анна Сергеевна, отойдя от доски, молча смотрела, как доска покрывается частыми белыми строчками.

«Хоть бы объяснила, что делает! – с досадой подумала Катя. – А то пишет, пишет, а что пишет, не поймешь. Ладно, потом разберусь».

Она стала торопливо списывать с доски цифру за цифрой, но тут как раз Нина дошла до самого нижнего угла доски и стала рассказывать, как она решала задачу. Объясняла она не очень понятно. Во всяком случае, Катя ничего не поняла.

«Почему это она там умножает, а здесь делит?» – с недоумением спрашивала она себя и, чтобы как-нибудь разобраться, опять заглянула в тетрадь к Наташе. Но, словно нарочно, в эту минуту Наташа дописала страницу и осторожно накрыла ее листком промокательной бумаги с розовой ленточкой на уголке.

У Наташи было сейчас очень серьезное, сосредоточенное выражение лица. Она перевернула страничку и стала аккуратно выводить цифры, даже не замечая того, как растерянно поглядывает на нее подруга.

Катя опять склонилась над задачей. И ей вспомнилось, как Людмила Федоровна, бывало, спрашивала на уроке арифметики: «Ну, как мы размотаем этот клубочек? Кто найдет ниточку?»

«Размотать клубочек» означало решить задачу, а «найти ниточку» – догадаться, с чего надо начать решение. И Катя всегда радовалась, когда

находилась ниточка и клубочек разматывался. Но сегодня она упустила эту ниточку, и теперь клубок не только трудно было размотать – он запутывался для нее все больше и больше.

– Понятно, девочки? – неожиданно спросила Анна Сергеевна. – Всем понятно?

Кате хотелось сказать, что ей все осталось непонятно – с самого начала, – но постеснялась. Ведь тогда Анна Сергеевна увидела бы, что Катя ничего, ровно ничего не слышала, а потому ей и непонятно.

«Опять не слушала, опять все прозевала! – подумала она с ужасом. – Дала себе слово не зевать, а сама зеваю».

Катя уже не раз замечала за собой эту привычку – уноситься мыслями за тридевять земель. Сколько раз Людмила Федоровна, объясняя что-нибудь, останавливалась на полуслове и говорила строго: «Катя Снегирева, ты опять витаешь в облаках?» Катя встряхивала головой и возвращалась «с облаков на землю». А новая учительница ведь не знает, что у Кати такая плохая привычка – задумываться, и не станет из-за нее прерывать урок. И теперь Катя будет пропускать все больше и больше и совсем отстанет от класса. Хорошо еще, что Анна Сергеевна пока не вызвала ее к доске. А что, если сейчас возьмет и вызовет? Кате стало страшно. Еще не хватает сегодня домой двойку принести! Папе в подарок.

«Нет, нет! – твердо решила она. – Не буду больше задумываться».

И ей вспомнилась запись, сделанная вчера на листке из тетрадки: «Буду решать задачу, пока не решу».

И почему это особенно трудно поступать так, как сам себе прикажешь? Начнешь – и бросишь почему-то... Нет, очень трудно избавиться от недостатков! Катя даже и не знала, что это так трудно. А бабушке и всем дома кажется, что очень просто. Стоит только захотеть. Нет, эта задача еще потруднее, чем задача про землекопов!

Катя напрягла внимание, и, словно в награду за все усилия, «ниточка» вдруг далась в руки.

«Надо узнать, какой длины канаву выроют все пять землекопов в один день», – сообразила она, и клубочек стал разматываться будто сам собой. Все так и пошло в ход. Теперь уже ничего не стоило узнать, сколько выроет за один день один землекоп, а потом, сколько выроют за один день все четыре землекопа.

Катя писала быстро и весело. Она даже почти не смотрела на доску. Ей оставалось только высчитать, сколько выроют четыре землекопа за два дня, как вдруг она услышала позади себя какую-то возню и перешептыванье. Она опять невольно оглянулась и увидела, что Ира Ладыгина занимается

своей собственной «арифметикой». Закрыв глаза и откинув голову, она писала в тетрадке палочки и при этом шептала:

Я пишу, пишу, пишу,
Шестнадцать палок напишу.
Вы тогда поверите,
Если все проверите.

А Ирина соседка, белобрысенькая Тоня Зайцева, молча следила за тем, чтобы Ира писала честно, без подглядывания.

Дописав все до конца, Ира открыла глаза и принялась считать палочки. В другое время Кате, может быть, и самой было бы любопытно проверить, действительно ли их получилось у Иры ровно шестнадцать. Но сейчас ей было не до того.

– Перестань! – прошептала Катя. – Сию же минуту перестань. Не мешай!

Ира замолчала, но скоро пришел от нее ответ:

«Я хочу, чтобы поскорее вернулась Людмила Федоровна, а ты, наверно, хочешь, чтобы у нас осталась эта старая ворона».

Катя скомкала записку и невольно с тревогой посмотрела в сторону учительницы. Нет, Анна Сергеевна не смотрела на них. Она стояла у доски и, одобрительно покачивая головой, следила, как Нина дописывает последний вопрос. Лицо у Анны Сергеевны было серьезное, немного грустное и такое усталое, что у Кати вдруг сжалось сердце. «Старая ворона»! Кате стало стыдно, так стыдно, как никогда еще не бывало. Стыдно за Иру, за весь класс, а больше всех за себя. Ведь если бы она тогда не сказала Анне Сергеевне «несправедливо», Ира сегодня даже и не подумала бы написать такую записку.

И Катя ясно почувствовала, что надо сейчас же, сию минуту, извиниться перед Анной Сергеевной. Сердце у нее забилося так, словно хотело выпрыгнуть, она стиснула зубы и решительно подняла руку.

Анна Сергеевна выжидающе посмотрела на Катю:

– Ты хочешь что-то сказать, Снегирева?

Катя встала и перевела дыхание. Говорить оказалось куда труднее, чем решиться поднять руку.

– Анна Сергеевна, – начала Катя каким-то глухим, прерывающимся голосом, – я один раз... сказала вам... ну... то, что не должна была говорить. Я, наверно, обидела вас. Извините меня, пожалуйста! И всех нас

тоже.

Девочки, сидящие впереди, с удивлением оглянулись на Катю. И больше всех, казалось, была удивлена сама Анна Сергеевна. Она тоже смотрела на Катю, как будто припоминая, чем обидела ее эта шумливая, беспокойная девочка. Потом она улыбнулась немного растерянной улыбкой и провела рукой по волосам.

– Ничего, Снегирева, – сказала Анна Сергеевна. – Я на тебя не сержусь. Хорошо, когда человек находит в себе силу воли признать свою ошибку... Ты сейчас поступила правильно. По-пионерски.

На большой перемене

Еле дождалась Катя в этот день большой перемены. Уж очень хотелось ей поскорей поговорить с девочками обо всем, что случилось. Интересно, поняли они, почему она извинилась перед Анной Сергеевной, или нет? Неужели кто-нибудь скажет, что она просто испугалась, как бы новая учительница не стала придираться к ней? Нет, не может быть. Ни Настенька Егорова, ни Лена Ипполитова, ни Наташа, ни Аня никогда не подумают о ней так плохо. А то, что она будто «подлизывается», так это Ладыгина сказала, наверно, тоже не подумавши. Уж чем-чем, а подлизой Катя никогда не была. Ира это прекрасно знает. А все-таки на душе как-то неспокойно...

И вот наконец прозвенел долгожданный звонок. Большая перемена! Самое подходящее время, чтобы рассказать девочкам про вчерашний разговор с Людмилой Федоровной и с Петром Николаевичем и объяснить, почему она, Катя, не могла, ну просто не могла не извиниться перед Анной Сергеевной.

Катя вскочила с места и первая выбежала из класса.

– Девочки! – позвала она подруг, стоя в дверях. – Лена, Настенька, идемте скорее сюда, в самый конец коридора. Мне надо сказать вам что-то очень важное.

Но едва она переступила порог, как перед ней оказалась Оля. Они чуть не сшибли друг дружку с ног.

– Куда это ты, Катюша? – сказала Оля, отступая на шаг. – Постой, не убегай. Надежда Ивановна зовет вас к себе в пионерскую комнату.

– Кого зовет?

– Весь совет отряда и звеньевых.

– И меня тоже? – удивилась Катя.

– А как же! Если всех звеньевых, то, конечно, и тебя. Ну, собирайтесь скорей – и пошли.

– Оля, а ты не знаешь, что будет? – наперебой заговорили девочки. – Плохое или хорошее?

– А вот сейчас увидите, – слегка усмехнувшись, ответила Оля и быстро зашагала по коридору, а за ней – весь совет отряда и звеньевые.

Пионерская комната всегда казалась Кате самой красивой комнатой в школе, если не считать, конечно, актового зала. Все ей здесь нравилось своей нарядной, торжественной деловитостью – и большой, покрытый красным сукном стол, на котором были разложены детские журналы, и сшитые вместе номера «Пионерской правды», и дружинное знамя, стоящее у стены, а возле знамени – столик с горном и отрядными флажками. Здесь были всегда свежие цветы – на тумбочке, задрапированной кумачом.

Но сегодня Катя не замечала ничего вокруг – так сильно была она встревожена предстоящим разговором.

«Надежда Ивановна уже знает, конечно, как я вела себя все эти дни, – думала Катя. – А вот что я сегодня извинилась перед Анной Сергеевной, этого она еще не может знать. Ох, что-то будет? Что будет?..»

– Ну вот, Надежда Ивановна, все в сборе. Можно начинать, – сказала Оля значительно, и Катя по ее голосу поняла, что разговор будет серьезный.

Да, конечно, очень серьезный. Вон какое строгое лицо сегодня у Надежды Ивановны, как внимательно и пристально смотрит она на всех.

– Ну, девочки, – сказала Надежда Ивановна, поглядывая на свои ручные часы, – у нас очень мало времени. Так давайте не будем терять ни минуты. Садитесь, и потолкуем.

Девочки нерешительно присели на стулья, поставленные в ряд у стены. А Надежда Ивановна прикрыла поплотнее дверь, прошла разок но комнате и остановилась прямо против девочек.

– Я бы хотела узнать, – начала она, переводя глаза с одной на другую, – почему у вас так беспокойно в классе? Что вас всех волнует? Говорите прямо.

Девочки переглянулись.

Старшая вожатая опять посмотрела на часы.

– Что же вы молчите? Перемена скоро кончится... Ну, Кузьминская, ты у нас председатель совета – скажи ты.

– Надежда Ивановна, – начала Стелла, и лицо у нее сразу покрылось румянцем, – право, я не знаю... Я ничего плохого не сделала. На уроках я не шумела. И у меня нет ни одного замечания.

– Очень хорошо, – прервала Стеллу Надежда Ивановна. – Значит, ты

не шумела и не получила ни одного замечания. Ну а другие? Тебя хоть немножко интересуют чьи-нибудь дела, кроме твоих собственных?

– Интересуют, – равнодушно ответила Стелла.

– Ну и что же ты заметила? Вес ведут себя так же примерно, как и ты?

– Нет! – сказала Стелла и сразу оживилась. – Другие на уроках шумят.

Они почему-то недовольны.

– Чем же они недовольны?

Стелла замялась:

– Н-не знаю. Они, кажется, думают, что Анна Сергеевна слишком строгая и придирчивая.

– А по-твоему?

– По-моему, не слишком...

Надежда Ивановна кивнула головой и, заметив, что Валя Ёлкина хочет что-то сказать, повернулась к ней:

– А ты как думаешь?

– Я думаю, что слишком! – сказала Валя. – Лене Ипполитовой чуть было тройку не поставила. Подумайте только, Надежда Ивановна: нашей Ленке! Придиралась – ужас как!

Лена Ипполитова круто повернулась к Вале и строго посмотрела на нее сквозь свои большие очки:

– Да что ты, Валя! В тот день я и правда почему-то плохо отвечала. Это я сама была виновата, а совсем не Анна Сергеевна. Она справедливая. Правда, девочки?

– Правда, справедливая, – сказала Зоя Алиева.

– И даже очень! – подтвердила Настя. – Вот, например, сегодня она вызвала к доске Нину Зеленову. По арифметике... Придиралась она к тебе, Нина? Скажи прямо.

– Ни чуточки не придиралась, – ответила, густо краснея, Нина (от застенчивости она обычно молчала, а если ее о чем-нибудь спрашивали на людях, краснела до корней волос).

– Ну вот, – сказала Настя, обращаясь к Надежде Ивановне. – Видите?

Надежда Ивановна обернулась к Кате:

– А ты как считаешь, Снегирева?

– Я тоже так считаю, – сразу ответила Катя. – Анна Сергеевна строгая, но справедливая. Вчера, когда мы с Аней были у Людмилы Федоровны...

– Вы были у Людмилы Федоровны? – разом заговорили девочки. – Что ж вы ничего не рассказали?

– Да мы еще не успели.

– Самое важное – не успели!..

– Тише, девочки! – остановила их Надежда Ивановна.

И когда стало тихо, спросила:

– Ну и что же, Катя, как чувствует себя Людмила Федоровна?

– Не очень хорошо...

– Не очень? А спрашивала она вас о том, что делается в вашем классе?

– Спрашивала, – тихонько ответила Катя и почувствовала, что краснеет сильнее, чем Нина Зеленова. – Только Людмила Федоровна не говорит, а пишет. В блокноте.

– Что же вы ей рассказали?

– Все!

Катя подняла голову и, глядя Надежде Ивановне прямо в глаза, сказала, как была огорчена Людмила Федоровна, как бранил их Петр Николаевич и как на площадке лестницы они с Аней дали друг другу честное пионерское, что теперь у них все пойдет по-другому...

– А сегодня я извинилась перед Анной Сергеевной, – решительно добавила она, – потому что... один раз... – но тут ей стало очень трудно говорить. А говорить надо было: Надежда Ивановна и Оля выжидающе смотрели на нее. Катя наморщила лоб, облизала сухие губы и продолжала через силу: – Потому что я один раз... сказала Анне Сергеевне грубое слово. То есть не то что грубое, а то, что не должна была говорить. В общем, обидела ее. Ну вот я и попросила у нее прощенья. Это было мне очень трудно.

– Я понимаю, – серьезно сказала Надежда Ивановна, и Кате показалось, что голос у нее сделался какой-то особенный – мягкий, добрый.

Теперь самое трудное было уже позади. Катя тряхнула головой и перевела дух.

– Анна Сергеевна сказала, что не сердится, – продолжала она, – но в классе у нас еще очень беспокойно, и мы никак не можем сделать, чтобы все сразу стало как следует.

– Сразу ничего не делается, – чуть улыбнувшись, проговорила Надежда Ивановна.

– Уж и не знаю, – Катя горестно и задумчиво покачала головой. – Наверно, не делается. Право, Надежда Ивановна, уж теперь мы все хотим, чтобы в классе у нас был порядок, а на уроках отчего-то делается все шумней и шумней. Вот и сегодня мне попало, потому что я все время говорила «тише», а новой учительнице показалось, что я больше всех верчусь и болтаю. Я хочу, чтобы было лучше, а выходит хуже!

Катя с обидой поглядела вокруг, как будто именно те девочки, которые

тут сидели, были виноваты, что все выходит не лучше, а хуже.

– Понятно, – кивнула ей Надежда Ивановна. – На уроке никогда не нужно говорить «тише». От этого только получается больше шума. Пусть во время занятия каждый следит за собой. А после уроков, на переменах, пожалуйста, – можете и пробрать кого следует.

Надежда Ивановна подумала немножко и продолжала:

– Вы должны понять вот что. Анна Сергеевна никого из вас еще почти не знает. Так же как и вы ее. Но пройдет еще неделя-другая – и она узнает вас ближе и разберется, кто как учится, кто хочет учиться, старается, а кто – нет. Одним словом, она присмотрится к вам, поймет каждую из вас. Ведь подумайте сами: не могла же она за несколько дней узнать вас так, как узнала за несколько лет Людмила Федоровна! И вы еще должны понять, что если уж взрослый человек не может сразу разобраться в людях – даже и в маленьких, – то тем более не можете вы, дети, сразу узнать и оценить взрослого человека. Понятно?

– Понятно! – звонко откликнулись девочки.

Раскатистый, всюду слышный звонок ворвался в комнату, и сразу же все встали.

– Ну вот что, – торопливо сказала Надежда Ивановна. – Надо будет на днях устроить сбор отряда и всех подтянуть. А пока – что сможете, сделайте сами. Поговорите с подругами серьезно. Как члены совета отряда. И поскорее. Не откладываете в долгий ящик.

– Жалко, что сегодня не удастся, – сказала Оля. – У меня, как назло, шесть уроков.

– Это ничего, пусть девочки пока поговорят с отрядом сами.

Катя так и встрепенулась:

– Ага, Стелла! Вот видишь! А ты не хотела...

Стелла ничего не ответила и только пожала плечами.

Надежда Ивановна искоса посмотрела на обеих девочек, а потом на Олю. Оля чуть заметно кивнула головой.

– Ну, – сказала Надежда Ивановна, – идите в класс, да поторапливайтесь, а не то на урок опоздаете.

Слегка подталкивая друг друга в дверях, девочки вышли из комнаты и пустились бегом по коридору, уже почти совсем опустевшему.

Честное пионерское

– Девочки, сейчас же положите сумки! Наташа и Аня, станьте у двери.

Никого из класса не выпускать! Звеньевые – к звеньям!

Так командовала Катя, перебегая от парты к парте после того, как Анна Сергеевна вышла из класса. Сегодня учительница ушла раньше своих учениц, потому что спешила в другую школу – к мальчикам. Она поручила Зое Алиевой последить за тем, чтобы все спокойно разошлись по домам. Но Катя никого не выпускала.

– Зоя, подожди немножко, – говорила она. – Наташа и Аня, держите дверь крепче.

Никто не мог понять, в чем дело, кроме членов совета отряда и звеньевых, побывавших на большой перемене у Надежды Ивановны.

– Да что случилось? – спросила Наташа у Ани, которая уже стояла у дверного косяка, как солдат на часах.

– А вот увидишь, – ответила с таинственным видом Аня, хотя сама не знала ровно ничего. – Ты только никого из класса не выпускай!

И она изо всех сил вцепилась в медную ручку двери.

А Катя уже стояла возле учительского стола.

– Девочки, нам надо сказать вам что-то очень, очень важное! – почти кричала она, ударяя ладонью по столу. – Кто там шумит? Успеете сложить книжки. Стелла, выходи сюда! Начинай!

– Да что ты ко мне пристала? – с досадой сказала Стелла и, нахмутив тоненькие черные брови, сердито посмотрела на Катю. – Почему это непременно я должна начинать?

– Потому что ты председатель совета отряда.

– Так ведь сегодня у нас нет сбора, а так – простой разговор. Можешь говорить сама.

– И буду. Сама все скажу, если ты такая... такая...

– Какая «такая»?

– Не знаю. Это сейчас все равно... Девочки! Людмила Федоровна на нас очень сердится. Мы ее подвели!

По классу словно ветер пробежал.

– Как это – подвели? Когда? Чем? – заговорили все сразу. – Почему ты знаешь, что она сердится?

– А мы с Аней вчера вечером были у нее. И вот, когда она узнала, как мы встретили Анну Сергеевну, она чуть-чуть не заплакала.

И Катя принялась рассказывать.

Но говорила она теперь совсем не так, как на большой перемене, когда ее расспрашивала Надежда Ивановна.

Ведь Надежда Ивановна, хоть и носит красный галстук и лучше всех разбирается в пионерских делах, все-таки не пионерка, не ученица

четвертого класса. Она – большая, а большим интересно только самое главное. И времени тогда было маловато, всего каких-нибудь пятнадцать минут. А теперь никто Катю не торопил – уроки кончились, да и девочкам, конечно, хочется узнать все подробно.

И она рассказала по порядку, как они пришли, позвонили, как увидели в передней огромные меховые сапоги – унты, как их встретила Людмила Федоровна, как разговаривал с ними Петр Николаевич. Одним словом, рассказала все-все как было.

Девочки слушали, затаив дыхание.

– Неужели он так и сказал: «Зря вы ее любите, она плохая учительница»? – с негодованием спросила Валя Ёлкина. – А она что же?

– Да ничего. Ведь ей и говорить-то не позволяют. Написала что-то у себя в блокноте, а он и читать не стал.

– Вот ужас! – сказала Лена Ипполитова.

– Ну а вы что? – закричала Ира Ладыгина. – Вы что сказали? Ведь вам-то говорить можно!

Тут Аня Лебедева не выдержала. Она отбежала от двери и закричала еще громче Иры:

– Ну что ты спрашиваешь? Думаешь, сами не понимаем? Мы, конечно, сказали, что она лучше всех.

– А он – что?

Катя подняла руку:

– Тише, девочки! Аня, стой на своем посту. Он сказал: «У нас считается так: тот командир хорош, у которого солдаты хороши. А если солдаты плохие, безо всякой дисциплины – значит, и командир никуда! Так и у вас, – говорит, – если ученицы ведут себя плохо – значит, учительница их воспитать не сумела. Плохая, значит...»

– А она и тут – ничего?

– Ничего! Только голову опустила и стала такая грустная-грустная. Наверно, подумала: «Бедная я учительница! Сколько я старалась, а стоило мне один раз заболеть – и девочки взяли и сразу распустились. Что теперь про меня в школе скажут? Скажут, что это я их плохому научила...»

В классе стало тихо-тихо.

– А что ж, конечно, – медленно и серьезно проговорила Настенька. – Очень даже скажут. Ну и удружили мы Людмиле Федоровне! Так подвели, так подвели!..

– Что ж теперь делать? – спросила Лена Ипполитова и от волнения даже уронила очки. – Как вы думаете, девочки?

– А вот что, – твердо сказала Катя. – Вчера мы с Аней как вышли от

Людмилы Федоровны, так тут же на лестнице дали под салютом честное пионерское, что все у нас пойдет по-другому. Вот потому-то я сегодня и попросила извинения у Анны Сергеевны...

Катя чувствовала, что девочки согласны с ней, и от этого ей было как-то особенно легко и весело. Она обвела глазами класс и невольно остановила взгляд на Стелле.

«Ну что? – подумала она с горделивым задором. – Что ты теперь скажешь? Надо или не надо было говорить с девочками?»

Но на лице у Стеллы нельзя было прочесть ровно ничего. Оно было спокойное и, как всегда, задумчиво-равнодушное.

Во всяком случае, спорить с Катей она не станет – и то уже хорошо.

– Ну, девочки, – сказала Катя, тряхнув головой, – я предлагаю...

Но тут с места неожиданно вскочила Ира Ладыгина:

– Что предлагаешь? Чтобы мы тоже извинились? Ишь, какая хитрая! Довольно, что ты одна струсила.

Катя так удивилась, что даже не сразу поняла Иру.

– Что? Что такое? – спросила она.

– А то, что ты сперва нагрубилась, потом испугалась и давай подлизываться, – сказала с места Клава Киселева. И добавила, передернув плечами: – А мы за тебя прощенья проси! Очень надо!

Катя хотела ответить, но от обиды растеряла все слова. Ей стало жарко. Она невольно приложила к щекам ладони.

– Ага, покраснела, покраснела! – закричала Ира. – Значит, правда...

– А вот и неправда! – крикнула, стоя у дверей, Аня (она больше не решалась оставлять свой пост). – Катя никогда ни к кому не подлизывается!

– Зато ты к ней подлизываешься!

– Я?

– Ты!

Но тут в дело вмешалась Зоя Алиева. Она встала, подошла к учительскому столу с другой стороны и посмотрела на класс сердитыми, сузившимися и потемневшими глазами:

– Молчи, Ира! Глупости ты говоришь. «Подлизывается, подлизывается»... Никто у нас не подлизывается. Мы – пионерки. Забыла, да? Нельзя забывать. А Снегирева хорошо говорит. Очень хорошо. Мы все с ней согласны. Весь класс. А кто не согласен, пускай прочь идет... Ты что хотела предложить, Катя? Говори, кончай.

– Да я уж почти кончила, – сказала Катя, переводя дух. – Я хотела только предложить, чтобы весь наш класс, весь отряд по звеньям, дал такое же обещание, как мы с Аней вчера. Давайте так учиться и вести себя, чтобы

Людмиле Федоровне не было за нас стыдно! – Она подумала секунду и добавила: – И чтобы Анне Сергеевне не было с нами трудно.

– Давайте, давайте! – закричали все разом. – Молодец, Катя! Правильно сказала.

А Настенька Егорова повернулась к Ире и спросила насмешливо:

– Ну что, ты и тут не согласна? Девочки, пускай Ладыгина лучше ничего не обещает. Все равно ей слова не сдержать.

Теперь уж пришел черед краснеть Ире Ладыгиной. Глаза у нее наполнились слезами.

– Как это – не сдержать? Почему не сдержать?.. – сказала она дрожащим голосом. – Девочки, да ведь я просто не поняла. Я думала...

– А ты сначала дослушай, потом подумай, а уж потом спорь, – наставительно сказала Зоя Алиева. – А то и не так еще стыдно будет.

Зоя неторопливо отошла от стола и села на место.

Катя оглядела класс, все три ряда, и сразу нашла глазами звеньевых. Вот слева, ближе к двери, – Настенька Егорова, как всегда спокойная, простая, но сейчас какая-то особенно серьезная; в середине – кудрявая Валя Ёлкина. Только в звене справа одно место – в третьем ряду у окна – пусто, потому что звеньевая этого звена сама Катя.

– Звеньевые! – сказала она негромко, но торжественно. – Даете честное пионерское, что с завтрашнего дня будете следить за своими звеньями?

Настя Егорова и Валя Ёлкина поднялись с мест и почти в один голос ответили:

– Даем!

Потом Настя обернулась к своему звену, и по всему классу прозвенел ее чистый голос:

– Мое звено, даешь слово?

– Даем! – дружно ответили все девочки ее звена.

– Мое звено, – сказала Валя и тоже обернулась к своему ряду, – даешь слово?

– Даем! – раздалось в ответ.

Катя подошла к своему звену и стала перед ним:

– Мое звено, даешь слово?

И Катино звено еще дружнее и звонче откликнулось на призыв своей звеньевой.

Слово пионера. Честное пионерское... Катя дала его вчера своей больной учительнице и повторила сейчас вместе со всем отрядом.

Разговор с отцом

Дверь открыл Миша.

– Папа приехал! – крикнул он так громко и отчаянно, что Катя испугалась и чуть не выронила сумку. – Ночью приехал!

– А ты что думаешь – я про это и не знаю? – сказала Катя как можно спокойней и серьезней и усмехнулась снисходительно, словно большая. – Это было совсем не ночью, а вечером. Только ты уже спал.

– А ты?

– А я еще нет! – с гордостью ответила Катя, подпрыгивая, чтобы достать до вешалки.

Миша немножко нахмурился, но тут же снова повеселел:

– Ну и пусть спал, а все-таки я знаю, что папа привез! А ты не знаешь. Ага! Сказать?

Катя сразу обернулась и схватила Мишу за рукав:

– Что? Что привез? Да не тyani ты – говори скорее!

– Отгадай. Начинается на «чи»...

– Живое?

– Живое!

– Чижа?

Миша усмехнулся:

– Разве в пустыне чижи бывают? Они в скворечниках живут.

– Так то скворцы, а не чижи.

– Все равно, в пустыне их нет.

Катя призадумалась:

– Чибиса?

– Как бы не так! – Миша торжествующе смотрел на Катю. – Сказать? Чи-ри-па-ху!

– Эх ты, грамотей! Черепаха, а не чирипаха! – Катя легонько щелкнула Мишу по лбу. – Это у тебя что – череп или чирип?

– Это у тебя чирип, а у меня голова, а в голове – ум, – ответил Миша.

В другой раз Катя не спустила бы ему такую дерзость, но сейчас ей было не до него. Да и кроме того, она ведь дала обещание не дразнить Мишу. Поэтому она только показала ему кончик языка, осторожно подошла к приоткрытой двери и заглянула в комнату.

Сергей Михайлович сидел за письменным столом и разбирал в выдвинутом ящичке свои бумаги.

– А, Кутеньш! – обрадовался он и протянул Кате обе руки.

– Можно к тебе, папочка? Я на минутку, – сказала Катя и подошла к отцу.

Сергей Михайлович задвинул ящик.

– Можно и на две, – сказал он. – Дай-ка на тебя поглядеть... А ты, сынок, забирай пока вот эту книгу. Она хоть и научная, но в ней много интересных картинок.

Папа дал Мише толстую книгу, и он бережно понес ее обеими руками в другую комнату.

Катя прижалась к папиному колену. Ей очень хотелось рассказать ему обо всем, но она не знала, с чего начать.

– Папочка, – сказала она, – ты знаешь, отчего я ночью плакала? У нас было ужасное время.

– У кого это «у нас»?

– У нас в школе. То есть в классе. Мы совсем запутались.

– Да ну? – сказал папа.

И Кате показалось, что он чуть-чуть улыбнулся. Она быстро повернулась к нему и внимательно на него посмотрела. Нет, это ей показалось. Лицо у него было совершенно серьезное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.